

ISSN 2073-6304

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Экономика.
Управление. Право»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Economics.
Management. Law”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

1
2024

RSUH/RGGU BULLETIN. “Economics. Management. Law” Series

Academic Journal

There are 4 issues of the printed version of the journal a year.

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Economics. Management. Law” Series is included in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings. Peer-reviewed publications fall within the following research area:

Economics

5.2.1. Economic theory

5.2.4. Finance

5.2.5. World economy

5.2.6. Management

Jurisprudence

5.1.3. Private law (Civilistic) Sciences

Objectives and scope

The purpose of the journal is the dissemination and popularization of modern economic and legal knowledge, the publication of the results of relevant scientific research in the field of management, economics and law.

The main task of the journal is to become an effective means of communication between university and academic science, education and the professional community on a wide range of the most important socio-economic and legal problems of the development of regions, the country and the world.

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61880 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – reg. No. FS77-73407 of 03.08.2018

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

tel: +7 (499) 973-40-96

e-mail: ynic2010@mail.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

Экономика

5.2.1. Экономическая теория

5.2.4. Финансы

5.2.5. Мировая экономика

5.2.6. Менеджмент

Юриспруденция

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Цели и область

Цель журнала – распространение и популяризация современных экономических и юридических знаний, публикация результатов актуальных научных исследований в области управления, экономики и права.

Главная задача журнала – стать эффективным средством коммуникации между университетской и академической наукой, образованием и профессиональным сообществом по широкому кругу важнейших социально-экономических и правовых проблем развития регионов, страны и мира.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61880 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73407 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6

Тел.: +7 (499) 973-40-96

Электронный адрес: unic2010@mail.ru

© Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право», 2024

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

N.I. Arkhipova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

N.Yu. Sopilko, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*the first deputy editor-in-chief*)

S.N. Bolshakov, Dr. of Sci. (Economics), professor, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation

A.B. Il'in, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.A. Talimova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Karaganda University of Kazpotreboysouz, Karaganda, Republic of Kazakhstan

Nur Abd Ehl' Vadud Nada Salem, professor, Sadat Academy for Management Sciences, Cair, Arab Republic of Egypt

V.A. Volokh, Dr. of Sci. (Economics), professor, The State University of Management, Moscow, Russian Federation

V.N. Nezamaikin, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.V. Matraeva, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

A.V. Brykin, Dr. of Sci. (Economics), professor, Research and Production Association “Tekhnomash” named after S.A. Afanasyev, Moscow, Russian Federation

S.V. Timofeev, Dr. of Sci. (Law), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.N. Shcherbak, Dr. of Sci. (Law), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.N. Bulakov, Dr. of Sci. (Law), professor, Moscow Humanitarian University, Moscow, Russian Federation

T.M. Alieva, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary of the series*)

Executive editors

N.Yu. Sopilko, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, RSUH

A.B. Il'in, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, RSUH

S.V. Timofeev, Dr. of Sci. (Law), professor, RSUH

T.M. Alieva, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Н.И. Архипова, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Н.Ю. Сопилко, доктор экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.Н. Большаков, доктор экономических наук, профессор, АГОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина», Санкт-Петербург, Российская Федерация

А.Б. Ильин, доктор экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.А. Талимова, доктор экономических наук, профессор, Карагандинский университет Казпотребсоюза, Караганда, Республика Казахстан

Нур Абд Эль Вадуд Нада Салем, профессор, Академия административных наук им. Садата, Арабская Республика Египет

В.А. Волох, доктор экономических наук, профессор, Государственный университет управления (ГУУ), Москва, Российская Федерация

В.Н. Незамайкин, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.В. Матраева, доктор экономических наук, доцент, Российский технологический университет («МИРЭА-Российский технологический университет»), Москва, Российская Федерация

А.В. Брыкин, доктор экономических наук, профессор, НПО «Техномаш» им. С.А. Афанасьева, Москва, Российская Федерация

С.В. Тимофеев, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Н. Щербак, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.Н. Булаков, доктор юридических наук, профессор, Московский гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

Т.М. Алиева, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь серии*)

Ответственные за выпуск

Н.Ю. Сопилко, доктор экономических наук, доцент, РГГУ

А.Б. Ильин, доктор экономических наук, доцент, РГГУ

С.В. Тимофеев, доктор юридических наук, профессор, РГГУ

Т.М. Алиева, кандидат экономических наук, доцент, РГГУ

Contents

Management

<i>Nadezhda I. Arkhipova, Svyatoslav V. Nazaikinskiy, Ol'ga L. Sedova</i> Personnel relocation. New challenges and opportunities	8
<i>Sergey E. Gorchakov, Yuri A. Levin</i> Interdisciplinary basis of organizational behavior research	27
<i>Tat'yana N. Borovik, Roman V. Shamin</i> Management decisions based on reinforcement learning method	38
<i>Agamalii K. Mamedov, Ol'ga Yu. Myasnikova</i> Social capital as a strategic mechanism for the acculturation of labor migrants	49
<i>Andrei B. Il'in, Yuliya S. Sizova</i> Application of project management methods in commercial organizations, public authorities and local governments	64

Economics

<i>Elena N. Pyatsheva, Anzhelika F. Orlova</i> Current trends in the innovative technologies of the banking business	77
<i>Valentina V. Kuznetsova, Ol'ga I. Larina</i> Trade finance digitalization	86
<i>Natal'ya Yu. Sopilko, Elena I. Kubasova</i> Upcoming trends of labor productivity growth in the EAEU countries	102
<i>Mikhail A. Makarov</i> Modern socio-economic concepts in the focus of the development of Russian regions	111

Law

<i>Il'ya V. Nikitenko, Natal'ya V. Podgornaya</i> Criminal liability for offences against property in the legislation of the Republic of Turkey. Comparative legal analysis	122
<i>Stanislav V. Timofeev</i> Competition and monopolization in the banking sector of modern Russia	131
<i>Ekaterina N. Toguzaeva</i> Propaganda as a preventive innovation in modern Russian legislation	143

Содержание

Управление

<i>Надежда И. Архитова, Святослав В. Назайкинский, Ольга Л. Седова</i> Релокация персонала: новые вызовы и возможности	8
<i>Сергей Е. Горчаков, Юрий А. Левин</i> Междисциплинарный базис исследования организационного поведения	27
<i>Татьяна Н. Боровик, Роман В. Шамин</i> Принятие управленческих решений на основе метода обучения с подкреплением	38
<i>Агамали К. Мамедов, Ольга Ю. Мясникова</i> Социальный капитал как стратегический механизм аккультурации трудовых мигрантов	49
<i>Андрей Б. Ильин, Юлия С. Сизова</i> Применение методов проектного управления в деятельности коммерческих организаций, органов государственной власти и местного самоуправления	64

Экономика

<i>Елена Н. Пятшева, Анжелика Ф. Орлова</i> Современные тенденции применения инновационных технологий в банковском бизнесе	77
<i>Валентина В. Кузнецова, Ольга И. Ларина</i> Цифровизация торгового финансирования	86
<i>Наталья Ю. Сопилко, Елена И. Кубасова</i> Подходы к формированию комплексной системы управления экономической безопасностью предприятия	102
<i>Михаил А. Макаров</i> Современные социально-экономические концепции в фокусе развития российских регионов	111

Право

<i>Илья В. Никитенко, Наталья В. Подгорная</i> Уголовная ответственность за преступления против собственности в законодательстве Турецкой Республики: сравнительно-правовой анализ	122
<i>Станислав В. Тимофеев</i> Конкуренция и монополизация в банковском секторе современной России	131
<i>Екатерина Н. Тогузаева</i> Пропаганда как превентивная инновация в современном российском законодательстве	143

Управление

УДК 331.5

DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-8-26

Релокация персонала: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Надежда И. Архипова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, arkhipova.n@rggu.ru*

Святослав В. Назайкинский

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, svyatoslavrsuh@gmail.com*

Ольга Л. Седова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, olga-sedova@yandex.ru*

Аннотация. Решение задач роста промышленного производства, масштабирования бизнеса, продвижения новых технологий в регионы невозможно без кадрового обеспечения предприятий квалифицированными работниками. Вместе с тем в условиях современного рынка труда именно кадровое обеспечение становится одним из основных рисков реализации поставленных задач. Одним из способов адаптации предприятий к условиям современного рынка труда является релокация персонала. Именно поэтому в последние годы проблема трудовой мобильности и релокации персонала стала предметом как теоретических, так и эмпирических исследований. В результате анализа и обобщения статистических данных, результатов исследований профильных научно-исследовательских институтов, консалтинговых компаний, мнений экспертов, опыта отечественных компаний по теме исследования авторами сформулировано понятие и охарактеризовано содержание термина «релокация персонала», определены основные факторы, влияющие на принятие работниками решения о релокации, выявлены основные проблемы работодателей при разработке программ релокации персонала, и показаны пути их решения.

Ключевые слова: персонал, релокация, релокационный пакет, трудовая мобильность, управление

Для цитирования: Архипова Н.И., Назайкинский С.В., Седова О.Л. Релокация персонала: новые вызовы и возможности // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2024. № 1. С. 8–26. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-8-26

© Архипова Н.И., Назайкинский С.В., Седова О.Л., 2024

ISSN 2073-6304 • RSUH/RGGU Bulletin: "Economics. Management. Law" Series, 2024, no. 1

Personnel relocation. New challenges and opportunities

Nadezhda I. Arkhipova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
arkhipova.n@rggu.ru

Svyatoslav V. Nazaikinskiy

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
svyatoslavrsuh@gmail.com

Ol'ga L. Sedova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
olga-sedova@yandex.ru

Abstract. Solving the problems of industrial production growth, business scaling, and promotion of new technologies to the regions is impossible without staffing enterprises with qualified workers. At the same time, in the conditions of the modern labor market, it is staffing that becomes one of the main risks in achieving the assigned tasks.

One of the ways for enterprises in adapting to the conditions of the modern labor market is personnel relocation. That is why in recent years the issue of the labor mobility and personnel relocation has become the subject of both theoretical and empirical research.

Drawing on the analysis and synthesis of statistical data, research results of specialized research institutes, consulting companies, expert opinions, and the experience of Russian companies in the research topic, the authors formulated the concept and characterized the content of the term “personnel relocation”, identified the main factors influencing employee decision-making about relocation. They also shown the main challenges for employers when developing personnel relocation programs and the ways to solve them are shown.

Keywords: personnel, relocation, relocation package, labor mobility, management

For citation: Arkhipova, N.I., Nazaikinskiy, S.V. and Sedova, O.L. (2024), “Personnel relocation. New challenges and opportunities”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 1, pp. 8-26, DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-8-26

Введение

Глобальные системные изменения в мире, введение анти-российских санкций, уход с отечественного рынка иностранных компаний обусловили необходимость импортозамещения и расширения отечественного промышленного производства. Согласно прогнозу социально-экономического развития РФ на 2024 год и на период 2025 и 2026 годов, который подготов-

лен Минэкономразвития России¹, основным его направлением является устойчивое развитие производственных систем, рост промышленного производства, масштабирование бизнеса, продвижение новых технологий в регионы.

Решение этой задачи возможно только при условии кадрового обеспечения предприятий, особенно промышленной сферы, высокопрофессиональными трудовыми ресурсами, которое во многом зависит от современного состояния рынка труда.

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод об ограниченности трудовых ресурсов на рынке труда, которая обусловлена рядом факторов.

Во-первых, можно отметить устойчивую тенденцию сокращения общей численности населения страны. Так, в 2022 г. численность населения сократилась в 72 субъектах РФ.

По состоянию на 01.01.2023 г. численность населения Российской Федерации составляла 146,5 млн человек².

Наряду с сокращением общей численности населения отмечается сокращение численности трудоспособного населения страны. По данным Росстата, если в 2010 г. к лицам трудоспособного возраста относилось 88 млн человек, то в октябре 2023 г. – только 76,3 млн человек, из которых заняты экономической деятельностью 74,2 млн человек³.

В качестве основных причин дефицита трудоспособного населения на рынке труда можно отметить демографическую яму 1990-х годов, повышенный уровень смертности в пандемию коронавируса, частичную мобилизацию в связи со специальной военной операцией (СВО) [Махалина, Махалин 2023].

Во-вторых, развитие альтернативных форм занятости и новых форматов организации работы, например самозанятости, платформенной занятости [Архипова, Седова 2022], привело к сокращению численности незанятого трудоспособного населения. Так, по состоянию на 01.01.2019 г. в Российской Федерации было зарегистрировано только 3062 самозанятых, а по состоя-

¹ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_457874/#utm_campaign=hotdocs&utm_source=октябрьсе=consultant&utm_medium=email&utm_content=body (дата обращения 26 октября 2023).

² Численность и миграция населения в 2022 году (статистический бюллетень). М.: Росстат, 2023.

³ Росстат. Официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/?%25> (дата обращения 26 ноября 2023).

нию на 03.03.2023 – 7 млн самозанятых, 20% из которых ведут трудовую деятельность вне регионов прописки⁴.

По данным Росстата, в июле 2023 года уровень безработицы в стране составил 3%, что является исторически минимальным значением. При этом следует отметить, что в 34 субъектах РФ уровень безработицы составляет менее 3%, а в ряде регионов, например в Республике Дагестан, Республике Ингушетия, Республике Северная Осетия-Алания, Чеченской Республике – выше 10%.

Таким образом, можно отметить значительную дифференциацию показателя безработицы на региональных рынках труда и, как следствие, наличие как «трудоизбыточных», так и «трудодефицитных» территорий, что обуславливает развитие т. н. «внутренней миграции» рабочей силы [Архипова и др. 2023].

Следует отметить, что в настоящее время в связи с ростом количества госзаказов ряд предприятий машиностроительной отрасли, в т. ч. оборонной промышленности в Воронежской, Владимирской, Тамбовской, Новосибирской и других областях, ввели трехсменный режим работы, что обусловило дополнительную потребность в кадрах на региональных рынках труда. Например, в Уральском макрорегионе в первом полугодии 2023 г. потребность в работниках, занятых в производстве металлических изделий, увеличилась на 18% по сравнению с соответствующим периодом 2021 г.⁵ При этом, по данным Центробанка России, в первой половине 2023 г. 60% предприятий отметили нехватку персонала, главным образом квалифицированных специалистов, особенно в регионах⁶.

Одним из направлений решения этой проблемы является реализация Федеральной программы повышения трудовой мобильности населения, которая представляет собой комплекс мер по поддержке переезда и трудоустройства специалистов ряда отраслей. При этом при переезде граждан трудоспособного возраста в 14 «трудодефицитных» регионов государство гарантирует им помощь с переездом, предоставлением жилья, оказывает социальную поддержку⁷.

⁴ Статистика труда. URL: bi.gks.ru. ВІ Portal (дата обращения 16 ноября 2023).

⁵ Региональная экономика: комментарии ГУ. 2023. № 22. С. 24.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Программа повышения трудовой мобильности. URL: <https://trudvsem.ru/information-pages/mobility-program?ysclid=lqjix1n5bn880259388> (дата обращения 25 ноября 2023).

Российская ИТ-компания “TalentTech”, которая входит в состав «Севергрупп», разработала цифровую платформу, на которой представители организаций, испытывающих потребность в кадрах, могут размещать вакансии, а ATS Potok осуществляет подбор релевантных резюме кандидатов из соседних регионов⁸. Таким образом реализуется взаимодействие работодателей и потенциальных работников из разных регионов.

Другим направлением решения данной проблемы является реализация корпоративных программ релокации персонала работодателями в свои территориальные подразделения.

В последние годы вопросы мобильности трудовых ресурсов и релокации персонала стали предметом исследования специалистов научно-исследовательских институтов, консалтинговых компаний, экспертов в области демографии, социологии, экономики, управления.

Это обусловило разные подходы как к трактовке, так и к содержанию понятия «релокация персонала». Рассмотрим существующие в настоящее время основные подходы к трактовке понятия «релокация».

Ряд авторов придерживаются точки зрения, что понятия «релокация персонала» и «мобильность трудовых ресурсов» являются практически тождественными. Так, Е.Р. Счисляева и Е.А. Панова определяют релокацию как «процесс территориального перемещения трудовых ресурсов» не только внутри предприятия, но и вне его, т. е. любые изменения места трудовой деятельности работников [Счисляева, Панова 2014, с. 382]. Таким образом, под релокацией понимается один из видов трудовой мобильности рабочей силы, так называемая внутренняя миграция, т. е. переезд работников из «трудоизбыточных» в «трудодефицитные» регионы.

Аналогичный подход к понятию «релокация» предлагают П.К. Великих и А.А. Денежко, которые рассматривают ее как новую возможность трудоустройства персонала:

...перемещение потенциального работника в другую местность, смена места жительства в связи с получением наиболее выгодного предложения о работе в другом городе или иной стране [Великих, Денежко 2018, с. 146].

⁸ TalentTech: Федеральная программа релокации. URL: <https://www.hr-director.ru/news/75092-rossiyskiy-razrabotchik-hrtech-resheniy-talenttech-predstavil-proekt-federalnoy-programmy> (дата обращения 25 ноября 2023).

Однако можно отметить, что в данном определении авторы рассматривают переезд работников с целью поиска работы в другую местность по собственной инициативе, а не перемещение персонала организации по инициативе работодателя.

После начала СВО получило распространение использование понятия «релокация» в отношении российских специалистов, уехавших работать в другие страны. Появился новый термин – «политическая релокация» или «политические релоканты», среди которых условно можно выделить три группы. Первая группа – это сотрудники международных компаний, ушедших с российского рынка из-за введенных антироссийских санкций, которые были переведены в зарубежные подразделения. Ко второй группе относятся сотрудники отечественных организаций, которые по собственной инициативе уехали из страны, но сохранили трудовые отношения с работодателем, выбрав дистанционный формат работы. Третья группа – это сотрудники, которые официально расторгли трудовые правоотношения с работодателем и переехали жить в другую страну.

Таким образом, в широком смысле понятие «релокация» рассматривается как любое перемещение работников, т. е. смена места их жительства и трудовой деятельности.

Другой подход к трактовке понятия «релокация» основан на точке зрения, что в отличие от терминов «мобильность трудовых ресурсов» и «миграция рабочей силы» под релокацией персонала следует понимать перемещение работников (смену места их трудовой деятельности), которое обусловлено целями и задачами развития организации – работодателя, т. е. перемещение в рамках организации, но на рабочее место, расположенное в другой местности.

При этом ряд авторов придерживаются мнения, что релокации подлежит персонал только из категории «руководители».

Например, А.О. Слободин, К.О. Соколов и И.А. Сергеева рассматривают релокацию персонала как «изменение места работы топ-менеджера внутри организации, связанное с перемещением в другой регион» [Слободин и др. 2009, с. 133]. Следует отметить, что при данном подходе раскрывается содержание только одного вида релокации персонала – внутрифирменной управленческой релокации.

Другие авторы, как отмечает Е.Э. Вильховская, рассматривают понятие «релокация» как синоним понятия «ротация» персонала в организации [Вильховская 2017], например перевод работников в другое структурное подразделение, их переход в другую функциональную группу, изменение должности

или квалификационного разряда, грейда без пространственного перемещения.

Сравнительный анализ предлагаемых специалистами трактовок понятия «релокация» позволяет выделить несколько основных подходов:

- релокация как вид трудовой миграции населения;
- релокация как вид трудовой мобильности рабочей силы;
- релокация как форма ротации кадров в организации;
- релокация как способ управления карьерой персонала (изменение должности или грейда);
- релокация как способ изменения места работы и места проживания персонала в рамках одной организации у одного работодателя.

Следует отметить, что в нормативных правовых актах понятие «релокация» не определено и не используется. Вместе с тем, как отмечает С.Н. Андреева [Андреева 2022], трудовые правоотношения при релокации персонала могут быть урегулированы в рамках института перевода работников, который закреплен в Трудовом Кодексе Российской Федерации. Согласно положениям ст. 71.2 ТК РФ, закреплен «перевод на другую работу... а также перевод на работу в другую местность вместе с работодателем»⁹.

Рассматривая правовое регулирование процесса релокации персонала, А.Я. Петров подчеркивает, что перемещение работника в другой населенный пункт осуществляется с сохранением трудовых отношений с работодателем в рамках модернизированного трудового договора [Петров 2021]. При этом при переезде сотрудника вместе с работодателем в другую местность предусмотрено возмещение его расходов на переезд, провоз имущества, обустройство на новом месте жительства¹⁰. Следовательно, перемещение работника на другое рабочее место, другую должность, в другое структурное подразделение организации, которые расположены в той же местности, не может рассматриваться как релокация персонала, а является его ротацией.

Таким образом, каждый подход к определению понятия «релокация» отражает какой-то определенный аспект данной категории.

⁹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023). Ст. 71.2.

¹⁰ Там же. Ст. 169.

В рамках данной статьи авторы рассматривают релокацию персонала в территориальные подразделения организации, которая реализуется по инициативе работодателя.

С целью выработки универсального определения понятия «релокация персонала» представляется целесообразным сформулировать основные критерии его разграничения с такими понятиями, как миграция, трудовая мобильность, ротация, карьерное продвижение.

В качестве основных критериев предлагается использовать следующие:

- цель релокации – достижение целей организации, повышение эффективности ее деятельности;
- инициатор релокации – работодатель (организация);
- объект релокации – работник (персонал);
- расположение рабочего места – другая местность, расположенная за пределами административно-территориальных границ населенного пункта, в котором изначально находилось рабочее место;
- вид правоотношений – трудовые (трудовой договор);
- льготы – возмещение расходов на переезд и обустройство (релокационный пакет).

С учетом этих критериев предложим следующее определение: релокация персонала – это перевод работодателем с целью повышения эффективности деятельности организации сотрудников (сотрудника) в ее структурные подразделения, расположенные в другой местности, с сохранением трудовых отношений и возмещением расходов на переезд и обустройство.

Как правило, работодатели осуществляют релокацию персонала в условиях:

- масштабирования бизнеса, т. е. открытия филиалов в других регионах или странах;
- слияния или поглощения компаний,
- кризиса с целью оптимизации затрат, когда часть структурных подразделений (например, колл-центр, расчетный отдел и др.) переводится в регионы с более низким уровнем заработной платы.

Таким образом, релокация персонала является одним из современных направлений адаптации организаций к современным условиям. Вместе с тем следует отметить, что практическая реализация релокации персонала связана с рядом проблем.

В условиях кризиса, санкций, постоянных перемен изменились не только задачи организаций по повышению стабильности и эффективности их функционирования, но изменились и

установки работников, особенно профессионалов, относительно изменения места их проживания и работы.

Представляю интерес результаты сравнительного анализа данных мониторингов, проводимых Институтом социологии ФНИСЦ РАН, о предпочитаемых местах проживания и работы профессионалов в относительно стабильные годы (2017 г.) и в условиях «шокового воздействия на трудовую сферу» (2023 г.), которые приведены на рис. 1.

Рис. 1. Предпочтения российских профессионалов о месте проживания и работы [Человеческий капитал 2023, с. 329]

Как видно на рис. 1, установки российских профессионалов относительно смены места проживания, а соответственно и работы, в 2023 г. существенно изменились по сравнению с 2017 г.: сократилось количество желающих переехать как в другую страну, так и в другой город или сельскую местность внутри страны; 83% респондентов отметили нежелание переезда. Как отметили авторы исследования, пик смены места жительства был отмечен среди профессионалов в 2022 г. после начала СВО, а в 2023 г. наиболее предпочтительным фактором выбора места проживания и работы стала стабильность. При этом желание «мигрировать» было отмечено только у профессионалов, проживающих в сельской местности, и у молодежи, в то время как у представителей группы опытных профессионалов, которые находятся «на пике трудовой активности» (31–45 лет), в новых условиях было зафиксировано резкое снижение желания переезда.

Общая ориентация трудоспособного населения на стабильность места проживания оказывает влияние и на возможность реализации программ релокации персонала в подразделения организации, расположенные в других административно-территориальных единицах.

Проанализируем основные факторы, оказывающие значительное влияние на принятие работником решения об участии в программе релокации персонала.

Во-первых, успешность реализации программы релокации во многом зависит от категории персонала, к которой относятся планируемые для переезда работники. Согласно результатам исследования кадровой компании «Рекадро»¹¹, в котором приняли участие около двух тысяч респондентов, наиболее мобильными являются представители категории «Руководители», особенно топ-менеджеры (74,7% согласны на переезд), рассматривающие перевод во вновь открываемое или развивающееся территориальное подразделение компании как очередной этап своего карьерного роста, возможность решения инновационных стратегических задач, возможность самореализации. Однако только 37,6% респондентов, занимающих инженерно-технические должности, необходимые для запуска производства в новом территориальном подразделении, ответили, что согласны на релокацию; еще меньший уровень мобильности был отмечен у административного персонала (28,6%) и рабочих (16,7%).

Одной из причин отказа работников данных категорий от участия в программах релокации (даже при условии их увольнения в случае отказа) является возможность быстрого трудоустройства с хорошей заработной платой в условиях кадрового голода и высокой потребности в инженерно-технических кадрах и рабочих практически на всех отечественных предприятиях. Например, даже Москва «переживает настоящий промышленный бум»: работает более четырех тысяч предприятий, и ежегодно открывается от 40 до 50 средних и более 100 малых предприятий; в сфере промышленности занято более 720 тысяч москвичей¹².

Во-вторых, важным фактором, влияющим на принятие работником решения об участии в программе релокации, является привлекательность региона, в который предстоит переезд.

¹¹ Релокация: где родился, там и пригодился? URL: <https://hr-portal.ru/relokaciya-gde-rodilsya-tam-i-prigodilsya> (дата обращения 10 декабря 2023).

¹² О московской промышленности. URL: <https://www.sobyainin.ru/o-moskovskoi-promyshlennosti> (дата обращения 10 декабря 2023).

В настоящее время разработано достаточно большое количество методик определения привлекательности региона, например, методика оценки ключевых показателей социально-экономического развития регионов, методика оценки качества жизни населения в регионах, методика оценки состояния инвестиционного климата в регионе и другие. Например, Агентство стратегических инициатив (АСИ) предлагает оценивать региональный уровень качества жизни населения по 141 показателю, которые относятся к 10 основным сферам, в частности качеству медицинского обслуживания, образования, экологии, безопасности, социальной защиты, инфраструктуры, возможности для работы и др. Результаты регионального рейтинга качества жизни по интегральному показателю ежегодно публикуются на сайте АСИ¹³.

Показатели комплексной оценки качества жизни населения в регионе целесообразно учитывать, на взгляд авторов, при разработке программы бессрочной релокации персонала, т. е. с условием переезда работников на новое место жительства и работы на постоянной основе.

Если организация планирует реализацию программы временной релокации персонала, например на время запуска новых производственных мощностей на новой территории или открытия территориального подразделения компании, то достаточно учитывать более ограниченное количество факторов.

Можно выделить несколько основных показателей, которые могут оказывать решающее влияние на принятие работником решения об участии в корпоративной программе релокации в другой регион.

С одной стороны, это факторы значимые для всех работников, например климатические условия, транспортная доступность, численность населения, развитость инфраструктуры, темпы экономического развития региона и т. д. С другой стороны, для семейных сотрудников важными показателями развития региона, которые могут влиять на решение о переезде, могут быть уровень цен на фиксированный набор товаров, уровень безработицы, уровень средней заработной платы в регионе, типы занятости, доступность детских учреждений и др. Именно эти показатели определяют не только уровень жизни, но и возможность и привлекательность трудоустройства членов семьи релоцируемого сотрудника.

¹³ Рейтинг качества жизни людей. URL: https://asi.ru/government_officials/quality-of-life-ranking/ (дата обращения 12 декабря 2023).

Естественно, что привлекательность для работника переезда в тот или иной регион будет разная.

Представляют интерес результаты исследования факторов привлекательности релокации персонала в регионы России, которое было проведено кадровым агентством «Hays» (с июля 2022 г. – ООО «Гет Экспертс Рекрутмент»). В исследовании приняли участие представители 219 организаций, в т. ч. представители крупных международных (30%) и российских (22%) компаний и 2662 работника из разных сфер деятельности, 69% которых имели семью и 64% – детей¹⁴.

Согласно результатам исследования, в топ-5 городов, привлекательных для релокации с точки зрения работников вошли Санкт-Петербург, Москва, Краснодар, Московская область (промышленные кластеры Ступино, Дубна, Домодедово, Орехово-Зуево, Ногинск), Казань (см. рис. 2).

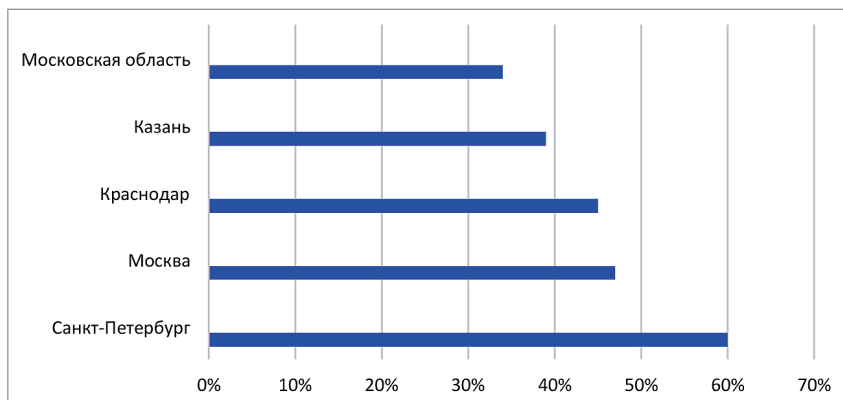

Рис. 2. Самые привлекательные города для релокации (выбор респондентов-работников)

Источник: составлено авторами по результатам исследования компании «Hays»

Следует отметить, что программы релокации персонала из территориальных подразделений в Санкт-Петербург, Москву применяются достаточно редко и, как правило, для ограниченного круга лиц из категории «руководители» и «высококвалифицированные специалисты». Практика релокации персона-

¹⁴ Исследование релокации сотрудников в регионы России. URL: https://delovoymir.biz/res/upload/columns/Hays_Relocation_Report_2019.pdf?ysclid=lq98i9cqki848213529 (дата обращения 14 декабря 2023).

ла из региональных подразделений распространена, как правило, в ИТ-компаниях (например, ООО «Яндекс Технологии», ООО «Лаборатория Касперского» и др.) или в крупных отечественных организациях, в которых в соответствии с кадровой политикой топ-менеджеры и руководители центрального офиса должны иметь опыт руководства в региональных подразделениях компании.

Большинство предприятий, реализующих программы релокации персонала, переводят работников в региональные подразделения. Например, в 2020 году в ПАО «Лукойл» был разработан проект по трансформации системы управления и повышения эффективности деятельности компании, согласно которому часть сотрудников юридических, экономических и финансовых служб должна быть релоцирована из центрального аппарата, расположенного в Москве, в региональные подразделения (с приведением уровня их зарплаты в соответствие с региональными показателями), что позволит не только повысить оперативность управления, но и снизить приблизительно на 20–25% затраты на фонд оплаты труда¹⁵.

К числу самых непривлекательных для релокации персонала городов респондентами были отнесены Благовещенск (47%), Челябинск (45%), Кемерово (39%), Хабаровск (38%). В число непривлекательных для переезда вошли и те города, в которых размещены промышленные предприятия, реализующие программы импортозамещения и остро нуждающиеся в инженерно-технических работниках и рабочих. Например, 27% респондентов отнесли Елабугу и 23% – Тольятти, в которых реализуются программы импортозамещения в сфере автомобилестроения, к непривлекательным для релокации.

Учитывая, что при релокации персонала выбор региона проживания определяется не работниками, а работодателями, целесообразно состав и стоимость релокационного пакета рассчитывать с учетом уровня привлекательности региона.

В-третьих, еще одним фактором, влияющим на принятие работником решения об участии в корпоративной программе релокации, является ее продолжительность.

Как показывает практика, наиболее мобильными и готовыми к временной смене места жительства являются молодые и перспективные специалисты с ориентацией на управленческую

¹⁵ Отчет об устойчивом развитии ПАО «Лукойл». 2021. URL: <https://lukoil.ru/Sustainability/SustainabilityReport?ysclid=lqjgiewav6251241216> (дата обращения 15 декабря 2023).

карьеру. Как правило, они рассматривают временную релокацию даже в отдаленные территориальные подразделения компании как возможность получения практического опыта руководства, возможность реализации собственных проектов.

По данным опросов, оптимальный срок релокации для таких специалистов составляет от 3 до 5 лет при условии, если планируется их возвращение в центральный офис компании на более высокую должность и с более высоким уровнем денежного вознаграждения¹⁶.

Краткосрочная релокация (от нескольких месяцев до нескольких лет) чаще применяется для опытных специалистов в области антикризисного управления, слияния или поглощения компаний, вывода на рынки новых территориальных подразделений компании.

Наиболее трудно реализуемыми на практике являются программы бессрочной (постоянной) релокации персонала.

В-четвертых, для стимулирования работников к участию в корпоративной программе релокации персонала, как и при стимулировании к достижению любой цели организации, необходимо учитывать потребности работников, их ожидания.

Несмотря на компенсацию работодателями расходов на переезд и обустройство на новом месте жительства, у релоцируемого работника возникает масса проблем с трудоустройством супруги (супруга) на новом месте проживания, устройством детей в образовательные учреждения, потерей социальных связей с родственниками, друзьями и т. д.

Для решения данной проблемы необходима разработка специальных программ стимулирования работников данных категорий к переезду в другие регионы.

Согласно проведенным опросам, более 73% респондентов в качестве основного стимула к переезду отметили повышение уровня дохода (см. рис. 3).

Как показывают результаты исследований, в большинстве организаций работники согласны на переезд при увеличении уровня денежного вознаграждения на 30–50%, хотя в некоторых случаях ожидают его двукратного увеличения¹⁷.

¹⁶ Релокация сотрудников: как организовать переезд и заинтересовать людей. URL: <https://www.business.ru/article/3966-relokatsiya-sotrudnikov?ysclid=lmhpqd5pl9480982346> (дата обращения 15 декабря 2023).

¹⁷ Релокации сотрудников, что это и в чем выгоды переезда для сторон. URL: <https://r-p-b.ru/prochee/relokatsii-sotrudnikov-chto-eto-i-v-chem-vygody-pereezda-dlya-storon.html?ysclid=lleytst9ct653862348> (дата обращения 15 декабря 2023).

Вместе с тем решение вопроса об увеличении суммы денежного вознаграждения может зависеть от многих факторов, в т. ч. привлекательности региона, длительности релокации, дефицита на рынке труда специалистов определенной квалификации и др.

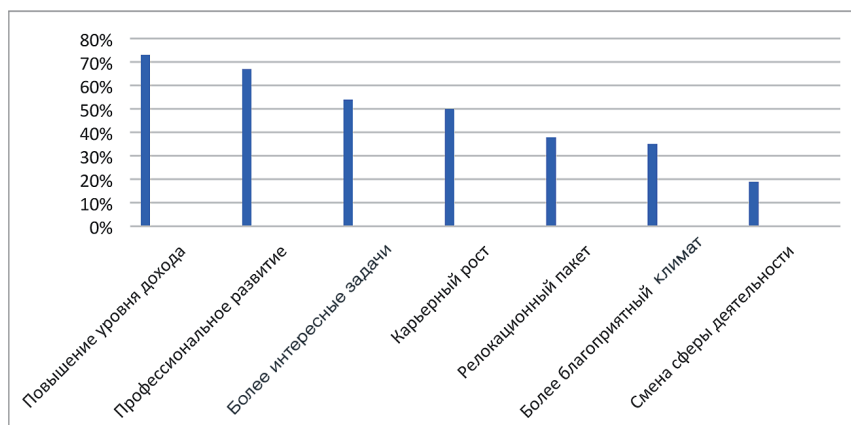

Рис. 3. Ожидания работников от релокации
(выбор респондентов-работников)
Источник: составлено авторами
по результатам исследования компании «Наys»

Следовательно, в процессе разработки корпоративной программы релокации персонала целесообразно, с одной стороны, выявить ожидания работников относительно уровня увеличения дохода, а с другой стороны, обосновать его экономическую целесообразность для работодателя, т. е. найти приемлемую и для работника, и для работодателя сумму (процент увеличения) денежного вознаграждения.

При этом применение только материальных стимулов (повышение уровня дохода и предоставление релокационного пакета) недостаточно для формирования у работников мотивации к переезду.

Как видно на рис. 3, к числу важных преимуществ, которые респонденты ожидают от участия в программе релокации персонала, отнесены такие, как профессиональное развитие (67%), решение более интересных задач (54%), карьерный рост (50%).

В связи с этим, разрабатывая программу релокации персонала, в качестве одного из этапов целесообразно проведение ис-

следования потребностей и ожиданий работников, результаты которого необходимо учитывать при разработке системы стимулирования.

В-пятых, важное значение для успешной реализации программы релокации персонала имеет ее организационное обеспечение: разработка локальных нормативных актов (закрепление принципов, условий, сроков релокации, прав и ответственности работников и работодателя, компенсаций и льгот релоцируемым работникам, заключение дополнительных трудовых договоров и т. д.), хорошо организованная система информирования работников (доступность информации о регионе, в который предполагается релокация, условиях переезда (виды компенсаций и льгот), условиях и организации труда на новом месте, доступность локальных нормативных актов по вопросам релокации, разработка информационных материалов, проведение собраний, консультаций и т. д.), оказание психологической поддержки работникам и др.

Заключение

Таким образом, релокация персонала является важным фактором адаптации предприятий к условиям современного рынка труда. Несмотря на то что релокация персонала предусматривает изменение места жительства и работы человека, она имеет принципиальные отличия от других форм трудовой мобильности населения.

Предложенные авторами критерии разграничения релокации и других форм трудовой мобильности населения позволили сформулировать определение понятия релокации персонала, в котором учтены ее цели, субъекты, объекты, виды возникающих правоотношений, условия.

Следует отметить, что, несмотря на определенный практический опыт релокации работников в отечественных организациях, а также проведение ряда социологических и эмпирических исследований, до настоящего времени отсутствуют единые методические подходы к разработке корпоративных программ релокации персонала, его стимулированию к переезду, формированию релокационных пакетов, обоснованию их эффективности.

Учитывая практическую значимость релокации персонала как важного фактора адаптации отечественных организаций к современным условиям, представляется целесообразной раз-

работка единой методики оценки эффективности релокации персонала с учетом конкретной ситуации как на рынке труда, так и в самой организации.

Выявленные авторами показатели, которые оказывают наиболее значительное влияние на целесообразность и эффективность релокации персонала, могут служить основой для разработки данной методики. Вместе с тем разработка универсальной методики требует проведения дополнительных исследований о роли (весовом коэффициенте) и критериях оценки каждого показателя в принятии решения о релокации персонала.

Литература

- Андреева 2022 – *Андреева С.Н.* Релокации в Российской Федерации: правовая природа и государственное обеспечение // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 4. С. 92–96.
- Архипова и др. 2023 – *Архипова Н.И., Васюткина Е.С., Чавыкина М.А.* Миграционные процессы: проблемы и решения // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2023. № (4). С. 8–25. <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2023-4-8-25>.
- Архипова, Седова 2022 – *Архипова Н.И., Седова О.Л.* Перспективы развития платформенной занятости в сфере управления персоналом // Актуальные вопросы управления персоналом и экономики труда: Материалы VIII Научно-практич. конф. М., 2022. С. 6–10.
- Великих, Денежко 2018 – *Великих П.К., Денежко А.А.* Релокация персонала: новые возможности трудоустройства в современном бизнес-пространстве // Развитие интеллектуально-творческого потенциала молодежи: из прошлого в современность: Материалы I Междунар. научно-практич. конф. Часть 1 / Под общ. ред. С.В. Беспаловой; Донецкий национальный университет. Донецк, 2018. С. 145–147.
- Вильховская 2017 – *Вильховская Е.Э.* Классификация и анализ подходов к трактовке сущности трудовой мобильности // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2017. № 3 (59). С. 88–95.
- Махалин, Махалина 2023 – *Махалина О.М., Махалин В.Н.* Трансформация рынка труда в современных экономических условиях: стратегии и инструменты // Наука и искусство управления. 2023. № 1. С. 26–43. <https://doi.org/10.28995/2782-2222-2023-1-26-43>.
- Петров 2021 – *Петров А.А.* Перевод на другую работу и перемещение // Образование и право. 2021. № 2. С. 391–396.
- Слободин и др. 2009 – *Слободин А.О., Соколов К.О., Сергеичева И.А.* Внутрифирменная управленческая релокация // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 19 (157). Экономика. Вып. 21. С. 132–134.

- Счисляева, Панова 2014 – Счисляева Е.Р., Панова Е.А. Релокация персонала в системе управления мобильностью трудовых ресурсов // Аудит и финансовый анализ. 2014. № 6. С. 381–384.
- Человеческий капитал 2023 – Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы: [монография] / Н.Е. Тихонова, Ю.В. Латов, Н.В. Латова [и др.]; Отв. ред. Н.Е. Тихонова, Ю.В. Латов. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 488 с.

References

- Andreeva, S.N. (2022), “Relocations in the Russian Federation: legal nature and state support”, *Journal of Legal and Economic Studies*, no. 4, pp. 92–96.
- Arkhipova, N.I., Vasiutina, E.S. and Chavykina, M.A. (2023), “Migration processes. The issues and solutions”, *RSUH/RGGU BULLETIN. Economics. Management. Law Series*, no. 4, pp. 8–25, <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2023-4-8-25>.
- Arkhipova, N.I. and Sedova, O.L. (2022), “Prospects for the development of platform employment in the field of HR management”, *Aktual'nye voprosy upravleniya personalom i ekonomiki truda: Materialy VIII Nauchno-praktich. konf.* [Current issues in personnel management and labor economics, Proc. of the VIII International scientific conference] Moscow, Russia, pp. 6–10.
- Makhalina, O.M. and Makhalin, V.N. (2023), “Transformation of the labor market in modern economic conditions: strategies and tools”, *Science and Art of Management / Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities*, no. 1, pp. 26–43, <https://doi.org/10.28995/2782-2222-2023-1-26-43>.
- Petrov, A.Ya. (2021), “Transfer to another job and transfer”, *Education and Law*, no. 2, pp. 391–396.
- Schislyaeva, E.R. and Panova, E.A. (2014), “Allocation as a modern management trends on labor mobility”, *Audit and financial analysis*, no. 6, pp. 381–384.
- Slobodin, A.O., Sokolov, K.O. and Sergeicheva, I.A. (2009), “Intra-company managerial relocation”, *Bulletin of Chelyabinsk State University*, vol. 21, no. 19 (157), pp. 132–134.
- Tikhonova, N.E., Latov, Yu.V. and Latova, N.V. (2023), Tikhonova, N.E., Latov, Yu.V. (eds.), *Chelovecheskii kapital rossiiskikh professionalov: sostoyanie, dinamika, faktory* [Human capital of Russian professionals. State, dynamics, factors], FNISTS RAN, Moscow, Russia.
- Velikikh, P.K. and Denezhko, A.A. (2018), “Personnel relocation. New employment opportunities in the modern business environment”, Bepalova, S.V. (ed.), *Razvitiye intellektual'no-tvorcheskogo potentsiala molodezhi: iz proshlogo v sovremenost': Materialy I Mezhdunar. nauchno-praktich. konf.* [Development of the intellectual and creative potential of youth. From the past to the present, Proc. of the 1st International scientific conference] Part 1. Donetsk, pp. 145–147.
- Vilkhovskaya, E.E. (2017), “Classification and analysis of approaches to interpretation of the labor mobility essence”, *Herald of Omsk University. Series “Economics”*, no. 3 (59), pp. 88–95.

Информация об авторах

Надежда И. Архипова, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; arhipova.n@rggu.ru

Святослав В. Назайкинский, кандидат экономических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; svyatoslavrsuh@gmail.com

Ольга Л. Седова, кандидат технических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; olga-sedova@yandex.ru

Information about the authors

Nadezhda I. Arkhipova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; arkipova.n@rggu.ru

Svyatoslav V. Nazaikinskiy, Cand. of Sci. (Economics), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; svyatoslavrsuh@gmail.com

Ol'ga L. Sedova, Cand. of Sci. (Engineering), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; olga-sedova@yandex.ru

Междисциплинарный базис исследования организационного поведения

Сергей Е. Горчаков

*Петербургский институт ядерной физики
Национального исследовательского центра «Курчатовский институт»
Гатчина, Ленинградская обл., Россия
gse2010@yandex.ru*

Юрий А. Левин

*Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Москва, Россия, levin25@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования методологических и теоретических аспектов организационного поведения. Приведены истоки формирования теоретических представлений о сущности, целях и задачах организационного поведения. Выявлены тенденции развития организационного поведения как науки и практической области деятельности, складывающейся на основе различных школ. Показано, что на формирование методологического базиса организационного поведения на микро-, мезо- и макроуровнях повлияли концепции ряда классических и прикладных наук, распространяющих свои выводы на различные составляющие организационного поведения. Выполнен анализ большинства существующих в теории организационного поведения устоявшихся доктрин. Обосновано, что системность и многоаспектность решаемых современным организационным поведением проблем потребовали объединения усилий многих научных дисциплин – экономики, менеджмента, психологии, социологии, философии – в результате чего сформировалась современная теория организационного поведения, в которой был учтен ряд объектов отдельных теорий, обобщены в частные теории различные системы.

Ключевые слова: поведение человека в организации, мотивация, лидерство, власть, эффективность организации о сущности, целях и задачах организационного поведения

Для цитирования: Горчаков С.Е., Левин Ю.А. Междисциплинарный базис исследования организационного поведения // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2024. № 1. С. 27–37. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-27-37

Interdisciplinary basis of organizational behavior research

Sergey E. Gorchakov

*St. Petersburg Institute of Nuclear Physics
of the National Research Center “Kurchatov Institute”
Leningrad Region, Gatchina Russia, gse2010@yandex.ru*

Yuri A. Levin

*Moscow State Institute of International Relations (University)
under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Moscow, Russia, levin25@mail.ru*

Abstract. The article presents the results of studying in methodological and theoretical aspects of modern organizational behavior. It outlines the formation of theoretical ideas about the essence, goals and objectives of organizational behavior. The trends in the development of organizational behavior as a science and a practical field of activity that develops on the basis of various schools are revealed. It is shown that the formation of the methodological basis for organizational behavior at the micro, meso and macro levels was influenced by the concepts of a number of classical and applied sciences, extending their conclusions to various components of organizational behavior. The article carries out an analysis of the majority of the established doctrines existing in the theory of organizational behavior. It is proved that the systematic and multidimensional nature of the issues solved by modern organizational behavior required the combined efforts of many scientific disciplines – economics, management, psychology, sociology, philosophy – as a result of which a modern theory of organizational behavior was formed, in which a number of objects of individual theories were taken into account, various systems were generalized into particular theories.

Keywords: human behavior in the organization, motivation, leadership, power, organization efficiency on the essence, goals and objectives of organizational behavior

For citation: Gorchakov, S.E. and Levin, Yu.A. (2024), “Interdisciplinary basis of organizational behavior research”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 1, pp. 27-37, DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-27-37

Введение

Целью исследования является анализ теоретических и методологических аспектов организационного поведения с учетом отражения особенностей, определяющих процесс его формирования. Исследование проводилось посредством монографического описания с позиций логического, системного, сравнитель-

ного методов. Научная новизна, определившая практическую значимость исследования, заключается в обосновании необходимости применения междисциплинарных подходов в управлении организационным поведением как области деятельности.

Анализ

Исторически возникновение предпосылок к исследованию организационного поведения связано с Великой промышленной революцией, явившейся импульсом для становления индустриального общества и возникшей потребности в обосновании функций управления и научном познании категории «организация» [Горчаков, Сигов 2020].

Первым исследователем, начавшим рассмотрение социологических вопросов, связанных с конкретной трудовой деятельностью, был Огюст Конт [Конт 2012].

В конце XIX в. Эмиль Дюркгейм – автор первых идей структурно-функционального анализа, который непосредственно занимался проблемами организации труда, выдвинул идею «органической солидарности», заключающуюся в том, что индивид является частью определенной социальной группы по причине того, что он является носителем каких-то ценностей, принципов, правил поведения, культуры и традиций¹.

В дальнейшем, в условиях развития крупной промышленности стали актуальными оценки субъективной приспособляемости рабочих к условиям работы – эти вопросы изучались немецкими исследователями – социологами, философами, экономистами – Максом Вебером, Альфредом Вебером, Генрихом Геркнером в 1909–1912 гг.

В 1905–1915 гг. Гуго Мюнстерберг, являющийся основателем школы индустриальной организационной психологии, исследовал вопросы адаптации человека к технике, анализировал проблемы профессиональной ориентации и обучения. Г. Мюнстерберг считал, что технику нужно приспособлять к психическим возможностям человека для достижения роста производительности труда [Munsterberg 2009].

В период начала становления теории менеджмента (1890-е гг.) методологическими основами организационного поведения стали психологические методы наблюдения, тестирования и экс-

¹ Koch R. Dictionary of Management and Finance. Tools, time, techniques from A to Z. Publ. Professional School of Business. Krakow, 1997.

перимента. Именно они вплоть до настоящего времени демонстрируют свою результативность, осуществимость, простоту проверки выводов [Горчаков 2020].

Поведение работника проявляется при его взаимодействии в ходе трудового процесса с окружающей средой. Представители социальной антропологии – основоположники функционалистского направления, ставшего дальнейшим логическим развитием принципов социологической школы, английские ученые А.Р. Рэдклифф-Браун и Б.К. Малиновский около 100 лет назад независимо друг от друга обосновали идею, в рамках которой предполагается, что социальные системы состоят из «структуры» и «действия» [Рэдклифф-Браун 2001]. «Структуры» – это устойчивые модели, позволяющие индивидам осуществлять отношения между собой и окружающей средой.

Поведение работника проявляется при его взаимодействии в ходе трудового процесса с окружающей средой. Труд занимает одно из основных мест в поведении человека. При этом исследователи, придерживающиеся поведенческого подхода, рассматривали мотивацию, лидерство и власть как повышение эффективности организации с точки зрения поиска возможностей повышения эффективности каждого работника.

Теоретические основы поведения человека в организации были заложены в классической теории управления, признающей несколько взглядов на поведение личности в организации. Первый крупный шаг в этом направлении был сделан Фредериком У. Тейлором.

В 1930-х гг. Джордж Э. Мэйо и Фриц Дж. Ротлисбергер сформулировали «доктрину человеческих отношений», позволяющую описать организацию не только как экономический институт².

В последующем значительными разработками с точки зрения развития методологических основ организационного поведения стали труды сторонника школы человеческих отношений Честера И. Барнарда. Он исходил из того, что человек, имея собственные цели и ценности, определяет место в организации через взаимодействие с другими индивидами. Именно поэтому, согласно взглядам Ч.И. Барнарда, «рациональный рабочий» постепенно уступает место «социальному рабочему» [Barnard 1938].

В дальнейшем, развивая эти идеи, Гарольд Ливитт в 1958 г. предложил более нейтральный подход, который используется

² Цит. по: *Тесленко И.В.* История менеджмента: Учеб. пособие. Екатеринбург: УФУ, 2011. 140 с.

до сих пор: сначала анализируется человек и его особенности – затем результаты мониторинга групп и их разнообразие – и далее конструирование сложных социальных систем [Leavitt 1975].

Таким образом, признание приоритета человеческого фактора в экономике труда, поведенческая концепция в менеджменте дают основания для того, чтобы определить теорию организационного поведения именно как направление, требующее междисциплинарного исследования.

Впервые цели и задачи организационного поведения были изложены в 1978 г. в концепции американского ученого Теренса Р. Митчелла. Данная концепция включала четыре направления, среди которых: индивидуальные различия, отношение к работе, мотивация и лидерство. Разработанная на основе этой концепции ситуационная модель лидерства «путь – цель» Теренса Митчелла и Роберта Хауса исследует, как руководитель может повлиять на путь, который ведет сотрудников к достижению цели.

Согласно теории ожиданий канадского исследователя Виктора Врума, впервые изложенной им в 1964 г. в своей работе «Труд и мотивация», такое поведение положительно влияет на мотивацию сотрудника.

Заметим, что сначала исследования поведенческого подхода базировались на теории бихевиорального направления. И в соответствии с этим в качестве центрального понятия выступал «стиль лидерства». Ключевую роль среди ученых, которые занимались разработкой проблемы стиля лидерства, нужно упомянуть психолога Курта Левина. Вплоть до настоящего времени продолжают использоваться результаты эксперимента, организованного К. Левиным в 1939 г., относительно влияния разных стилей лидерства на людей, их поведение [Левин 2001].

Важность анализа поведенческих когнитивных процессов и возможности применения достижений бихевиористских наук к проблемам экономики и управления к настоящему времени широко признаны. Например, концептуальная методология организационного поведения Фреда Лютенса, включившая в себя историческую и бихевиористскую научные структуры с отдельными подразделениями для антропологии, социологии и психологии [Luthans, Fred 1973; Luthans, Fred 2002]. Теория когнитивного социального обучения и теория личности описаны наиболее полно в работах ведущего психолога социобихевиоризма Альберта Бандуры [Бандура 2000].

Экономическая психология изучает сложные формы поведения в институционализированных условиях. Это направле-

ние психологии объединяет подходы бихевиоризма и когнитивизма, что означает стык экономической теории и психологии. Экономическая психология является чрезвычайно важной для становления теории организационного поведения, так как изучает психологические закономерности, факты, механизмы экономического поведения людей.

В частности, одной из смежных отраслей бихевиоризма является прикладной анализ поведения (Applied behavior analysis, АВА), применяемый в т. ч. как один из методов экономической психологии для изменения социально значимого поведения [Горчаков 2020, с. 76].

Большой вклад в становление организационного поведения был сделан представителями ситуационного подхода в менеджменте. Ситуационный подход не допускает возможность использования универсального метода управления, поскольку эффективность управления организационным поведением обусловлена многими переменными факторами внутренней и внешней среды. Исследования представителей ситуационного подхода в менеджменте в основном касались создания моделей руководства (лидерства) в конкретных ситуациях, оставляя факторы, определяющие сложившуюся ситуацию, малоизученными.

Изучение организационного поведения не может осуществляться без использования системного подхода. Сочетание системного подхода и ценностно-ориентированного подхода позволило сформировать системные модели поведения на разных уровнях организационной эффективности.

Обсуждение современных концепций и методов

В настоящее время социология дает теории организационного поведения возможности применения системного подхода для обоснования идей социального действия, предпосылки которых изложены в трудах представителя современной социологической теории, главы школы структурного функционализма Тэлкотта Парсонса. Согласно взглядам Т. Парсонса, организация, как самоорганизующаяся система, решает функциональные проблемы адаптации, интеграции, поддержания образца, контроля достижения цели, в том числе в подсистемах социальной структуры, культуры, личности [Парсонс 2018].

Системный подход, применяемый Т. Парсонсом для структурно-функционального анализа макросоциальных исследо-

ваний, позволил, выйдя за рамки чистой социологии, описать действия сотрудников всех уровней набором стандартных (типовых) переменных, относящихся к измеримым показателям восприятия, например удовлетворенности, лояльности и вовлеченности.

С этим связано формирование стейкхолдерской концепции в экономике и менеджменте. Концепция стейкхолдеров (заинтересованных сторон), разработанная американским профессором менеджмента Р. Эдвардом Фрименом и впервые опубликованная им в 1984 г., была сконцентрирована на возможностях более эффективного управления организацией [Freeman 1984].

В рамках концепции стейкхолдеров утверждается, что измеряемые показатели восприятия любой категории стейкхолдеров фиксируют их удовлетворенность, лояльность и вовлеченность в отношениях с организацией [Горчаков 2020, с. 64].

Развитие стейкхолдерской концепции привело в нынешнем столетии к формированию самостоятельного ценностно-ориентированного подхода в управлении. Сущность ценностно-ориентированного подхода, сформулированного Майклом Э. Портером [Портер 2011], основана на ценностях развития организации с акцентом на экономические, социальные и другие результаты, достигнутые для стейкхолдеров.

Один из основателей современной социологии Роберт К. Мертон выбор, сопровождающий социальное поведение, связывает с устоявшимися общественными нормами [Мертон 2006]. Согласно такому взгляду, социальное поведение может быть или нормативным, или девиантным. Отклонение от норм есть девиантное поведение. Развернутое объяснение негативному девиантному поведению с позиций социологии впервые дал еще Э. Дюркгейм.

Р. Мертон, анализируя социально-экономическую действительность США, сосредоточился на разработке нового метода исследования, который был направлен на анализ поведения людей и организации государственных институтов. В разработанной им типологии девиантных поступков Р. Мертон рассматривает различные проявления девиантности как результат нормальной реакции работников организации на ненормальные, прежде всего социально-экономические, условия [Мертон 2006, с. 321].

В конце XX в. в исследованиях организационного поведения стали использоваться математико-статистические методы. Так, в 1983 г. Т. Бейтмен и Д. Орган (Пенсильванский университет) предложили методику интегральной оценки поведения организационного гражданства с помощью 7-балльной шкалы

от «полностью не согласен» (– 3 балла) до «полностью согласен» (+ 3 балла) и 30 признаков [1991].

Дихотомия теорий мотивации – Теории «Х» и Теории «У», а также эксплуататорско-повелительная, благожелательно-повелительная, консультативная и партисипативная теории Ренсиса Лайкерта легли в основу современных моделей организационного поведения, учитывающих поведение руководителей и характер организационного контроля [Горчаков, Сигов 2020].

Для исследования стиля управленческих отношений в современном менеджменте используются модели организационного поведения, к которым относятся ситуационная модель эффективного лидерства (модель Фреда Э. Фидлера), конфигурационные модели, модель менеджерского стиля (коды РАЕІ) Ицхака Адизеса и др.

В настоящее время под воздействием разных условий меняется значимость факторов производства. Ведущая роль при этом принадлежит научно-техническим возможностям. В определенной мере с этим связано то, что в современных условиях большие перспективы для развития теории организационного поведения приобретают исследования нейро-менеджмента, являющегося отдельной областью нейро-наук [Нейро прожект 2020]. С помощью методов нейро-менеджмента все чаще исследуются такие факторы, как, например, эргономика рабочего места, восприятие коммуникативных атрибутов поведения и т. д.

Заключение

Сложившийся на протяжении более чем двух столетий теоретико-методологический базис решения практических и научно-учебных проблем организационного поведения по своему содержанию стал междисциплинарным. Сегодня он находится на стыке категорий экономики, менеджмента, социологии, психологии, философии. Поэтому объекты этих наук правомерно рассматривать в качестве специальных систем, которые, в свою очередь, могут объединяться между собой и трансформироваться в модели более сложной системы, в зависимости от решаемых конкретных задач.

Развитие системы организационного поведения можно отслеживать на основе периодически проводимого анализа ее зрелости. По результатам такого анализа могут быть определены как возможности организации по воплощению в жизнь своего потенциала, так и направления перестройки отношений с

заинтересованными сторонами. Перестройка этих отношений может быть связана, например, с совершенствованием рабочей среды, получением общественного признания и, в конечном итоге, с повышением эффективности деятельности всей организации.

Литература

- Бандура 2000 – *Бандура А.* Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 318 с.
- Горчаков 2020 – *Горчаков С.Е.* Совершенствование управлением организационным поведением в научных организациях: Дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2020. 161 с.
- Дюркгейм 1991 – *Дюркгейм Д.Э.* О разделении общественного труда: Метод социологии. М.: Наука, 1991. 575 с.
- Конт 2012 – *Конт О.* Общий взгляд на позитивизм / Пер. с франц. И.А. Шапиро; Под ред. Э.Л. Радлова. 3-е изд. М.: Либриком, 2012. 296 с.
- Левин 2001 – *Левин К.* Динамическая психология: Избранные труды / Пер. с нем. и англ. яз. и научн. ред. Д.А. Леонтьева и Е.Ю. Патяевой. М.: Смысл, 2001. 572 с.
- Мертон 2006 – *Мертон Р.К.* Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е.Н. Егоровой и др.; Науч. ред. З.В. Коганова. М.: АСТ Хранитель, 2006. С. 282–322.
- Нейро прожект 2020 – Нейро-прожект менеджмент: Материалы междунар. научно-практич. конф. 11–13 марта 2020 г. М.: РУСАЙНС, 2020. 230 с.
- Парсонс 2018 – *Парсонс Т.* Социальная система. М.: Академический проект, 2018. 529 с.
- Портер 2011 – *Портер М.Э.* Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. Пер. с англ. И. Минервина. М.: Альпина Паблишер, 2011.
- Рэдклифф-Браун 2001 – *Рэдклифф-Браун А.Р.* Структура и функция в примитивном обществе: Очерки и лекции / Пер. с англ. О.Ю. Артемовой; Отв. ред. В.А. Попов. М.: Восточная литература, 2001. 304 с.
- Сигов, Горчаков 2020 – *Сигов В.И., Горчаков С.Е.* Актуальные исследовательские программы в теории организационного поведения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 4 (124). С. 9–6, 100.
- Barnard 1938 – *Barnard Ch.I.* The functions of the executive. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1938. 334 p.
- Freeman 1984 – *Freeman P.E.* Strategic Management: A Stakeholder Approach. First 1st ed. Boston: Harpercollins College Div, 1984. 275 p.
- Leavitt 1975 – *Leavitt H.J.* Managerial Psychology. Chicago: Chicago University Press, 1975. 437 p.
- Luthans, Fred 1973 – *Luthans F.* Organizational behavior. New York: McGraw-Hill, 1973.

- Luthans, Fred 2002 – Luthans, Fred 2002 – *Luthans F. Positive organizational behavior: Developing and managing psychological strengths* // *Academy of Management Perspectives*. 2002. № 16 (1). P. 57–72.
- Munsterberg 2009 – *Munsterberg H. Psychology and Industrial Efficiency*. The Floating Press Auckland, New Zeland. 2009.
- 1991 – *Organ D.W., Bateman Th.S. Organizational Behavior*. 4th ed. Boston: Irwin, 1991. 685 p.
- Vroom 1964 – *Vroom V.H. Work and Motivation*. New York: Wiley, 1964. 331 p.

References

- Bandura, A. (2000), *Teoriya sotsial'nogo naucheniya* [Social Learning Theory], Evraziya, Moscow, Russia.
- Barnard, Ch.I. (1938), *The functions of the executive*, Harvard University Press, Cambridge, MA, USA.
- Durkheim, D.E. (1991), *O razdelenii obshchestvennogo truda: Metod sotsiologii* [On the division of social labor. The method of sociology], Nauka, Moscow, Russia.
- Freeman, R. (1984), *Strategic management: A Stakeholder Approach*, 1st edn., Harpercollins College Div, Boston, USA.
- Gorchakov, S.E. (2020), *Improving organizational behavior management in scientific organizations*, PhD Thesis, Saint Petersburg.
- Kont, O. (2012), *Obshchii vzglyad na pozitivizm* [A general view of positivism], Radlov, E.L. (ed.), 3-rd edn., Librikom, Moscow, Russia.
- Leavitt H.J. (1975), *Managerial Psychology*, Chicago University Press, Chicago, USA.
- Levin, K. (2001), *Dinamicheskaya psikhologiya: Izbrannye trudy* [Dynamic Psychology: Selected works], Smysl, Moscow, Russia.
- Luthans, F. (1973), *Organizational behavior*, McGraw-Hill, New York, USA.
- Luthans, F. (2002), “Positive organizational behavior: Developing and managing psychological strengths”, *Academy of Management Perspectives*, no. 16 (1), pp. 57–72.
- Merton, R.K. (2006), *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure], Egorova, E.N. et al. (transl.), AST, Khranitel', Moscow, Russia, pp. 282–322.
- Munsterberg, H. (2009), *Psychology and Industrial Efficiency*, Floating Press, Auckland, New Zeland.
- Neiro-prozhekt menedzhment: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 11–13 marta 2020 g.* [Neuro Project Management. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. March 11–13, 2020], RUSAINS, Moscow, Russia.
- Organ, D.W. and Bateman, Th.S. (1991), *Organizational Behavior*, 4th ed., Irwin, Boston, USA.
- Parsons, T. (2018), *Sotsial'naya Sistema* [The Social system], Akademicheskii projekt, Moscow, Russia.
- Porter, M. (2011), *Konkurentnaya strategiya: Metodika analiza otraslei i konkurentov* [Competitive strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors], Minervin, I. (transl.), Alpina Publisher, Moscow, Russia.

- Radcliffe-Brown, A.R. (2001), *Struktura i funktsiya v primitivnom obshchestve: Ocherki i lektsii* [Structure and Function in Primitive Society. Essays and lectures], Popov, V.A. (ed.), Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Sigov, V.I. and Gorchakov, S.E. (2020), "Actual Relevant research programs in the theory of organizational behavior", Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics, no. 4 (124), pp. 96–100.
- Vroom, V.H. (1964), *Work and Motivation*, Wiley. New York, USA.

Информация об авторах

Сергей Е. Горчаков, кандидат экономических наук, Петербургский институт ядерной физики Национального исследовательского центра «Курчатовский институт»; Ленинградская обл., г. Гатчина, Россия; 188300, Россия, Ленинградская обл., г. Гатчина, мкр. Орлова роща, д. 1; gse2010@yandex.ru

Юрий А. Левин, доктор экономических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76; levin25@mail.ru, ORCID ID 0000-0002-9568-7866

Information about the authors

Sergey E. Gorchakov, Cand. of Sci. (Economics), St. Petersburg Institute of Nuclear Physics of National Research Center "Kurchatov Institute, Gatchina, Leningrad region, Russia; bld. 1 Orlova grove, md. Gatchina, Leningrad region, Russia, 188300; gse2010@yandex.ru

Yurii A. Levin, Dr. of Sci. (Economics), professor, Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Moscow, Russia; bld. 76, Vernadskii Avenue, Moscow, Russia, 119454; levin25@mail.ru, ORCID ID 0000-0002-9568-7866

Принятие управленческих решений на основе метода обучения с подкреплением

Татьяна Н. Боровик

*МИРЭА – Российский технологический университет
Москва, Россия, borovik@mirea.ru*

Роман В. Шамин

*МИРЭА – Российский технологический университет
Москва, Россия, roman@shamin.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы оценки управляющих решений при повторяющихся задачах. Показано, что использование методов машинного обучения с подкреплением позволяет повысить объективность оценок возможных управленческих решений. Показано, что предлагаемый метод имеет методическую связь с теоретико-игровым подходом и может быть обобщен для различных вариантов при практическом применении.

Ключевые слова: управленческие решения, обучение с подкреплением, теория игр

Для цитирования: Боровик Т.Н., Шамин Р.В. Принятие управленческих решений на основе метода обучения с подкреплением // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2024. № 1. С. 38–48. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-38-48

Management decisions based on reinforcement learning method

Tat'yana N. Borovik

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia, borovik@mirea.ru

Roman V. Shamin

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia, roman@shamin.ru

Abstract. The article considers the issues of evaluating control decisions for repetitive tasks. It is shown that using the reinforcement learning method makes it possible to increase the objectivity of assessments of possible management decisions. Authors highlight that the proposed method has a methodological connection with the game-theoretic approach and can be generalized for various options in practical application.

Keywords: management decisions, reinforcement learning, game theory

For citation: Borovik, T.N. and Shamin, R.V. (2024), "Management decisions based on reinforcement learning method", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 1, pp. 38-48, DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-38-48

Введение

Современный уровень цифровизации организаций налагает новые требования к механизмам принятия управленческих решений. Принятие решений – это всегда выбор одного варианта из множества. Если решение принимается одним лицом, то рациональное принятие решений основано, как правило, на оценке полезности каждого из возможных вариантов принимаемых решений. В зависимости от характера принимаемых решений используемая оценка может быть в той или иной мере субъективной. В задачах управления работниками субъективная составляющая оценки принимаемого решения во многом определяется субъективным отношением лица, принимающего решение, к своим подчиненным. Более того, если регулярно принимаются однотипные решения относительно одинакового круга подчиненных, то субъективная оценка будет усиливаться. В этой ситуации возникает две проблемы. Во-первых, как определить, что используемая субъективная оценка соответствует объективной оценке? Во-вторых, как найти объективную оценку возможных решений? При этом решение второй задачи включает в себя решение первой задачи.

Настоящая работа посвящена методам повышения объективности оценки возможных решений при решении повторяющихся задач. Разумеется, что в реальности объективной оценки решений может и не быть, поскольку результаты принятия решения не всегда могут быть сравнимы. Так, какое-то решение может быть выгоднее с одной стороны (например, с точки зрения материальных затрат), но менее выгодным с другой стороны (например, с точки зрения времени выполнения). Мы ставим задачу не нахождения оптимального (объективного) решения, а повышения объективности при оценке возможного решения. Отметим, что речь идет только об оценке решения, а не об оптимальности решений.

Метод обучения в подкрепление, относящийся к методам искусственного интеллекта, использует функционал для оцен-

ки возможных действий в заданном состоянии [Саттон, Барто 2020]. При этом метод позволяет находить и уточнять этот функционал по получаемым результатам при выполнении выбранных действий. Этот подход хорошо себя зарекомендовал при решении различных игровых задач и при управлении техническими системами [Николенко 2009]. В настоящей работе мы используем идеи, связанные с методом обучения с подкреплением, для получения объективных оценок возможных решений в задачах менеджмента.

Формальная постановка задачи

Пусть лицо, принимающее решения, должно сделать выбор своего решения из фиксированного множества возможных решений. Это множество обозначим через P . Будем считать, что множество P является конечным множеством. Ситуации, когда множество P может оказаться бесконечным, соответствуют, например, выбору объема финансирования. Далее, мы будем предполагать, что задача выбора решения в рассматриваемой ситуации является повторяющейся.

Пусть у лица, принимающего решение, есть априорная оценка каждого возможного действия из множества P . Таким образом, задана функция $Q_0(p)$ для каждого p из P . Функция $Q_0(p)$ является безразмерной числовой функцией. Мы будем говорить, что решение p_1 хуже решения p_2 , если имеет место неравенство

$$Q_0(p_1) < Q_0(p_2).$$

В этой ситуации выбор решения может быть осуществлен следующим образом: необходимо выбрать такое решение p^* из множества P , что для выполняется неравенство

$$Q_0(p_1) \leq Q_0(p^*)$$

для всех p из P . Такой выбор имеет называется «жадным» выбором [Кормен и др. 2005]. Жадный выбор является оправданным в случае, если субъективный выбор также является и оптимальным по результатам использования этого решения. Кроме функции $Q_0(p)$ рассмотрим также функцию $R(p)$, определенную на множестве P . Функция $R(p)$ также будет числовой функцией, но эта функция может быть размерной. Функция

$R(p)$ имеет смысл как результат использования решения p . Размерность этой функции может быть рубли, временная шкала или какая-либо еще шкала.

Поскольку значение $R(p)$ становится известным лишь после принятия решения p , то, как правило, лицо, принимающее решение, не может априорно знать значения этой функции, и поэтому не может осуществлять выбор решения на основании функции $R(p)$.

После того, как было принято решение p^* , становится известным значение функции $R(p^*)$. Кроме того, нам известны и результаты предыдущих выбранных решений. На основании этих данных лицо, принимающее решение, может скорректировать свою первоначальную оценку решения. Это изменение выражается в изменении значения или значений функции $Q_0(p)$. Измененную функцию мы будем обозначать через $Q(p)$. Таким образом, мы будем рассматривать следующую процедуру:

$$Q = F(Q_0, R(p)).$$

Процедура оптимизации оценки решений

Рассмотрим подробно процедуру оптимизации оценки повторяющихся решений. Пусть мы имеем априорную или сложившуюся оценку каждого управляющего решения. Если лицо, принимающее решение, будет использовать жадный выбор, то, при прочих равных, он всегда будет выбирать одинаковое решение. Идея обучения с подкреплением состоит в том, что перед очередным принятием решения с определенной вероятностью, которую обозначим через $q > 0$, необходимо выбрать произвольное допустимое решение p из множества P . После реализации выбранного решения следует учесть полученный результат с помощью функции $R(p)$.

Опишем эту процедуру формально. В качестве входных данных мы используем:

P – множество возможных решений;

$Q_0(p)$ – существующая оценка каждого решения;

R_0 – объективный максимальный результат, который был достигнут при решении рассматриваемой задачи;

q – вероятность выбора нового решения.

Шаг 1. Получаем случайное число, равномерно распределенное от 0 до 1, которое обозначим через s .

Шаг 2. Если $s < q$, то переходим к шагу 6.

Шаг 3. Находим такое p^* из множества P , которое удовлетворяет следующему условию

$$Q(p^*) = \max_{p \in P} Q(p).$$

Шаг 4. Применяем решение p^* , найденное на шаге 3.

Шаг 5. Перейти к шагу 9.

Шаг 6. Выбираем случайное решение из множества P . Обозначим это решение через p_1 .

Шаг 7. Применяем решение p_1 и получаем объективный результат, который обозначим через R_1 .

Шаг 8. Обновляем оценку $Q_0(p_1)$ по следующей формуле:

$$Q_0(p_1) = Q_0(p_1) \cdot \left(1 + \frac{R_1 - R_0}{R_0} \right).$$

Шаг 9. Конец алгоритма.

Заметим, что на шаге 8 коррекция субъективной оценки решения будет в большую сторону, если достигнутый результат окажется лучше, чем ранее наилучший результат, либо в меньшую сторону, если достигнутый вариант окажется хуже наилучшего результата.

Варианты использования процедуры оптимизации оценки

При практическом использовании процедуры оптимизации оценки решений можно использовать следующие вариации описанной выше процедуры.

Использование случайных чисел может быть заменено на периодическое использование выбора случайных решений задачи, например, при каждом n -ом решении задачи. Такой подход позволяет более систематично использовать процедуру коррекции оценки управляющих решений.

В случае, когда в результате использования процедуры оптимизации оценки управляющих решений какое-либо решение получает низкую оценку, то следует такое решение исключить из числа рациональных решений и из множества P . Следовательно, предложенная процедура позволяет не только уточнять субъективную оценку возможных решений, но и осуществлять процедуру отбора рациональных управляющих решений.

Следует учитывать, что объективный результат R_1 , как правило, является случайной величиной, которая зависит от очень большого числа факторов. Кроме того, эта величина не всегда является стационарной, поскольку результат управляющего решения может зависеть от меняющейся внешней ситуации. Таким образом, мы имеем следующую случайную функцию (случайный процесс):

$$R_1 = R_1(t, \omega, p_1),$$

где t – это время, ω – это случайный исход, который отражает случайные факторы, влияющие на результат управляющего решения.

В случае, когда функция R_1 подвержена случайным факторам, которые могут существенно влиять на результат, то в результате величина R_0 также может иметь различные значения в результате случайных факторов. В этом случае вместо R_0 следует использовать среднее значение (математическое ожидание).

Многошаговое управление

Рассмотренный ранее алгоритм для оценки управляющих решений может быть обобщен на случай многошагового управления, когда для решения определенной задачи необходимо принимать ряд управляющих решений. Если исходная задача может быть декомпозирована на отдельные последовательные шаги, то мы можем применять процедуру оценки управляющих решений к каждому шагу, сведя многошаговое управление к последовательности одношаговых управлений. Однако более интересным является случай, когда выбор управляющего решения зависит от ситуации, которая в свою очередь складывается из предыдущих управленческих решений. Общая схема приведена на рис. 1.

В рассматриваемом случае много шагового управления мы вводим понятие «состояние» как набор возможных управленческих решений, соответствующих текущему состоянию. В состоянии, соответствующему конечному состоянию, мы будем считать множество управляющих решений пустым. Если состояние имеет не пустое множество возможных решений, то, применяя какое-либо возможное решение, мы, во-первых, оказываемся в другом состоянии, а во-вторых, получаем определенный результат (подкрепление) [Уиндер 2023].

Рис. 1. Пример многошагового управления

Для вычисления оптимальной оценки управляющих решений в этой ситуации следует использовать методы обучения с подкреплением (Q-learning, SARSA) [Саттон 2020].

Пример применения процедуры оценки управляющих воздействий

Предположим, что для выполнения заказа на изготовление изделия могут быть применены следующие различные технологии:

- 1) Технология 1, основанная на использовании токарно-фрезерного станка;
- 2) Технология 2, основанная на использовании 3D-принтера;
- 3) Технология 3, основанная на смешанном использовании токарно-фрезерного станка и 3D-принтера.

В этом случае множество возможных решений имеет вид:

$$P = \{\text{Технология 1, Технология 2, Технология 3}\},$$

понимая под решением «Технология N» – выбор Технологии N для изготовления изделия. Будем полагать, что аналогичные задачи ставятся регулярно, что означает повторяющиеся решения.

Лицо, принимающее решение, – главный технолог имеет следующие априорные оценки для каждого решения:

$$Q_0(\text{Технология 1}) = 0,8;$$

$$Q_0(\text{Технология 2}) = 0,2;$$

$$Q_0(\text{Технология 3}) = 0,5.$$

Пусть при ранее применявшихся решениях («Технология 1») наилучший объективный результат имел следующее значение:

$$R_0 = 120,000 \text{ руб.}$$

При использовании (согласно процедуре оценки решений) нового решения – «Технология 3» был достигнут объективный результат

$$R_1 = 150,000 \text{ руб.}$$

Согласно процедуре оценки решений, мы должны скорректировать оценку для решения «Технология 3» следующим образом

$$Q_0(\text{Технология 3}) = 0,5 \cdot (1 + (150000 - 120000) / 120000) = 0,625.$$

При последующем применении процедуры оценки управляющих решений была получена следующая динамика изменения оценок всех возможных решений, которая представлена на рис. 2.

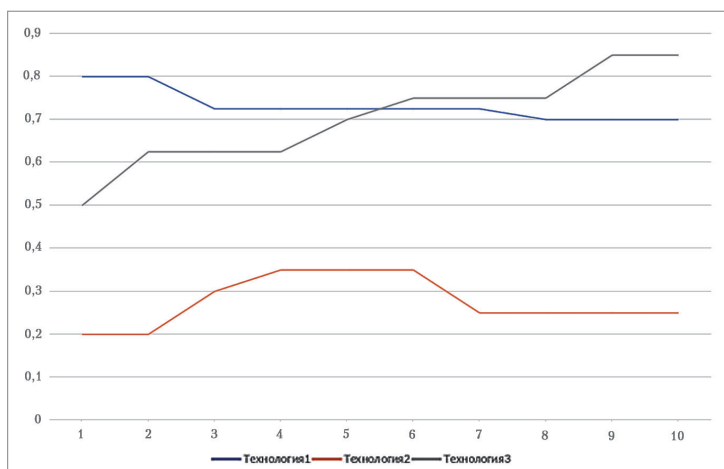

Рис. 2. Динамика изменения оценок решений

В рассматриваемом примере мы видим, что решение «Технология 3» в итоге получила максимальную оценку и должна быть использована.

Связь с теорией игр

Предложенная в работе процедура оценки управляющих решений и последующего выбора решений определенным образом связана с методами теории игр. Одним из основных методов выбора стратегии (решения из множества возможных решений) в теории игр является метод смешанных стратегий [Нейман, Моргенштерн 1970]. Суть метода смешанных стратегий состоит в том, что выбирается не фиксированная стратегия, а стратегия выбирается случайным образом из всех возможных. Разумеется, что стратегия выбирается не произвольным образом, согласно определенным вероятностям.

Пусть множество стратегий состоит из N элементов, которые мы обозначим через

$$s_1, s_2, \dots, s_N.$$

С каждой стратегией мы свяжем вероятность выбора этой стратегии:

$$s_1 \rightarrow q_1, s_2 \rightarrow q_2, \dots, s_N \rightarrow q_N.$$

Выбор вероятностей рассчитывается согласно платежной матрице, которая задает игру. При выборе вероятностей должно выполняться следующее соотношение:

$$q_1 + q_2 + \dots + q_N = 1.$$

После расчета вероятностей мы выбираем стратегию согласно полученным вероятностям.

В нашем случае также можно построить теоретико-игровую интерпретацию случайному выбору управляющего решения таким образом, чтобы используемые вероятности соответствовали вероятностям стратегий в некоторой игре.

Заклучение

В статье рассмотрен метод объективной оценки управленческих решений при повторяющихся задачах. Этот метод позволяет уточнять априорную оценку возможных решений и выбирать наиболее эффективное решение. Изменение оценки решений происходит итеративным методом, что позволяет избежать резкого изменения в оценках решений. Это важно, поскольку при оценке решений учитываются случайные факторы, которые могут исказить оценку решения.

В работе рассмотрены различные обобщения процедуры оценки управляющих решений, связанные с задачами, которые требуют многошагового выбора решений, а также учета случайных факторов, которые влияют на результат применения управляющих решений.

Приведен пример использования предложенной процедуры выбора управляющих решений, который демонстрирует применение предложенного метода оценки управляющих решений.

Литература

- Кормен и др. 2005 – *Кормен Т., Лейзерсон Ч., Ривест Р., Штайн К.* Алгоритмы: построение и анализ = Introduction to Algorithms. М.: Вильямс, 2005. 894 с.
- Нейман, Morgenштерн 1970 – *Нейман Дж. фон, Morgenштерн О.* Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970. 707 с.
- Николенко 2009 – *Николенко С.И., Тулупьев А.Л.* Самообучающиеся системы. М.: МЦНМО, 2009. 287 с.
- Саттон, Барто 2020 – *Саттон Р.С., Барто Э.Г.* Обучение с подкреплением = Reinforcement Learning. М.: ДМК пресс, 2020. 552 с.
- Уиндер 2023 – *Уиндер Ф.* Обучение с подкреплением для реальных задач. Инженерный подход. М.: БХВ-Петербург, 2023.

References

- Cormen, T., Leiserson, Ch., Rivest, R. and Stein, K. (2005), *Algoritmy: postroenie i analiz* [Algorithms. Construction and analysis = Introduction to Algorithms], Williams, Moscow, Russia.
- Neumann, J. von and Morgenstern, O. (1970), *Teoriya igr i ekonomicheskoe povedenie* [Theory of Games and economic behavior], Nauka, Moscow, Russia.
- Nikolenko, S.I. and Tulupyev, A.L. (2009), *Self-learning systems*, MTsNMO, Moscow, Russia.
- Sutton, R.S. and Barto, E.G. (2020), *Obuchenie s podkrepleniem* [Reinforcement Learning], DMK press, Moscow, Russia.
- Winder, Ph. (2023), *Obuchenie s podkrepleniem dlya real'nykh zadach. Inzhenernyi podkhod* [Reinforcement learning for actual tasks. Engineering approach], BKhV-Peterburg, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Татьяна Н. Боровик, МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 78; borovik@mirea.ru

Роман В. Шамин, доктор физико-математических наук, МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 78; roman@shamin.ru

Information about authors

Tat'yana N. Borovik, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia; bld. 78, Vernadskii Avenue, Moscow, Russia, 119454; borovik@mirea.ru

Roman V. Shamin, Dr. of Sci. (Physics and Mathematics), MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia; bld. 78, Vernadskii Avenue, Moscow, Russia, 119454; roman@shamin.ru

Социальный капитал как стратегический механизм аккультурации трудовых мигрантов

Агамали К. Мамедов

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия, aktnaika@yandex.ru*

Ольга Ю. Мясникова

*Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
Москва, Россия, o_myasnikova@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются тенденции и специфика аккультурации трудовых мигрантов и ее взаимосвязь с социальным капиталом. Выделены ключевые аспекты социокультурной адаптации мигрантов, прямо или косвенно влияющие на формы их интеграции в принимающее общество. Отмечено, что наличие социального капитала в мигрантской среде имеет критически важное значение как для «мягкого» включения мигрантов в новые условия, так и для распространения девиантных форм взаимодействия с принимающим обществом. Рассмотрены социокультурные и социопсихологические факторы, способствующие формированию адекватных условий для эффективной аккультурации мигрантских сообществ с учетом их этнических особенностей. Выделено, что наличие социального капитала сторон (мигрантов и принимающего общества) при благоприятных условиях создает оптимальное коммуникационное пространство, в рамках которого происходит социокультурный взаимообмен, эффективность которого обуславливает оптимальный баланс для профессионального и культурного включения мигрантов в новую для них среду.

Ключевые слова: аккультурация, социальный капитал, трудовые мигранты, адаптация и интеграция в новую среду

Для цитирования: Мамедов А.К., Мясникова О.Ю. Социальный капитал как стратегический механизм аккультурации трудовых мигрантов // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2024. № 1. С. 49–63. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-49-63

Social capital as a strategic mechanism for the acculturation of labor migrants

Agamalii K. Mamedov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
akmnauka@yandex.ru

Ol'ga Yu. Myasnikova

Moscow University for Industry and Finance "Synergy", Moscow, Russia
o_myasnikova@mail.ru

Abstract. The article analyzes the trends and specifics in the acculturation of labor migrants and its relationship with social capital. The key aspects of the sociocultural adaptation of migrants are highlighted, directly or indirectly influencing the forms of their integration into the host society. It is noted that the presence of social capital in the migrant community is critically important both for the "gentle" incorporation of migrants into the new environment and for the spread of deviant forms of interaction with the host society. The sociocultural and socio-psychological factors that contribute to the formation of adequate conditions for the effective acculturation of migrant communities, taking into account their ethnic characteristics, are considered. It is highlighted that the presence of social capital of the parties (migrants and the host society), under favorable conditions, creates an optimal communication space within which sociocultural exchange occurs, the effectiveness of which determines the optimal balance for the professional and cultural inclusion of migrants in for them new environment.

Keywords: acculturation, social capital, labor migrants, adaptation and integration into a new environment

For citation: Mamedov, A.K. and Myasnikova, O.Yu. (2024), "Social capital as a strategic mechanism for the acculturation of labor migrants", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 1, pp. 49-63, DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-49-63

Современный этап развития России характеризуется сложными объективными факторами и процессами, в рамках которых проблематика миграции является одной из актуальнейших проблем, остро и полномасштабно влияющей на социально-экономическую, социокультурную, экономическую, политическую сферы жизнедеятельности российского общества.

Миграционные потоки, ставшие повседневной реальностью в настоящее время, все чаще приобретают неконтролируемые формы, масштабность и характер которых зачастую угрожает национальной безопасности страны [Зенкина и др. 2023].

Проблема стихийности и социальной дезорганизации определила необходимость формирования четкой государственной миграционной политики построения жесткой и одновременно адекватной законодательной базы, то есть создания полномасштабной системы государственного регулирования и контроля миграционных процессов.

В силу этого особую актуальность приобретает проблема адаптации трудовых мигрантов. Практика показывает, что российский рынок труда в условиях демографического спада, по утверждениям некоторых аналитиков, безусловно, нуждается в рабочих ресурсах, причем нередко звучат цифры 1,1 млн работников, но неконтролируемость внешнего потока рабочей силы, коррупционность структур, реализующих миграционную политику, создают значительные сложности для реализации адаптационных программ для трудовых мигрантов.

Кроме того, современные научно-методические подходы, концепции и теории, в рамках которых проводятся исследования как миграционных процессов в целом, так и проблематики адаптации мигрантов в частности, недостаточно полно используют имеющиеся немалые научные ресурсы [Сопилко, Горбачева 2022]. Сегодня со всей очевидностью осознано, что решение проблем трудовой адаптации мигрантов требует, в первую очередь, комплексного системного научно-методического подхода в единстве теоретического изучения и формирования практических методик.

Несомненно, уже накоплен значительный опыт в теоретико-методологической базе относительно механизмов трудовой адаптации мигрантов в принимающей среде, существует ряд научных концепций, в которых отражен как российский, так и зарубежный опыт. Аккумулируя научный опыт, можно утверждать, что решение вопросов адаптации трудовых мигрантов будет эффективным только при комплексной реализации экономических, политических, социально-бытовых, культурных, психологических и других аспектов интеграции приезжих¹. Вместе с тем современные процессы адаптации трудовых мигрантов, проблемы, тенденции и специфика мероприятий, реализуемых в настоящее время, показывают, что одним из актуальных факторов, влияющих на процессы адаптации мигрантов, выступает *социальный капитал*.

¹ Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2025 года / Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.

Понятие «социальный капитал» в научные практики включено сравнительно недавно, исследования в данном направлении только формируются, и трактовка данного понятия осуществляется в большей степени субъективно и во многом зависит от того, какого научного направления придерживаются ее авторы.

С позиций авторов, социальный капитал позиционируется как дефиниция междисциплинарного порядка и, исходя из этого, авторская позиция рассматривает данный феномен как совокупность форм и видов взаимодействий индивидов, которые актуализируются на групповом уровне и, осуществляясь на основе устойчивых и взаимно признанных неформальных институтов доверия, солидарности, сотрудничества и общности интересов, создают условия для активной совместной деятельности, направленной на достижение социального и/или экономического эффекта.

Применительно к проблематике адаптации трудовых мигрантов социальный капитал рассматривается в контексте социокультурного взаимодействия мигрантов и принимающей стороны, которое осуществляется как в совместной трудовой деятельности, так и на бытовом уровне. В результате такого взаимодействия устанавливаются потенциальные возможности для формирования коммуникационного пространства, в рамках которого перспективность культурных изменений (аккультурации) мигрантов принимает характер объективной закономерности. Вместе с тем современные практики показывают, что данные процессы могут иметь как положительные результаты, когда обе стороны обогащаются культурным опытом в процессе активной культурной диффузии, так и негативные последствия, проявляющиеся зачастую в групповых эксцессах неприятия культурных установок страны-реципиента. При этом исследователи проблем аккультурации (Д. Берри, А. Шюц, Н.М. Лебедева, Н.А. Селиверстова, Д.Ю. Зубарев, Т.Г. Стефаненко и др.) рассматривают данное явление с позиций нейтрально-положительной, хотя и неоднозначной, коннотации [Хижняк 2022].

С позиций понимания проблематики аккультурации мигрантов как реализации социального капитала сторон (мигрантов и принимающей стороны) необходимо отметить, что процесс трудовой адаптации представляет собой коммуникационную дихотомию, в которой взаимодействуют два социокультурных субъекта: трудовой мигрант, с одной стороны, и принимающая среда – с другой. Коммуникация между этими акторами реали-

зуется как на формальном уровне, представленном формальными институтами обеих сторон, так и неформальными институтами, функционирующими и в мигрантских сообществах, и в принимающем обществе [Мамедов, Липай 2011].

Соответственно, в рамках этих уровней выстраиваются два уровня отношений. Первый уровень формируется системой формальных институтов (государственные органы, общественные организации, законодательная система и т. п.), в рамках деятельности которых осуществляется государственное регулирование миграционных процессов и реализация государственной миграционной политики.

В настоящее время миграционная политика сформирована с учетом общефедеральных законов и региональной специфики. Однако реализация выбранной стратегии столкнулась с рядом трудностей, связанных с несогласованностью в деятельности различных министерств и ведомств, в рамках которых реализуется реальная миграционная политика. Так, например, ряд ведомств, промышленность, стройиндустрия выдвигают весьма обоснованные требования о необходимости увеличения объема трудовых мигрантов, в то время как силовые структуры по причине своей оптики рассмотрения проводят ограничительную миграционную политику. Подобная ситуация наблюдается и по другим аспектам реализации миграционной политики.

Формальные институты России как принимающего общества, реализующие миграционную политику, представлены такими учреждениями, как Главное управление по вопросам миграции Москвы, входящее в структуру МВД России (ГУВМ МВД России), Многофункциональные миграционные центры (далее – ММЦ), в рамках которых действуют Биржи труда для мигрантов, а также ряд негосударственных организаций, занимающихся трудоустройством мигрантов (например, ООО «Московский центр трудового обмена», ООО «Кадровое агентство «Миграционная биржа труда»» и иные).

Создание подобных организаций призвано вытеснить ныне существующие неформальные, в большинстве случаев нелегальные, посреднические конторы, оказывающие услуги по трудоустройству мигрантов, медицинских справок, разрешений на работу и т. п. Так, например, с момента принятия закона о необходимости получения языкового сертификата органами МВД выявлены многочисленные случаи выдачи поддельных сертификатов.

Деятельность формальных институтов со стороны мигрантов представлена в Москве разнообразными общественными

организациями, диаспорами, землячествами, которые проводят активную деятельность в области адаптации мигрантов, оказывая последним как финансовую поддержку, так и помощь в языковой, культурной и психологической адаптации. Вместе с тем из-за недостаточной информированности о деятельности подобных организаций основной процент мигрантов не имеют представления об этих институтах, посему и остаются вне правового поля, что не может не повлиять на ежедневные поведенческие практики.

Анализ существующей ситуации показывает, что в рамках коммуникативного взаимодействия формальных и неформальных институтов *на первой стадии адаптации* трудового мигранта доминирующим является объем социального капитала, проявляющегося на уровне личных контактов, где главными акторами коммуникативного процесса являются сами мигранты и представители этнических сообществ (так называемые посредники при трудоустройстве) – рис. 1.

На схеме, представленной на рис. 1, видно, что формальные/официальные связи мигрантов на первой стадии адаптации достаточно редки, более распространены неформальные связи, где в полном объеме реализуется социальный капитал трудового мигранта. То есть первичное вхождение в принимающее обще-

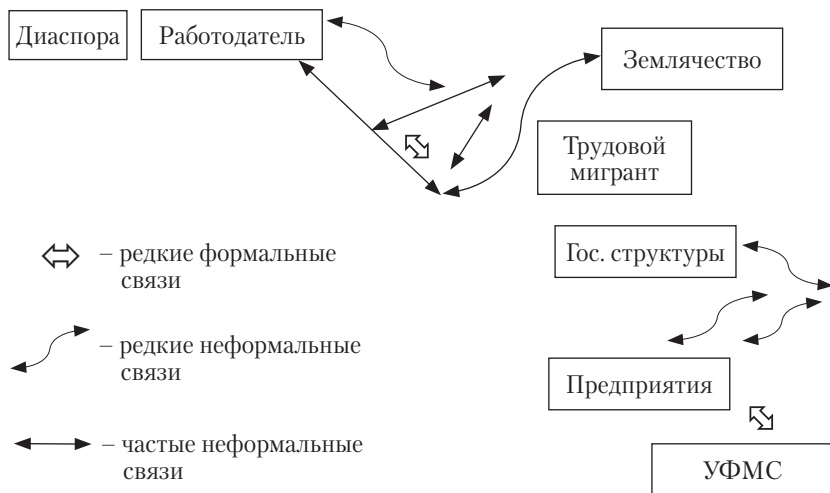

Рис. 1. Коммуникативные взаимодействия на первой стадии адаптационного процесса трудовых мигрантов

ство осуществляется через неформальные каналы. Зачастую мигранты практически не взаимодействуют с государственными структурами (за исключением силовых) и получают необходимые документы либо через работодателя, либо через посреднические конторы, либо непосредственно через диаспоры. То есть наибольшее число формальных и неформальных каналов/взаимодействий присутствует у диаспор, которые, по сути, и осуществляют процедуру первичной адаптации мигранта.

Во многом эта ситуация инициирована принимающим обществом и, по сути, закреплена на законодательном уровне [Дмитриев, Пядухов 2019; Татарко 2018; Штейнберг 2010]. Эта ситуация устраивает обе стороны.

Соответственно, насколько «адекватно» относится диаспора/землячество к принимающему государству и обществу, настолько будет осуществляться формальные и неформальные взаимодействия. В настоящее время отношения в рамках системы взаимодействия, представленные на рис. 2, можно охарактеризовать как негативные.

На схеме показано, что наибольший уровень негативного отношения в системе «мигрант–принимающее общество» к государственным организациям. На схеме также показано противоборство между землячеством и диаспорой, а также «страх» работодателя к этим национальным анклавам. Причины негативного отношения в рамках «работодатель – национальные анклавы» лежат в плоскости коррупционной составляющей и экономической зависимости этих элементов системы друг от друга [Юдина 2015].

Решение этой проблемы обуславливается необходимостью выработки единой стратегии, в рамках которой диаспоры/зем-

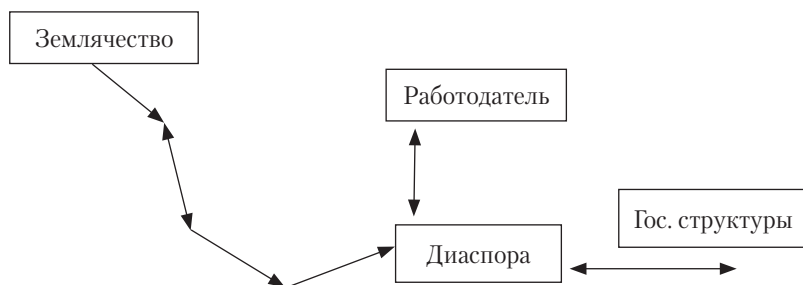

Рис. 2. Коммуникативное взаимодействие формальных и неформальных элементов системы адаптации трудовых мигрантов

лячества должны синхронизировать совместно с государственными институтами действия как по упорядочению различных потоков миграции, так и по процедурам их интеграции в российское общество. Политика динамичного взаимодействия стала бы наиболее приемлемым вариантом. Насколько это актуально, видно из представленных схем, которые показывают, что в настоящее время коммуникационные взаимодействия формальных/неформальных институтов мигрантов и формальных/неформальных институтов принимающего общества практически не функционируют, а создают поле для коррупции, криминала и нелегального рынка рабочей силы.

Существующая на сегодняшний день система формальных институтов, то есть организаций, созданных и поддерживаемых государством, по сути, «задает правила игры» (часто коррупционные), что в результате приводит к бездействию этих организаций, а следовательно, отчуждению от данных институций. Наоборот, неформальные институты (например, институт землячества со стороны мигрантов или же институт посредников со стороны принимающего общества) сформировались как рефлексия на установленные «правила игры» благодаря потребностям системы. Соответственно, они более функциональны и не вызывают, в силу этого, негативного отношения у мигрантов. Их взаимодействия формируют устойчивую систему социального капитала мигранта и строятся на исключительном доверии и общности интересов. Кроме того, эти институты в некотором роде дистанцированы от государства, но вместе с тем они необходимы именно с тем набором функций, которые они имеют, что делает их более успешными, чем «официально признанная» диаспора. В силу этого трудовая миграция, особенно в мегаполисах, порождает довольно опасное явление, а именно формирование закрытых социальных общностей по национально-этническому признаку, члены которых сконцентрированы на индивидуальных и этнически-групповых интересах, не только пренебрегая, но и зачастую и отвергая потребности и интересы принимающего общества и государства.

Не менее проблематична ситуация в системе отношений «трудовой мигрант – работодатель», которая наблюдается на второй стадии адаптации мигрантов – в процессе их трудовой деятельности. Авторами было осуществлено исследование, в рамках которого было проведено интервьюирование 91 сотрудника частной строительной компании. В число респондентов входило 48 трудовых мигрантов и 43 российских сотрудника, в том числе 8 человек – представители руководящего состава.

Результаты исследования показали, что трудовые мигранты воспринимаются исключительно как дешевая и неквалифицированная рабочая сила для достижения краткосрочных тактических целей (сезонные рабочие, найм «на объект» и т. п.). Сотрудники и руководители особо отмечали низкий уровень профессиональной подготовки мигрантов, незнание русского языка, нежелание и/или неспособность повышать профессиональный или языковой уровень. При этом опрошенные трудовые мигранты высказали удовлетворенность своим положением (более 90% опрошенных), а низкому профессиональному уровню большинство из них не придает никакого значения (89%) и не считает необходимым его повышать (71,5%). Главная причина такого положения, выявленная в ходе исследования, – низкий «языковой порог» трудовых мигрантов и отсутствие стремления осваивать русский язык, в том числе и профессиональную терминологию. По мнению опрошенных специалистов и руководителей, это ограничивает как профессиональное общение, так и возможность обучения мигрантов и привлечения их к более квалифицированному труду (98%). При этом сами мигранты не считают незнание языка препятствием для осуществления ими трудовой деятельности. Основная масса опрошенных заявили, что их уровень знания русского языка является достаточным для рабочего общения (92,3%), а профессиональное развитие ими практически не рассматривается. Также опросы показали, что мигранты не испытывают желания к внепрофессиональному общению, они не интересуются проблемами и перспективами компании, не проявляют интереса к истории и культуре города, в котором работают и проживают (84,7%; 96,5%; 91,3%). Особо респонденты из числа сотрудников и руководители отмечали такие факты, как отсутствие у трудовых мигрантов желания полноценно работать, ответственно и в полной мере выполнять свои трудовые обязанности и соблюдать трудовую дисциплину (83,2%; 93,6%, 91,7% соответственно), а также ярко выраженную материальную ориентацию. Последнее как приоритет в жизненных ориентирах мигрантов отмечают как российские специалисты, так и сами мигранты.

Необходимо отметить, что данные авторского исследования коррелируют с результатами аналогичных исследований, которые проводились государственными и общественными организациями. Выявленные факты, а также материалы многочисленных полицейских сводок сформировали устойчивый образ-стереотип трудового мигранта как временного/сезонного не-

квалифицированного работника, не желающего развиваться и повышать свой профессиональный уровень, чья деятельность ориентирована только на материальные выгоды «любым способом». При этом все исследования показывают, что в выборе между интересами этнического сообщества и личными интересами мигранты всегда в приоритете ставят интересы сообщества. Аналогичный выбор они делают между интересами принимающей стороны и интересами «своего» сообщества. Соответственно при таких перспективах решение вопросов адаптации мигрантов довольно проблематично.

В данном контексте интерес представляют исследования социопсихологических аспектов адаптации трудовых мигрантов, которые отмечают как нейтральное, так и негативное отношение мигрантов к стране-реципиенту, что является определенной формой рефлексии на принимающее общество, его культурные, религиозные и иные установки, проявляющейся в этнической среде. Страна-реципиент рассматривается только с позиции возможностей экономических перспектив для мигранта и, исходя из подобной установки, мигрант не стремится интегрироваться в социум принимающей стороны, а стремится только обеспечить себе и своей семье материальное благополучие. Мотивация на подобную оценку принимающей стороны во многом исключает негативное восприятие своего положения, трудовой деятельности и/или иных аспектов пребывания в другой стране. Это подтверждают исследования психологических аспектов адаптации. В частности, на ранних стадиях трудовой деятельности (2-3 месяца работы) такие показатели, как неудовлетворенность работой (12,04 балла), нервно-психологическое напряжение (8,42 балла), рабочая тревожность (14,19), находятся в пределах нормы (0–26 баллов). То есть мигранты на стадии первичной трудовой адаптации, обладая психологической устойчивостью, а также будучи уверенными в поддержке диаспоры, не испытывают стрессов и довольны своим положением [Смирнова 2011].

Интерес представляют и такие результаты исследования, которые позволяют частично понять девиантное поведение мигрантов. В число психологических особенностей, обуславливающих поведенческие установки мигрантов, можно выделить прежде всего стратегии социальной роли «родителя», «старшего» по отношению не только к своим соотечественникам, но и к представителям принимающего общества, на которые с высокими показателями ориентированы мигранты из Таджикистана (78,6%), Киргизии (72,3%), Узбекистана 61,1%. Также

исследователи отмечают высокий уровень недоверия к стране-реципиенту, отсутствие коммуникативных навыков в формате принимающей страны, приоритет социально-поведенческих установок, принятых в «родной» стране и т. п. Наличие подобных характеристик препятствует формированию социокультурного баланса, способного обеспечить эффективную интеграцию в новое для мигранта общество.

С другой стороны, более масштабные исследования показывают, что сравнительно большая часть трудовых мигрантов ориентирована на продолжительное проживание в новом обществе, и многие из них стремятся хотя бы «внешне» принять правила жизнедеятельности, поведенческие установки нового общества.

В данном контексте важным аспектом реализации политики адаптации трудовых мигрантов является тот факт, насколько сами мигранты настроены на интеграцию в социум. Авторы согласны с мнением российского исследователя В.И. Мукомеля о том, что мероприятия по адаптации мигрантов должны строиться на дифференцированном подходе, так как различные группы мигрантов по-разному проходят процессы интеграции. Так, репатриантам-соотечественникам, иммигрантам гораздо легче адаптироваться, чем тем трудовым мигрантам, которые изначально не получили четких и ясных знаний о процедурах языковой, культурной, социальной, экономической адаптации и интеграции [Мукомель 2019] – табл. 1.

Таблица 1

Потребности разных групп мигрантов в адаптации/интеграции

Категории мигрантов	Языковая	Культурная	Социальная	Экономическая
Соотечественники	–	+	+	+
Иммигранты	+ /++	++	++	++
Гастарбайтеры	+	+	+	+

Примечание: ++ – интеграция, + – адаптация, – нет необходимости.

Источник: [Мукомель 2019].

В контексте этого важным для трудовой адаптации является анализ коммуникативных взаимодействий трудовых мигрантов и принимающего общества в контексте «удовлетво-

ренности – неудовлетворенности» сторон. На взгляд авторов, выявление проблемных зон именно в этом вопросе является базовым полем для последующего формирования адаптационных программ для трудовых мигрантов. Ведь именно в области социокультурного взаимодействия наиболее остро проявляются как негативные факторы, которые препятствуют трудовой адаптации, так и ресурсы, способствующие эффективной адаптации.

С другой стороны, столь же остро проблему включенности в принимающий социум оценивают и сами мигранты. Так, по открытым данным, 1/3 респондентов-мигрантов, проживающих в Москве, не принимают образа жизни мегаполиса, который противоречит привычным для них представлениям и жизненному укладу. Более половины респондентов критически оценивает «состояние цивилизации», в которую им предстоит интегрироваться и видеть в ней только способ обеспечить финансовое, социальное благополучие своих детей [Хижняк 2022; Цапенко 2011].

Эта тенденция наблюдается среди мигрантов практически всех национальностей, что на практике становится причиной анклавизации социальных групп мигрантов, в рамках которой мигранты декларативно позиционируют себя субъектами принимающего общества, но при этом их повседневная жизнь, коммуникативное взаимодействие «замкнуто» на национальный анклав (диаспору, землячество). Эта ситуация во многом является искусственно навязанной негативными факторами принимающего социума и традициями мигрантской культуры (клановость). В результате сложившаяся система национальных анклавов на фоне специфических условий мегаполиса и негативных факторов общественной жизни вытесняет/исключает мигрантов, стремящихся к интеграции, и/или провоцирует мигрантов на девиантное/маргинальное/криминальное поведение. Исследования показали, что в последнюю категорию, как правило, попадают трудовые мигранты, не ориентированные на интеграцию в принимающем социуме, нелегальные мигранты, так как они в большинстве своем не ассоциируют себя с принимающей средой, с ее ценностными и культурными установками, правилами и образом жизни. Вследствие этого, ведя маргинальный образ жизни, неприемлемый в обществе, в котором мигрант работает и живет, совершая преступления, он не считает, что нарушает правила общежития, зачастую лишь из-за того, что он их не знает. Это, разумеется, ни в коей мере не может быть оправданием противоправных действий.

С другой стороны, практика западных стран показывает, что либеральная толерантность в отношении мигрантов почти с необходимостью приводит к дезорганизации как самих мигрантов, так и ведет к социальным и политическим конфликтам (например, национальные конфликты во Франции).

В целом можно констатировать, что формирование социальной и трудовой идентичности мигрантов как условие их эффективной адаптации напрямую зависит от признания этнической и культурной определенности городов и иных поселений принимающей стороны. Позиционирование российских населенных пунктов, как исторически традиционной этнокультурной социальной системы, гражданской общности, стабильного рынка труда, обусловит формирование устойчивого поля для адаптации мигрантов. С другой стороны, позиционирование населенных пунктов как системы с многослойными этнокультурными социальными группами, как искусственного объединения индивидов приведет, а, по сути, и приводит, к анклавизации локации мигрантов. При этом политологи, эксперты отмечают, что существующая реальность показывает: несмотря на сильную анклавизацию мигрантов, через два-три года работы в столице их ментальность приближается к местной. Причем местной в узком смысле. При этом, по словам Сергея Градировского, селятся зарубежные мигранты, как правило, в наиболее маргинальных районах – по причине дешевизны, и модели поведения они перенимают соответствующие².

В силу этого от городских властей, общественных организаций, представителей бизнеса и общества требуется четкая выверенная политика, направленная на адаптацию/интеграцию мигрантов в российское сообщество, в которой главный акцент должен сместиться в плоскость социокультурной активизации общественных организаций мигрантов.

Литература

Дмитриев, Пядухов 2009 – *Дмитриев А.В., Пядухов Г.А.* Государство, принимающий социум, трудовые мигранты: конфликтное измерение практик взаимодействия // Полис. Политические исследования. 2009. № 6. С. 95–104.

² *Захаров М.* Миграционная Москва. По материалам совместного экспертного семинара «Полит.ру» и РАНХиГС о миграции как вызове и ресурсе для столицы. URL: <http://polit.ru/article/2021/10/13/migration/> (дата обращения 25 сентября 2023).

- URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Dmitriev_2019_6.pdf (дата обращения 25 сентября 2023).
- Зенкина др. 2023 – *Зенкина Е.В., Сопилко Н.Ю., Чавыкина М.А.* Безопасность интеграционного объединения: роль человеческих ресурсов ЕАЭС // *Международный научный журнал.* 2023. № 2 (89). С. 33–47.
- Мамедов, Липай 2011 – *Мамедов А.К., Липай Т.П.* Введение в теорию социальной стигматизация. Lap Lambert Academic Publishing CmbH&Co.KG Saarbrucken. 78 с.
- Мукомель 2019 – *Мукомель В.И.* Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // *Мир России.* 2019. № 1. С. 34–50.
- Смирнова 2011 – *Смирнова С.В.* Особенности адаптации трудовых мигрантов из стран Средней Азии // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология».* 2011. № 42. С. 94–100.
- Сопилко, Горбачева 2022 – *Сопилко Н.Ю., Горбачева В.В.* HR-аналитика в контексте повышения производительности труда на отраслевых предприятиях // *Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право.* 2022. № 4. С. 8–19. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-4-8-19.
- Татарко 2018 – *Татарко А.Н.* Социальный капитал и аккультурационные стратегии как факторы социокультурной адаптации мигрантов из Центральной и Средней Азии в московском регионе // *Культурно-историческая психология.* 2018. Т. 14. № 2. С. 33–43.
- Хижняк 2022 – *Хижняк В.С.* Трудовая миграция и человеческий капитал в условиях глобализации: проблемы конституционно-правовой политики // *Государство и право.* 2022. № 9. С. 57–65. URL: <http://gospravo-journal.ru/s102694520022200-1-1/> (дата обращения 25 сентября 2023).
- Штейнберг 2010 – *Штейнберг И.Е.* Парадигма четырех «К» в исследованиях социальных сетей поддержки // *Социологические исследования.* 2010. № 5. С. 29–47.
- Цапенко 2011 – *Цапенко И.П.* ИКТ и глобальная мобильность труда // *Информационное общество.* 2011. № 2. С. 18–28.
- Юдина 2015 – *Юдина Т.Н.* Миграция и этническое разнообразие в московском мегаполисе: основные подходы к управлению // *Материалы Афанасьевских чтений.* 2015. № 13. С. 87–94.

References

- Dmitriev, A.V. and Pyadukhov, G.A. (2019), “The State, hosting socium and migrators: conflicting dimension of interaction practices”, *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 95–104, available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Dmitriev_2019_6.pdf (Accessed 25 September 2023).
- Khizhnyak, V.S. (2022), “Labor migration and human capital in the context of globalization: problems of constitutional and legal policy”, *State and Law*, no. 9, pp. 57–65, available at: <http://gospravo-journal.ru/s102694520022200-1-1/> (Accessed 20 September 2023).
- Mamedov, A.K. and Lipai, T.P. (2011), *Introduction to the theory of social stigmatization*, Lap Lambert Academic Publishing CmbH&Co.KG Saarbrucken.

- Mukomel', V.I. (2019), "Integration of migrants: challenges, politics, social practices", *Universe of Russia*, no. 1, pp. 34–50.
- Shteinberg I.E. (2010), "Four-K paradigm in social support networks", *Sociological Studies*, no. 5, pp. 29–47.
- Smirnova, S.V. (2011), "Features of adaptation of migrant workers from Central Asia", *Bulletin of the South Ural State University. "Psychology" Series*, no. 42, pp. 94–100.
- Sopilko, N.Yu. and Gorbacheva, V.V. (2022), "HR analytics in the context of increasing labor productivity at industry companies", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law"*, no. 4, pp. 8–19, DOI: 10.28995/2073-6304-2022-4-8-19.
- Tatarko, A.N. (2018), "Social capital and acculturation strategies as factors of socio-cultural adaptation of migrants from Central and Central Asia in Moscow region", *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, vol. 14, no. 2, pp. 33–43. doi: 10.17759/chp.2018140204.
- Tsapenko, I.P. (2011), "ICT and the global mobility of labor", *Information Society Journal*, no. 2, pp. 18–28.
- Yudina, T.N. (2015), "Migration and ethnic diversity in the Moscow megalopolis. The main approaches to management", *Materials of the Afanasiev Conference*, no. 13, pp. 87–94.
- Zenkina, E.V., Sopilko, N.Yu. and Chavykina, M.A. (2023), "Security of the integration association. The role of human resources of the EAEU", *International Scientific Journal*, no. 2 (89), pp. 33–47.

Информация об авторах

Агамали К. Мамедов, доктор социологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1; akmnauka@yandex.ru

Ольга Ю. Мясникова, кандидат экономических наук, доцент, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия; 105318, Россия, Москва, Измайловский Вал, д. 2; o_myasnikova@mail.ru

Information about authors

Agamali K. Mamedov, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991, akmnauka@yandex.ru

Ol'ga Yu. Myasnikova, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Moscow, Russia; bld. 2, Izmailovskii Val, Moscow, Russia, 105318; o_myasnikova@mail.ru

Применение методов проектного управления в деятельности коммерческих организаций, органов государственной власти и местного самоуправления

Андрей Б. Ильин

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, ilin.ab@rggu.ru*

Юлия С. Сизова

*Российский университет дружбы народов (РУДН)
Москва, Россия, sizova-yus@rudn.ru*

Аннотация. Методы проектного управления приобретают значительное практическое применение не только в деятельности предпринимательских структур, но и в различных органах государственного, регионального и местного управления. Если коммерческие организации используют проектные методы для оптимизации бизнес-процессов, достижения бизнес-результатов, сокращения издержек, то органы власти применяют проектные методы для более клиентоориентированного предоставления государственных услуг гражданам, прозрачности и гибкости реализации государственных программ и проектов, в выборной деятельности, осуществлении государственных и муниципальных закупок.

В первой части статьи авторы дают определение проектному управлению, выделяют его основные особенности, инструменты, направления и проблемы. Во второй части исследователи дают характеристику таким проектным методам, как Agile, Scrum, Lean, Six Sigma, Kanban; приводят примеры практического применения данных методов в коммерческом секторе и в сфере государственного и муниципального управления.

Ключевые слова: проектное управление, государственное управление, корпоративное управление, органы власти, предпринимательские структуры, менеджмент

Для цитирования: Ильин А.Б., Сизова Ю.С. Применение методов проектного управления в деятельности коммерческих организаций, органов государственной власти и местного самоуправления // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2024. № 1. С. 64–76. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-64-76

Application of project management methods in commercial organizations, public authorities and local governments

Andrei B. Il'in

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, ilin.ab@rggu.ru*

Yuliya S. Sizova

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Moscow, Russia, sizova-yus@rudn.ru*

Abstract. Project management methods are gaining significant practical application not only in the activities of business structures, but also in various state, regional and local government bodies. If project methods are used in commercial organizations to optimize business processes, achieve business results, reduce costs, then authorities use project methods for a more client-oriented delivery of public services to citizens as well as for transparency and flexibility of government programs and projects implementation, to carry out electoral activities, to implement central and local government procurement.

In the first part of the paper, the authors define project management, highlight its main features, tools, tendencies and issues. In the second part, the researchers characterize such project methods as Agile, Scrum, Lean, Six Sigma, Kanban; give examples of their practical application in the commercial sector and in the field of public administration.

Keywords: project management, public administration, corporate governance, authorities, business structures, management

For citation: Il'in, A.B. and Sizova, Yu.S. (2024), "Application of project management methods in commercial organizations, public authorities and local governments", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 1, pp. 64-76, DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-64-76

Введение

В настоящее время наблюдается тенденция к широкому использованию методов проектного управления некоммерческими организациями (НКО) и органами государственной власти и местного самоуправления. Если десятилетие назад внедрение методов управления проектами, таких как Agile, Scrum, Lean, Six Sigma, Kanban и др., можно было назвать инновационными, то сейчас это является обычной практикой как для экономических агентов, ведущих свою деятельность на коммерческой основе, так и для органов власти различных уровней по вертикали и горизонтали.

Внедрение методов проектного управления позволяет любой организации, независимо от сферы ее деятельности, планировать и проводить мероприятия в пределах утвержденного бюджета и временных лагов без ущерба для качества результата.

Управление проектом можно определить как

...применение знаний, навыков, инструментов и методов для выполнения проектных мероприятий... посредством применения и интеграции в процессы управления проектами инициирования, планирования, выполнения, мониторинга и контроля, и закрытия проектов [Kostalova, Tetrevova 2014, p. 682].

В работах следующих отечественных и зарубежных исследователей представлены основные особенности управления проектами: И. Адизес, И. Ансофф, А. Афонин¹, Р. Браун, А. Дорохов, Э. Йескомб, И. Никонова, Р. Лоуренс [Адизес 2020; Ансофф 2004; Braun et al. 2016; Йескомб 2019; Никонова, Федотова 2015; Lawrence 2014; Сухарев 2022; Умнов, Плюхина 2022] и др.

Несмотря на то что само понятие «проект» уже давно интегрировано в бизнес-среду и, как уже отмечалось выше, в область государственного и муниципального управления, до сих пор не существует единого общепринятого определения данного понятия ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Так, к примеру, Л. Иваненко, О. Киселева под методом управления проектами понимают

...осознание или понимание типа поставленной задачи, состава операций для ее реализации и формы взаимодействия между исполнителями [Иваненко, Киселева 2021].

В свою очередь такие авторы, как Н. Абрамов, В. Мотовилов, Д. Наумов, вкладывают в понятие «управление проектами»

...искусство руководства, координации усилий людей и использования ресурсов с применением достижений современной науки и современных технологий для успешного осуществления целей проекта по результатам, стоимости, времени и удовлетворения заинтересованных участников проекта².

¹ Афонин А.М., Царегородцев Ю.Н., Петрова С.А. Управление проектами: Учеб. пособие. М.: Форум, 2010. 166 с.

² Управление проектами: Учеб. пособие / Под ред. Н.В. Абрамова, Н.В. Мотовилова, Н.Д. Наумова. Нижневартовск, 2008. С. 3.

Подходы к определению сущности управления проектами также различны. Т. Преображенская³ и О. Сербская [Сербская 2016] в своих работах рассматривают общие вопросы управления проектами. Т. Озерова [Озерова 2011] и И. Мазур [Мазур 2011] исследуют различные предметные области в сфере управления проектами. С. Голубев [Голубев 2009], О. Чуланова [Чуланова 2018] и О. Александрова [Александрова 2019] посвящают свои труды методам управления проектами, а В. Дерябкин⁴ и А. Шахуйлова [Шахуйлова 2018] специализируются на автоматизации систем в реальном секторе экономики. Моделирование автоматизированных систем управления проектами рассматривалось в работах И. Норенкова⁵, П.Л. Макашова, Н.А. Романенко [Макашов, Романенко 2015] и др. Общим вопросам организации проектного управления в государственном и муниципальном управлении посвящены работы А. Васильева и С. Прокофьева, Л. Сморгунова⁶, О. Гаман-Голутвиной [Гаман-Голутвина 2007] и др.

Инструменты управления проектами разрабатываются на основе задач, стоящих перед той или иной организацией, с учетом теоретических аспектов и области практического применения. Более того, с развитием научно-технического прогресса они тоже эволюционируют достаточно быстро. Более того, в современном мире один инструмент или метод крайне редко используется для претворения в жизнь одного отдельно взятого проекта – современные организации предпочитают сочетание двух и более методов. Некоторые из инструментов подходят для обслуживания конкретных фаз проектного цикла, другие используются для всего проектного цикла, и их разнообразие велико.

В связи с вышеизложенным авторы в данной статье приводят примеры практического применения методов проектного управления в деятельности коммерческих организаций и органов власти.

³ Преображенская Т.В., Муртазина М.Ш., Алетдинова А.А. Управление проектами: Учеб. пособие. Новосибирск: НГТУ, 2018. 121 с.

⁴ Дерябкин В.П. Проектирование автоматизированных систем обработки информации и управления: Кур лекций. Самара: СГАУ, 2001.

⁵ Норенков И.П. Автоматизированные информационные системы: Учеб. пособие. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2011. 342 с.

⁶ Сморгунов Л.В. Политико-административное управление: Учеб. М.: РАГС, 2004. 495 с.

Применение методов проектного управления в бизнес- и государственно-муниципальных проектах

Agile – это метод управления проектами, который был разработан для управления изменениями и неопределенностью в разработке программного обеспечения. Он применяется для более гибкого и быстрого решения задач. Agile-методология включает в себя итеративный и инкрементальный подход к разработке, основанный на непрерывной обратной связи от заказчиков и участников проекта. Этот метод также позволяет быстро реагировать на изменения, которые могут возникнуть во время выполнения проекта. Однако необходимо учитывать, что Agile-методология может быть сложна в применении для некоторых типов проектов, а также требует высокого уровня коммуникации и сотрудничества между участниками проекта.

Пример использования Agile-методологии может быть следующим: предположим, вы работаете над проектом создания нового онлайн-магазина. Вместо того, чтобы разработать все функциональные возможности магазина сразу, Agile-методология предлагает разрабатывать их постепенно в виде отдельных итераций или спринтов. Каждый спринт длится обычно от 1 до 4 недель и включает в себя планирование, разработку, тестирование и демонстрацию результатов. После каждого спринта команда получает обратную связь от заказчика и может внести изменения в дальнейшее планирование и разработку.

Применение Agile в государственном и муниципальном управлении может позволить снизить время внедрения проектов и сократить издержки на их разработку. Agile-метод может быть применен в государственном и муниципальном управлении для различных проектов, например для проектов по развитию городской инфраструктуры, обновлению образовательной программы или для улучшения качества предоставления государственных услуг.

В качестве примера рассмотрим проект по улучшению качества предоставления государственных услуг в конкретном регионе. Вместо традиционного подхода, где все изменения вносятся единовременно, Agile-метод позволит разрабатывать и внедрять изменения постепенно и инкрементально. Сначала команда проекта определяет основные задачи проекта, например улучшение качества оказываемых услуг и сокращение времени ожидания в очередях. Затем они определяют набор функ-

ций, которые будут внедряться в каждой итерации, таких как улучшение онлайн-сервисов, оптимизация процесса обработки заявлений и т. д. Это позволит быстро адаптироваться к изменяющимся потребностям пользователей и достичь конечной цели проекта более эффективно. Agile-методология также обеспечит более прозрачное и открытое управление проектом, а также повысит уровень участия граждан в процессе управления государством.

Scrum – это итеративный и инкрементальный метод управления проектами, который используется в Agile. Он позволяет более эффективно управлять командами и выполнением задач. Scrum также является фреймворком для коллаборации и управления командой, который уделяет большое внимание самоорганизации и командной работе.

Примером использования Scrum-метода в бизнес-проекте может быть разработка нового продукта. Команда проекта в Scrum-методе состоит из трех ролей: Product Owner, Scrum Master и Development Team. Product Owner отвечает за управление продуктовым бэклогом, определяет функциональности продукта и ранжирует их. Scrum Master отвечает за управление процессом разработки, координирует работу команды и устраняет препятствия. Development Team отвечает за разработку и внедрение продукта. Процесс разработки в Scrum-методе состоит из регулярных встреч команды, которые помогают управлять процессом разработки и совместной работой. Ключевые события в Scrum-методе включают в себя Sprint Planning, Daily Scrum, Sprint Review и Sprint Retrospective.

Sprint Planning – это встреча команды, где Product Owner определяет цели и приоритеты для следующего спринта, а команда планирует задачи, необходимые для достижения целей.

Daily Scrum – это ежедневная встреча команды, на которой каждый участник делится информацией о своей работе и обсуждает препятствия, которые могут возникнуть.

Sprint Review – важная фаза, где демонстрируются результаты работы и анализируется обратная связь от стейкхолдеров.

Sprint Retrospective – это встреча команды, на которой она анализирует свой процесс работы и определяет улучшения, которые можно внести в следующий спринт.

Применение Scrum в государственном и муниципальном управлении может улучшить сотрудничество между участниками проекта и повысить качество результата, например для

проектов по совершенствованию услуг государственных органов, в частности улучшение процесса осуществления государственных услуг. Scrum-метод позволяет быстро и эффективно реагировать на изменения в потребностях пользователей и на внешние факторы. Он также увеличивает прозрачность и открытость процесса разработки, что позволяет участникам проекта лучше понимать, как проходит работа над проектом и какие результаты достигнуты. Scrum-метод может помочь государственным органам создавать услуги, которые соответствуют потребностям и ожиданиям пользователей, что является одним из ключевых элементов эффективного государственного и муниципального управления.

Представим, что государственный орган планирует запустить новый веб-портал для обеспечения доступа к информации о государственных услугах и мероприятиях в городе. Для разработки такого портала государственный орган решил использовать Scrum-метод. Шаги будут следующие:

- 1) формирование команды Scrum и составление Product Backlog. Первым шагом будет формирование команды Scrum, которая будет заниматься разработкой портала. Эта команда будет включать в себя программистов, дизайнеров, тестировщиков и представителей государственного органа, который будет определять требования к portalу и его функционалу. Затем команда Scrum будет работать с представителями органа власти, чтобы определить требования к portalу и составить список задач, которые нужно выполнить для достижения целей проекта. Этот список задач будет называться Product Backlog;
- 2) планирование итерации. Команда Scrum будет проводить итерации (sprint), которые будут длиться от 2 до 4 недель. Каждая итерация начинается с планирования, на котором команда Scrum определяет, какие задачи из Product Backlog она выполнит в течение этой итерации. На этом этапе команда Scrum также определяет, какие ресурсы ей понадобятся для выполнения задач, и создает план работы на итерацию;
- 3) работа на итерации. Во время итерации команда Scrum будет работать над задачами из Product Backlog. Каждый день команда проводит ежедневное совещание (Daily Scrum), на котором обсуждается, что было сделано, что будет сделано и какие препятствия могут возникнуть на пути выполнения задач;

- 4) проверка итогов работы на итерации. На данной стадии осуществляется ретроспектива и определяются планы на будущее с целью улучшения деятельности;
- 5) повторение цикла. Далее команда Scrum повторяет этот цикл, пока не достигнет целей проекта.

Scrum-метод позволит государственному органу быстро разработать новый веб-портал, предоставляющий гражданам информацию об услугах и возможность получить их онлайн.

Проект может быть разбит на несколько спринтов, каждый длительностью в две недели. На начальном этапе команда Scrum проведет встречу, чтобы определить список требований к веб-порталу. Этот список будет называться Product Backlog. Команда Scrum будет совместно работать с заинтересованными сторонами, чтобы определить, какие функции должны быть реализованы в первую очередь, а также определить конечные сроки для реализации каждой функции.

В начале каждого спринта команда Scrum проводит встречу планирования спринта на ближайшие две недели. Затем ежедневно обсуждается прогресс выполнения задач, о чем отметка заносится в Sprint Review. Так повторяется до тех пор, пока цель не будет достигнута. В данном примере речь шла о запуске нового веб-портала для обеспечения доступа к информации о государственных услугах и мероприятиях в городе. Иными словами, спринты будут повторяться до тех пор, пока веб-портал не станет доступен пользователям.

Lean – еще один метод управления проектами, конечной целью которого является оптимизация издержек, но при этом ни в коем случае она не должна сказываться на качестве результата.

В области государственного и муниципального управления данный метод можно применять в условиях ограниченного бюджета, но с целью улучшения эффективности бизнес-процессов. Это особенно актуально при реализации государственных программ и национальных проектов.

Реальный пример использования *Lean*-метода в государственном и муниципальном управлении – это создание единого центра приема заявок от граждан на медицинское обслуживание. В результате время ожидания медицинской услуги сократилось, были внедрены электронные очереди и онлайн-записи на прием к врачу.

Six Sigma – метод управления проектами, основанный на аналитических данных и призванный улучшить качество, сни-

зять дефектность и увеличить производительность. Метод состоит из пяти этапов: определение, измерение, анализ, улучшение и контроль.

Пример использования метода в предпринимательских структурах: с целью выявления проблем в процессе производства тормозных дисков компания осуществляет анализ данных и определяет несоответствие размера тормозных дисков заданному параметру.

В сфере государственного и муниципального управления администрация городского округа разрабатывает план совершенствования городской инфраструктуры на основе оценки качества посредством анализа данных, полученных от жителей.

Kanban – метод управления проектами, основанный на визуализации посредством визуальной доски с целью построения потоков задач и текущего состояния выполнения работ.

В предпринимательских структурах *Kanban*, например, применяется в конвейерном производстве, что позволяет сотрудникам оперативно реагировать на изменение задач и критические ситуации.

В государственном и муниципальном управлении *Kanban* активно применяется в ходе совещаний; может быть использован при проектировании городской среды, например при строительстве здания можно воспользоваться виртуальной доской, на которой будут отображаться этапы строительства, текущее состояние выполнения задач, критические моменты. Таким образом, все члены команды будут иметь доступ к общей информации, смогут видеть свои задачи и регулировать их выполнение, а также предпринимать необходимые меры для ускорения процесса строительства.

Еще одним примером может служить использование метода *Kanban* для управления процессом подготовки к выборам. На доске будут отображаться этапы подготовки, такие как составление списков избирателей, распределение участков для голосования, обучение членов комиссии и т. д. Каждая задача будет иметь свой срок выполнения, а ответственный сотрудник будет перемещать ее на следующий этап по мере выполнения задачи. Это поможет сократить время на подготовку к выборам и обеспечить их более эффективное проведение.

В таблице представлена сравнительная характеристика применения методов проектного управления в коммерческом секторе и в области государственного и муниципального управления.

Практика применения методов проектного управления

Метод проектного управления	Практика применения коммерческими организациями	Практика применения в области государственного и муниципального управления
Agile	Создание нового онлайн-магазина	Развитие городской инфраструктуры
Scrum	Разработка нового продукта	Предоставление государственных услуг
Lean	Оптимизация бизнес-процессов и ресурсов	Сокращение расходов на исполнение государственных программ и проектов
Six Sigma	Повышение качества продукции	Повышение качества предоставляемых государственных услуг
Kanban	Управление процессами разработки, тестирования, выпуска и обновления программного обеспечения	Прозрачность исполнения проектов; организация выборов, тендеров

Выводы

В целом применение методов управления проектами может помочь улучшить эффективность и качество выполнения проектов, сократить издержки и повысить уровень управляемости и контроля. Однако необходимо учитывать, что каждый метод имеет свои особенности и не всегда может быть применим к конкретным задачам и ситуациям.

В государственном и муниципальном секторе система будет бюрократизирована и декларирована различными ограничениями, в частности ключевыми показателями эффективности, удовлетворенностью граждан исполнением государственных услуг, соответствием национальным программам, оптимизацией затрат, управлением инвестиционными потоками, нормативными правовыми актами. В коммерческом секторе ключевыми метриками будут выступать рентабельность и прибыль; применение методов проектного управления будет более гибким и адаптивным к внешней и внутренней среде. И в том, и в другом случае применение проектных методов управления будет целесообразным и результативным.

Литература

- Адизес 2020 – *Адизес И.* Управление жизненным циклом корпораций. М.: Альпина паблишер, 2020. 512 с.
- Александрова 2019 – *Александрова Т.В.* Повышение эффективности проектного управления в организации на основе гибкой методологии Agile // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 9. С. 11–15.
- Ансофф 2004 – *Ансофф И.* Новая корпоративная стратегия. М.: Армада, 2004.
- Голубев 2009 – *Голубев С.А.* Управление венчурными проектами. СПб.: СПбГТУ, 2009.
- Гаман-Голутвина 2007 – *Гаман-Голутвина О.В.* Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: отечественный и зарубежный опыт // Полис. Политические исследования. 2007. № 4. С. 24–45.
- Иваненко, Киселева 2021 – *Иваненко Л.В., Киселева О.Н.* Применение метода управления проектами как инновация в государственном и муниципальном секторе // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-metoda-upravleniya-proektami-kak-innovatsiya-v-gosudarstvennom-i-munitsipalnom-sektore> (дата обращения 09 мая 2023).
- Йескомб 2019 – *Йескомб Э.Р.* Принципы распределенного финансирования. М.; СПб.: Вершина, 2019. 481 с.
- Мазур 2011 – *Мазур И.И.* Управление инвестиционно-строительными проектами: международный подход. М.: Омега-Л, 2011. 736 с.
- Макашов, Романенко 2015 – *Макашов П.Л., Романенко Н.А.* Сервис-ориентированный подход к управлению ИТ проектами на примере использования программного продукта “Jira” // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2015. № 11. С. 12–16.
- Никонова, Федотова, 2015 – *Никонова И.А. Федотова М.А.* Современный проектный анализ: 7 принципов // Инновации и инвестиции. 2015. № 7. С. 2–7.
- Озерова 2011 – *Озерова Т.* Системная триада как основа управления проектами на предприятиях общественного питания // РИСК: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2011. № 2. Ч. 1. С. 35–38.
- Сербская 2016 – *Сербская О.В.* Современные методы управления проектами // Материалы Афанасьевских чтений. 2016. № 2. С. 128–132.
- Сухарев 2022 – *Сухарев О.С.* Функции умного города как экосистемы // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 3. Ч. 2. С. 146–158. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-3-146-158.
- Умнов, Плюхина 2022 – *Умнов В.А., Плюхина А.А.* Условия развития и критерии успешности предприятий малого и среднего бизнеса // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 3. Ч. 2. С. 186–199. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-3-186-199.
- Чуланова 2018 – *Чуланова О.Л.* Технология управления проектами и проектными командами на основе методологии гибкого управления проектами Agile // Вестник евразийской науки. 2018. № 1. URL: <https://esj.today/PDF/65ECVN118.pdf>

- Шайхулова 2018 – Шайхулова А.Ф. Автоматизация и управление инновационными проектами технического перевооружения авиадвигателестроительного производства на основе каскадного метода оптимизации: Дис. ... канд. техн. наук. Уфа, 2018. URL: <https://www.dissertat.com/content/avtomatizatsiya-i-upravlenie-innovatsionnymi-proektami-tehnicheskogo-perevooruzheniya-aviad> (дата обращения 30 апреля 2023).
- Braun et al. 2016 – Braun R, Jenkinson T, Schemmer C. Adverse Selection and the Performance of Private Equity Co-Investments. 2016. URL: <https://ssrn.com/abstract=2871458> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2871458> (дата обращения 02 мая 2023).
- Kostalova, Tetrevova 2014 – Kostalova J., Tetrevova, L. Project Management and its Tools in Practice in the Czech Republic // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. 150. P. 678–689. URL: <https://linkinghub.elsevier.com/retrieve/pii/S1877042814051362> (дата обращения 26 апреля 2023).
- Lawrence 2014 – Lawrence R.J. Financial Modeling of Project Financing Transactions. Institute of Actuaries of Australia, 2014.

References

- Adizes, I. (2020), *Upravlenie zhiznennym tsiklom korporatsii* [Corporate lifecycle management], Al'pina Publisher, Moscow, Russia.
- Aleksandrova, T.V. (2019), “Improving project management efficiency in organization based on the flexible agile methodology”, *Economy and business: theory and practice*, no. 9, pp. 11–15.
- Ansoff, H.I. (2004), *Novaya korporativnaya strategiya* [The New Corporate Strategy], Armada, Moscow, Russia.
- Braun, R, Jenkinson, T. and Schemmer, C. (2016), Adverse selection and the performance of private equity co-investments, available at: <https://ssrn.com/abstract=2871458> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2871458> (Accessed 2 May 2023).
- Chulanova, O.L. (2018), “Technology for project management and project teams based on Agile’s flexible project management methodology”, *The Eurasian Scientific Journal*, no. 1 (10), available at: <https://esj.today/PDF/65ECVN118.pdf>
- Gaman-Golutvina, O.V. (2007), “The Changing Role of the State in the Context of Public Administration Reforms. Russian and Foreign Experience”, *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 24–45.
- Golubev, S.A. (2009), *Upravlenie venchurnymi proektami* [Venture project management], SpbGTU, St. Petersburg, Russia.
- Ivanenko, L.V. and Kiseleva, O.N. (2021), “Application of the project management method as an innovation in the state and municipal sector”, *Vesnik of Samara University: Economics and Management* no. 1, pp. 75–83, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-metoda-upravleniya-proektami-kak-innovatsiya-v-gosudarstvennom-i-munitsipalnom-sektore> (Accessed 9 May 2023).
- Kostalova, J. and Tetrevova, L. (2014), Project management and its tools in practice in the Czech Republic, *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, pp. 678–689, available at: <https://linkinghub.elsevier.com/retrieve/pii/S1877042814051362> (Accessed 26 April 2023).
- Lawrence, R.J. (2014), Financial modeling of project financing transactions: Institute of Actuaries of Australia, Sydney, Australia.

- Makashov, P.L. and Romanenko, N.A. (2015), "Service-oriented approach to IT-project management as an example of using the Jira software product", *Modern Information Technologies and IT-Education*, no. 11, pp. 12–16.
- Mazur, I.I. (2011), *Upravlenie investitsionno-stroitel'nymi proektami: mezhdunarodnyi podkhod* [Construction project management: international approach], Omega-L, Moscow, Russia.
- Nikonova, I.A. and Fedotova, M.A. (2015), "Modern design analysis. 7 principles", *Innovation & Investment*, no. 7, pp. 2–7.
- Ozerova, T. (2011), "System triad as the basis for project management in catering facilities", *RISK: resursy, informatsiya, snabzhenie, konkurentsya*, no. 2, part 1, pp. 35–38.
- Serbskaya, O.V. (2016), "Modern methods of project management", *Materialy Afanas'evskikh chtenii* [Proceedings of Afanasyev Conference], no. 2, pp. 128–132.
- Shaikhulova, A.F. (2018), *Automation and management of innovative projects for technical upgrading of the aircraft engine production based on the cascade optimization method*, Ph.D. dissertation, Ufa, Russia, available at: <https://www.dissercat.com/content/avtomatizatsiya-i-upravlenie-innovatsionnymi-proektami-tekhnicheskogo-perevooruzheniya-aviad> (Accessed April 30, 2023).
- Sukharev, O.S. (2022), "Functions of smart city as ecosystem", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 3, part 2, pp. 146–158, DOI: 10.28995/2073-6304-2022-3-146-158.
- Umnov, V.A. and Plyukhina, A.A. (2022), "Conditions of development and success criteria for small and medium-sized enterprises", *RSUH/RGGU Bulletin, "Economy. Management. Law" Series*, no. 3, part 2, pp. 186–199, DOI: 10.28995/2073-6304-2022-3-186-199.
- Yescombe, E.R. (2019), *Printsipy raspredelenного finansirovaniya* [Principles of Project Finance], Verzhina, Moscow, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторах

Андрей Б. Ильин, доктор экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ilin.ab@rggu.ru

Юлия С. Сизова, кандидат экономических наук, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; sizova-yus@rudn.ru

Information about the authors

Andrei B. Il'in, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; ilin.ab@rggu.ru

Yuliya S. Sizova, Cand. of Sci. (Economics), Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya Street, Moscow, Russia, 117198; sizova-yus@rudn.ru

Современные тенденции применения инновационных технологий в банковском бизнесе

Елена Н. Пятшева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, elena.pyatsheva@hotmail.com*

Анжелика Ф. Орлова

*АО «НПО «Техномаш» имени С.А. Афанасьева
Москва, Россия, orlova-angelika@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлен анализ тенденций развития банковской деятельности и современная практика применения инновационных технологий в банковском бизнесе. Определено, что в настоящее время основными потребителями банковских сервисов являются представители поколения миллениалов, особенности поведения и предпочтения которых следует учитывать на практике. Показано, как инновационные финансовые технологии влияют на методы и подходы в работе отечественных банковских организаций. Рассмотрены современные финансовые инновации, которые постепенно апробируются, внедряются и предлагаются клиентам различными российскими банками. Выделено, что цифровая ипотека является одним из наиболее востребованных банковских продуктов, и возможность ее цифрового оформления благоприятно сказывается на развитии этого направления в банковской деятельности. Среди потенциальных векторов дальнейшего развития выделен омниканальный подход к взаимодействию с клиентами, который направлен на повышение эффективности коммуникационной политики, скорости обслуживания и наилучшего удовлетворения потребностей пользователей финансовых продуктов.

Ключевые слова: банковский бизнес, поколение миллениалов, инновационные технологии, банковские сервисы, финансовые инновационные продукты, омниканальный подход

Для цитирования: Пятшева Е.Н., Орлова А.Ф. Современные тенденции применения инновационных технологий в банковском бизнесе // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2024. № 1. С. 77–85. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-77-85

Current trends in the innovative technologies of the banking business

Elena N. Pyatsheva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
elena.pyatsheva@hotmail.com*

Anzhelika F. Orlova

*S.A. Afanasyev NPO Technomash Joint Stock Company, Moscow, Russia
orlova-angelika@yandex.ru*

Abstract. The paper presents an analysis of the current trends in the development of banking activities and modern practice of innovative technologies application in the banking business. It is defined that nowadays the main consumers of banking services are representatives of the millennial generation, whose behavioral characteristics and preferences should be taken into account in practice. Authors show how innovative financial technologies influence the methods and approaches in the work of national banking organizations. Modern financial innovations are considered, which are gradually being tested, implemented and offered to clients by various Russian banks. It is emphasized that digital mortgage is one of the most popular banking products and the possibility of its digital registration has a beneficial effect on the development of that area in banking. Among the potential vectors for further development, an omnichannel approach to interaction with clients is highlighted. It aims to increase the efficiency of communication policy, service speed and the best possible satisfaction of the needs of users of financial products.

Keywords: banking business, millennial generation, innovative technologies, banking services, financial innovative products, omnichannel approach

For citation: Pyatsheva, E.N. and Orlova, O.F. (2024), "Current trends in the innovative technologies of the banking business", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 1, pp. 77-85, DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-77-85

В последние годы наблюдается беспрецедентное увеличение спроса на цифровые финансовые продукты [Сопилко, Мясникова 2021], что заставляет пересматривать привычные методы работы с потребителями услуг современной банковской индустрии [Самиев и др. 2020]. Такая тенденция в сфере продвижения банковских продуктов связана с тем, что особую поддержку дистанционного подхода к обслуживанию оказывают представители поколения миллениалов, являющиеся весьма специфической группой потребителей [Забурдаева 2020].

По данным агентства Bloomberg, в настоящее время миллениалы составляют не менее 31% жителей в мире, причем стра-

ны Азии являются наиболее многочисленными по доле миллениалов в структуре населения [Берова 2020]. По данным Росстата, по состоянию на начало января в 2023 г. в Российской Федерации проживало примерно 31,4 млн граждан в возрастном диапазоне 25–39 лет, что составляет 21,5% от общего населения страны.

В настоящее время миллениалы являются основным и наиболее многочисленным сегментом рынка банковских услуг, поэтому ведущие финансовые и банковские организации понимают, что в ближайшие годы их успех и развитие зависят именно от своевременной переориентации на удовлетворение потребностей этого поколения. Миллениалы отличаются тем, что очень избирательно относятся к тому, как и что конкретно они потребляют, основываясь на своих предпочтениях и предъявляя особые требования к процессу продажи и обслуживания [Радаев 2018].

Так, одной из основных особенностей миллениалов стало их желание получать доступ к банковским услугам через диджитал-каналы, что привело к ускоренному развитию инновационных финансовых технологий, которые в последние годы постепенно изменили концепцию банковского бизнеса. В первую очередь, цифровая трансформация экономики отдельных государств трансформирует процессы ежедневного взаимодействия между людьми и процедуры ведения бизнеса, а технологические инновации оказывают непосредственное влияние на будущее финансовых услуг во всем мире [Махалин, Махалина 2018]. Инновационные финансовые технологии, применяемые в розничном и мобильном банкинге, влияют не только на методы работы банковских организаций, но и практически на все аспекты банковской отрасли, поэтому становится очевидно, что банковский бизнес ожидает цифровое будущее.

Активное развитие розничного и мобильного банкинга в России стало возможным благодаря тому, что отечественные банки стали инвестировать средства в качественные цифровые платформы и приложения, позволяющие обслуживать клиентов дистанционно со смартфонов или других устройств [Быканова 2022]. Такая глобальная переориентация банковского бизнеса смогла обеспечить доступ к банковским продуктам и услугам, помогла обслуживать клиентов во время пандемии, когда личное посещение фронт-офисов было ограничено.

Одним из основных стимулов по развитию и запуску принципиально новых продуктов на базе цифровых технологий является удовлетворение клиентов в соответствии с их потреб-

ностями [Сопилко, Горбачева 2022]. Инновационные продукты, разработанные отечественными лидерами IT и финансового рынка, представленные на ежегодном Форуме финансовых технологий “Finopolis-2022” отражены на рис. 1.

Цифровой Р	<ul style="list-style-type: none"> • инновационная виртуальная форма российской национальной валюты
Биометрическая технология распознавания лица (Face ID)	<ul style="list-style-type: none"> • идентификация паспортных данных пользователя с целью совершения банковских операций с цифровыми денежными средствами
Оффлайн оплата	<ul style="list-style-type: none"> • возможность проведения банковских платежей без использования электронных средств передачи денег и интернета
Видеобанкир	<ul style="list-style-type: none"> • возможность получать любые виды банковских услуг (неименная пластиковая карта, кредит, вклад и т. д.) даже в том случае, если человек не является клиентом банка (идентификация через ЕБС (Единую биометрическую систему), через мини-офис в виде банкомата)
Платформа Госключ	<ul style="list-style-type: none"> • квалифицированная электронная подпись для совершения сделок, в том числе ипотечных
Платежная видеокарта	<ul style="list-style-type: none"> • чат-бот в Телеграмм-канале помогает моментально оформить виртуальную платежную карту системы «Мир», которая может использоваться для покупок с помощью таких сервисов, как, например, Mir Pay
Система быстрых платежей в метро	<ul style="list-style-type: none"> • оплата поездок в метрополитене через СПБ
Блокчейн	<ul style="list-style-type: none"> • использование технологии блокчейна для повышения эффективности и безопасности финансовых транзакций, отслеживание и проверка движения денежных средств между счетами, в том числе для трансграничных транзакций
Цифровая ипотека	<ul style="list-style-type: none"> • процесс от подбора жилья, страхования, совершения ипотечной сделки, регистрации в государственных органах и до оформления закладной происходит в режиме онлайн

Рис. 1. Инновационные банковские продукты 2022

Источник: составлено автором по материалам сайта www.finopolis.ru

Кооперация банков с IT-компаниями и ритейлом позволила значительно повысить эффективность работы платежной инфраструктуры в целом [Бельдинова 2021]. Уже сейчас можно наблюдать результаты постепенного внедрения представленных в 2022 г. инноваций на практике.

Так, в 2023 г. произошло официальное вступление в силу ФЗ о цифровом рубле, который стал новой формой российской национальной валюты. В мобильных приложениях банков активно предлагаются онлайн-сервисы с биометрической идентификацией, позволяющие распознавать пользователей по фотографии для совершения денежных переводов или удаленного заключения договора [Шаманина, Захаренко 2020]. На рынке кешбэк-сервисов различные банки предоставляют возможность не только накапливать бонусы за покупки, но и создают персонализированные предложения на основании прогнозной аналитики, обеспечивая более эффективное взаимодействие с клиентами.

Ассоциация «Финтех» внедрила Систему быстрых платежей, оператором и расчетным центром которой является Центральный Банк РФ, позволяющую мгновенно совершать переводы денежных средств между различными банками по номерам телефонов сотовой связи. В свою очередь, ВТБ предложил в качестве инновационного продукта оплату поездок в метрополитене по сгенерированному QR-коду через СПБ.

Одним из наиболее востребованных банковских продуктов является предоставление ипотечных кредитов [Шишкина 2019]. Процедура оказания данного сервиса, в свою очередь, достаточно сложная, поскольку состоит из ряда последующих этапов, независимых друг от друга. Кроме получения одобрения на выдачу заемных средств непосредственно в банке, такие сделки связаны с целым набором процедур, в том числе подбор недвижимости, ее оценка, оформление страховки и регистрация сделки в государственных органах. Цифровизация процессов, сопутствующих получению жилья, а также государственная поддержка ипотечных программ позволяет облегчить и значительно ускорить проведение сделки, поэтому в настоящее время данный сервис набирает все большую популярность среди граждан. Согласно данным Национального бюро кредитных историй, наибольшая доля в структуре ипотечных кредитов принадлежит представителям поколения миллениалов в возрастной период 30–40 лет.

Однако можно констатировать тот факт, что сегодня необходимым условием успешного развития современного банков-

ского бизнеса является внедрение и развитие моделей омниканальности обслуживания, а также интеграция этих каналов коммуникации с клиентами в единую сеть (рис. 2).

Омниканальность относится к бизнес-модели, в которой взаимодействие с клиентами учитывает потребности клиента, предоставляя целостный и последовательный процесс обмена

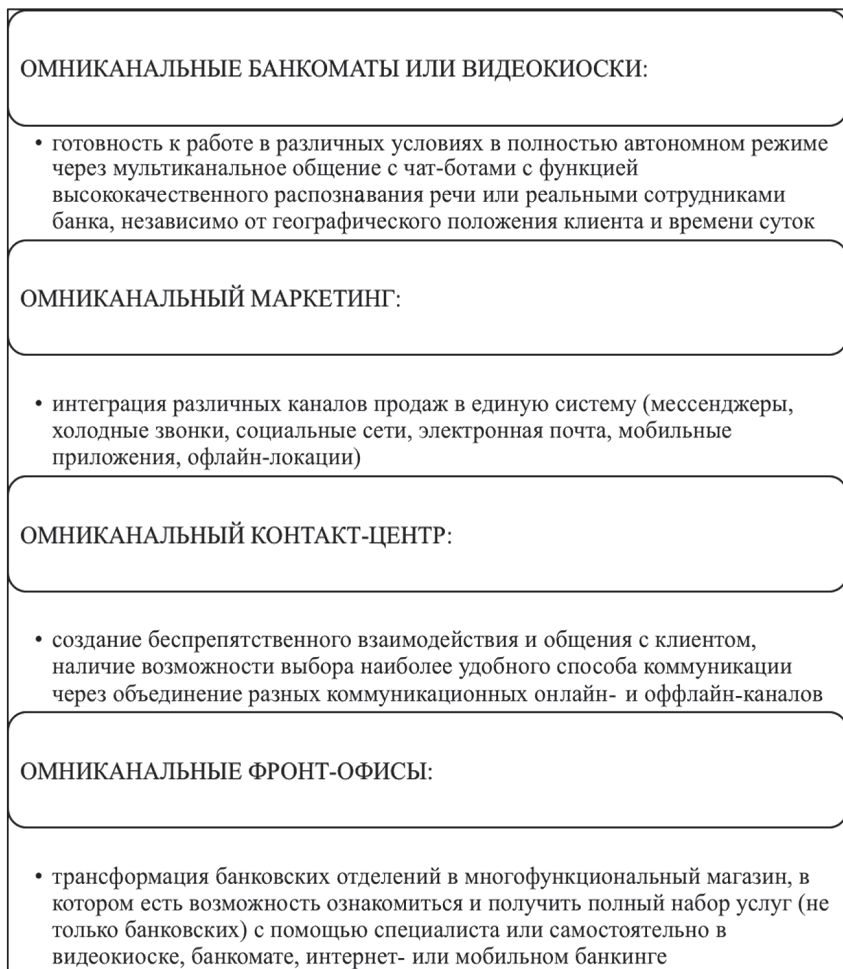

Рис. 2. Основные направления развития омниканальности в клиентских сервисах банков. Источник: составлено авторами

сообщениями по различным каналам, например, позволяя клиенту начать транзакцию на одном канале или одном устройстве и плавно переводя этот процесс на другое устройство, не теряя при этом качества обслуживания. Благодаря омниканальному подходу банки могут лучше понять своих клиентов, появляется возможность анализировать характер использования продукта, модели транзакций и демографические профили. Такая информация помогает составить более подробный профиль клиента и понять, как он ведет свою банковскую деятельность, усовершенствовать персонализированные предложения по банковским продуктам, при этом используя предпочтительный для него канал связи [Алешникова и др. 2019].

Разработка и усовершенствование стратегий омниканальности в коммерческих банках с целью интеграции разрозненных коммуникационных каналов в единую комплексную систему коммуникации становится перспективным направлением инновационного развития. Детальный анализ активности и потребительских предпочтений клиентов позволит персонализировать и адаптировать свои услуги с учетом пожеланий каждого отдельного клиента.

Таким образом, глобальная цифровизация различных бизнес-процессов уже сейчас изменяет технологический ландшафт России, а вместе с ним и основные принципы финансовой деятельности отечественных банковских организаций. Применение искусственного интеллекта, блокчейна и других технологических инноваций становится драйвером развития российской банковской отрасли. Анализ больших баз данных, извлечение, интерпретация, исследование и изучение полученной информации позволяют создавать инновационные финансовые продукты, предоставлять различные банковские услуги через современные онлайн- и оффлайн сервисы.

Для запуска продуктовых финансовых инноваций необходимо постоянно анализировать существующие мировые тенденции ведения банковского бизнеса, непрерывно создавать и продвигать стартапы с применением актуальных цифровых технологий, обладающих коммерческим потенциалом. В настоящее время на первом плане скорость выхода инновационных продуктов, а также омниканальность коммуникаций с клиентами и потенциальными потребителями, так как именно от этого напрямую зависит успех и получение конкурентных преимуществ на рынке финансовых услуг.

Литература

- Алешникова и др. 2019 – *Алешникова В.И., Береговская Т.А., Сумарокова Е.В.* Стратегия омниканального маркетинга // Вестник университета. 2019. № 2. С. 39–45.
- Бельдинова 2021 – *Бельдинова Е.В.* Совершенствование бизнес-моделей российских банков в условиях цифровизации // Наука в современном мире: Материалы Междунар. (заочной) научно-практич. конф. Нефтекамск, 2021. С. 231–242.
- Берова 2020 – *Берова Ф.Ж.* Возрастная структура населения и ее роль в социально-экономическом развитии региона // Известия КБНЦ РАН. 2020. № 1 (93). С. 3–10.
- Быканова 2022 – *Быканова Н.И.* Тренды в банковской отрасли в эпоху развития цифровых технологий // Научный результат. Экономические исследования. 2022. Т. 8. № 2. С. 107–118. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-2-0-11.
- Забурдаева 2020 – *Забурдаева Е.В.* Анализ социокультурных особенностей поколения миллениалов в России // Концепт: философия, религия, культура. Т. 4. № 4. С. 122–134. DOI: 10.24833/2541-8831-2020-4-16-122-134.
- Махалин, Махалина (2018) – *Махалин В.Н., Махалина О.М.* Управление вызовами и угрозами в цифровой экономике России // Управление. 2018. № 6 (2). С. 57–60.
- Радаев 2018 – *Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518080029.
- Самиев и др. 2020 – *Самиев П.А., Закирова В.Р., Швандар Д.В.* Экосистемы и маркетинг-плейсы: обзор рынка финансовых услуг // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 5. С. 86–98. DOI: 10.31107/2075-1990-2020-5-86-98.
- Сопилко, Горбачева 2022 – *Сопилко Н.Ю., Горбачева В.В.* HR-аналитика в контексте повышения производительности труда на отраслевых предприятиях // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. № 4. С. 8–19. DOI 10.28995/2073-6304-2022-4-8-19.
- Сопилко, Мясникова 2021 – *Сопилко Н.Ю., Мясникова О.Ю.* Основные тренды цифровой трансформации экономики государств ЕАЭС // Вопросы региональной экономики. 2021. № 2 (47). С. 207–213.
- Шаманина, Захаренко 2020 – *Шаманина Е.И., Захаренко Ю.С.* Биометрические технологии как перспективное направление совершенствования дистанционного банковского обслуживания // Вестник университета. 2020. № 5. С. 193–199.
- Шишкина 2019 – *Шишкина Д.А.* Цифровая ипотека в России: проблемы и перспективы развития // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2019. № 4 (78). С. 129–133.

References

- Aleshnikova, V.I., Beregovskaya, T.A., and Sumarokova, E.V. (2019), “Omnichannel marketing strategy”, *Vestnik Universiteta*. no. 2, pp. 39–45.
- Beldinova E.V. (2021), “Improvement of business models of Russian banks in the context of digitalization”, *Nauka v sovremennom mire: Materialy Mezhdunarodnoi (zaochnoi) nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Science in the modern world. Pro-

- ceedings of the International (by correspondence) scientific and practical conference], Neftekamsk, Russia, pp. 231–242.
- Berova, F.Zh. (2020), “Age structure of the population and its role in the socio-economic development of the region”, *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS*, no. 1 (93), pp. 3–10.
- Bykanova, N.I. (2022), “Trends in the banking industry in the era of digital technology development”, *Research Result. Economic Research*, no. 8 (2), pp. 107–118, DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-2-0-11.
- Makhalin, V.N. and Makhalina, O.M. (2018), “Management of calls and threats in digital economy of Russia”, *Upravlenie / Management (Russia)*, no. 6 (2), pp. 57–60.
- Radaev, V.V. (2018), “Millenials compared to previous generations: an empirical analysis”, *Sociological Studies*, no. 3, pp. 15–33, DOI: 10.7868/S0132162518080029.
- Samiev, P.A., Zakirova, V.R. and Shvandar, D.V. (2020), “Ecosystems and marketplaces: Overview of the Financial Services Market”, *Financial Journal*, vol. 12, no. 5, pp. 86–98, DOI: 10.31107/2075-1990-2020-5-86-98.
- Shamanina, E.I. and Zakharenko, Yu.S. (2020), “Biometric technologies as a perspective direction of improving remote bank service”, *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 193–199. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-5-193-199.
- Shishkina, D.A. (2019), “Digital mortgage in Russia: problems and prospects for development”, *Industry: economics, management, technology*, no. 4 (78), pp. 129–133.
- Sopilko N.Yu. and Gorbacheva V.V. (2022), “HR analytics in the context of increasing labor productivity at industry companies”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law”*, no. 4, pp. 8–19, DOI: 10.28995/2073-6304-2022-4-8-19.
- Sopilko N.Yu., and Myasnikova O.Yu. (2021), “The main trends of digital transformation of the economy of the EAEU countries”, *Voprosy regional'noi ekonomiki*, no. 2 (47), pp. 207–213.
- Zaburdaeva, E.V. (2020), “Sociocultural analysis of millennials in Russia”, *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, vol. 4. no. 4, pp. 122–134, DOI: 10.24833/2541-8831-2020-4-16-122-134.

Информация об авторах

Елена Н. Пятшева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; elena.pyatsheva@hotmail.com

Анжелика Ф. Орлова, кандидат экономических наук, доцент, АО НПО «Техномаш» имени С.А. Афанасьева, Москва, Россия; 127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1; orlova-angelika@yandex.ru

Information about the authors

Elena N. Pyatsheva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; elena.pyatsheva@hotmail.com

Anzhelika F. Orlova, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, JSC NPO Technomash named after S.A. Afanasyev, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 40, 3rd passage of Mar'ina Roshcha, Moscow, Russia, 127018; orlova-angelika@yandex.ru

Цифровизация торгового финансирования

Валентина В. Кузнецова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, vkuz_55@mail.ru*

Ольга И. Ларина

*Государственный университет управления
Москва, Россия, oilarina@mail.ru*

Аннотация. Торговое финансирование играет важную роль в достижении целей устойчивого развития, установленных в программе ООН на период 2015–2030 гг. и направленных на решение следующих задач: стимулирование устойчивого экономического роста, производительной занятости и создание рабочих мест, укрепление и оживление международного сотрудничества и др. Трансграничное торговое финансирование опирается на принципы и документы, разработанные Группой Вольфсберг, Международной торговой палатой и Международной ассоциацией банков по финансам и торговле, которые стали источниками информации для настоящей статьи. Цель статьи – оценить современное состояние торгового финансирования, выявить тенденции его цифровой трансформации и обосновать преимущества и ограничения применения смарт-контрактов в данной области. В настоящее время усилия по цифровизации торгового финансирования носят фрагментарный характер в силу масштабов и комплексности проблемы. Вместе с тем применяя инновационные цифровые технологии, возможно достижение значительного снижения операционных издержек финансовых институтов, а тем самым повышения доступности торгового финансирования для компаний-соискателей. В статье авторы обосновывают преимущества применения цифровых технологий в целях развития рынка торгового финансирования, описывают этапность применения в этих целях смарт-контрактов и указывают современные ограничения цифровых решений торгового финансирования.

Ключевые слова: торговое финансирование, факторинг, цифровая трансформация, цифровая технология, смарт-контракт, банковские услуги, трансграничная торговая сделка

Для цитирования: Кузнецова В.В., Ларина О.И. Цифровизация торгового финансирования // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2024. № 1. С. 86–101. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-86-101

Trade finance digitalization

Valentina V. Kuznetsova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, vkuz_55@mail.ru

Ol'ga I. Larina

State University of Management, Moscow, Russia, oilarina@mail.ru

Abstract. Trade finance plays an important role in achieving the Sustainable Development Goals set out in the UN program for the period 2015–2030 and aimed at solving the following tasks: stimulating sustainable economic growth, productive employment and job creation, strengthening and reviving international cooperation, etc. Cross-border trade finance is based on the general principles and documents developed by the Wolfsberg Group, the International Chamber of Commerce and the International Association of Banks for Finance and Trade, which became the sources of information for the article. Its purpose is to assess the current state of trade finance, identify trends in its digital transformation and justify the advantages and limitations of using smart contracts in the field. Currently, efforts to digitalize trade finance are fragmented due to the scale and complexity of the issue. At the same time, by using innovative digital technologies, it is possible to achieve a significant reduction in the transaction costs of financial institutions, and thereby increase the availability of trade finance for applicant companies. Authors substantiate the advantages of using digital technologies for the development of the trade finance market, describe the stages of using smart contracts for those purposes and indicate the current limitations of digital trade finance solutions.

Keywords: trade finance, factoring, digital transformation, digital technology, smart contract, banking services, cross-border trade transaction

For citation: Kuznetsova, V.V. and Larina, O.I. (2024), "Trade finance digitalization", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 1, pp. 86-101, DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-86-101

Введение

Торговое финансирование в общем виде представляет собой комплекс финансовых инструментов, обслуживающих взаимодействие торговых контрагентов, и играет важную роль в стимулировании мировой торговли для поддержки экспортно-импортных операций. Пандемия COVID-19 и вызванный ею экономический кризис, с одной стороны, привели к заметному сокращению мировой торговли, а с другой – резкому ускорению процессов цифровизации во всем мире: как в производственных и технологических процессах, так и в мировой торговле. Хотя

отдельные цифровые технологии, поддерживающие торговые сделки, стали применяться задолго до кризиса COVID-19, их использование оставалось ограниченным в силу ряда политических, правовых, технических и ряда других проблем. Как отмечают эксперты Международной торговой палаты (далее – МТП), международная торговля остается комплексным процессом, который сильно зависит от бумажных документов, одна трансграничная торговая сделка включает множество участников и в среднем требует обмена 36 документами и 240 копиями, полная цифровизация которых составляет менее 1%¹.

Медленное посткризисное восстановление национальных экономик, высокие темпы глобальной инфляции, растущие геополитические, экономические и финансовые риски, вероятно, будут ухудшать общие условия мировой торговли и в предстоящие несколько лет в силу роста торговых издержек и возможных ограничений доступа компаний-участников к торговому финансированию. Сдерживать рост мировой торговли будет и увеличение дефицита торгового финансирования: если в 2018 г. он составлял 1,5 трлн долл., то в 2022 г. – уже около 2 трлн долл. По данным Азиатского банка развития (далее – АБР), на долю стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) приходится около 35% мировой торговли и 40% дефицита торгового финансирования [Kim Kijin et al. 2022, p. 1–12].

Современное состояние торгового финансирования

В 2020 г. объем мировой торговли составлял 35,5 трлн долл. По оценкам, торговое финансирование достигало 9 трлн долл. по сделкам, проведенным респондентами глобального обследования МТП². Документарный бизнес включает традиционные балансовые и забалансовые инструменты торгового финансирования: аккредитивы, международные гарантии, банковские платежные обязательства; финансирование покупателей состоит из продуктов, позволяющих и покупателям, и постав-

¹ Why is the Standards Toolkit for Cross-Border Paperless Trade relevant? URL: <https://iccwbo.org/publication/standards-toolkit-for-cross-border-paperless-trade/#section--download> (дата обращения 25 июня 2023).

² A fragmenting world. 2023. Trade report. ICC, 2023. P. 5. URL: <https://iccwbo.org/news-publications/policies-reports/iss-2023-trade-report-afragmenting-world/> (дата обращения 25 мая 2023).

щикам оптимизировать оборотный капитал в международной торговле посредством программ спонсирования покупателей; финансирование кредиторской задолженности (или обратный факторинг) и динамическое дисконтирование; финансирование поставщиков состоит из факторинга, форфейтирования и других продуктов (см. табл. 1).

Таблица 1

Структура торгового финансирования, 2020 г.

Посредничество банков на рынке торгового финансирования	по типу сделки	финансовые гарантии (0,5 трлн долл., 5%)
		финансирование кредиторской задолженности цепочек поставок (0,5 трлн долл., 5%)
		кредитования экспорта/импорта (3,3 трлн долл., 37%)
		гарантии деятельности (1,3 трлн долл., 14%)
		импортные аккредитивы (2,7 трлн долл., 30%)
		экспортные аккредитивы (0,8 трлн долл., 9%)
	по типу продукта	документарный бизнес (7,7 трлн долл., 85%)
		финансирование покупателя (0,9 трлн долл., 10%)
		финансирование трансграничных цепочек поставок (0,5 трлн долл., 5%)
Многосторонние банки развития (18 млрд долл.)	Агентства экспортных кредитов (2,5 трлн долл.)	

Составлено авторами на основе: Asian Development Bank. 2022. P. 4. URL: <https://www.adb.org/publications/inclusive-access-trade-finance>. (дата обращения 21 мая 2023).

В 2020 г. объем сделок торгового финансирования, проведенных основными глобальными банками, оценивался примерно в 9 трлн долл., на долю торговых кредитов, аккредитивов и гарантий приходилось около 90% сделок торгового финанси-

вания. Основная часть международной торговли поддерживается торговым финансированием при посредничестве банков, а оставшаяся часть финансируется по открытому счету и через авансы. Особенно интенсивно торговое финансирование используется в Западной Европе и АТР. В 2020 г. преобладающими способами торгового финансирования были: фондирование открытого счета (43%), документарные сделки (40%) и финансирование цепочек поставок (17%)³.

На мировом рынке торгового финансирования доминируют ТНБ. Так, 21 банк, входящий в торговый регистр МТП, поддерживал около 8% глобальной торговли в 2011 г., в 2013 г. – до 12%, или около 2 трлн. долл., а в 2019 г. – уже около 20%. В 2019 г. на долю 13 ТБК (всего 8% участников рынка) приходилось около 90% торгового финансирования. Наибольшую заинтересованность в привлечении торгового финансирования проявляют малые и средние предприятия (МСП). По данным АБР, на долю их заявок в 2020 г. приходилось 23% спроса на торговое финансирование, но около 40% из них было отклонено⁴.

Основные проблемы развития торгового финансирования: обзор практики и литературы

Небольшим компаниям сложно выполнять требования по обеспечению, традиционной кредитной документации, гарантиям третьих сторон, часто у них нет достоверной кредитной истории и необходимой финансовой отчетности (см. рис. 1). Наоборот, в текущих условиях повышенных макроэкономических рисков и усиления пруденциальных требований банки и небанковские финансовые посредники ужесточают применяемые к МСП критерии.

Ограниченная доступность торгового финансирования объясняется множеством факторов. Основные проблемы, сдерживающие развитие торгового финансирования, отражены в табл. 2.

³ ICC Trade Register Report 2021. ICC, 2021, Sept. URL: <https://iccwbo.org/publication/icc-trade-register-report/> (дата обращения 25 мая 2023).

⁴ Toward Inclusive Access to Trade Finance: Lessons from the Trade Finance Gaps, Growth, and Jobs Survey // Asian Development Bank. 2022. P. 4. URL: <https://www.adb.org/publications/inclusive-access-trade-finance> (дата обращения 23 мая 2023).

Рис. 1. Причины отказов в удовлетворении заявок МСП на торговое финансирование, 2021 г., %
 Составлено авторами на основе [Kim Kijin and others 2022, pp. 1–12]

Таблица 2

Основные проблемы развития торгового финансирования

Проблемы	Факты проблемы	Операционное воздействие
Большая доля бумажных документов	Поток физических документов (закупочные ордера, инвойсы, коносаменты и др.) на протяжении всего цикла сделки	– увеличение продолжительности сделки; – издержки сбора и хранения; – риск утраты или подмены важных документов
Трудоемкость процесса	Проверка бумажных документов, подписей, адресов вручную. Ручное переключение между фрагментированными операционными процессами и ИТ-системами	– ручная проверка субъективна и допускает ошибки; – отсутствие стандартизации между юрисдикциями затрудняет масштабирование; – требуется высокая квалификация персонала; – высокая текучесть кадров увеличивает операционные риски
Устаревшие ИТ-системы	Фрагментарные и устаревшие ИТ-системы интегрированы хаотично с ручными процессами обработки документов	передача вручную увеличивает сложность отслеживания и ограничивает возможности повышения эффективности за счет автоматизации

Проблемы	Факты проблемы	Операционное воздействие
Сложности проверки комплаенса	Ужесточение требований Базель 3, FATCA, FATF, AML/КУС требует, чтобы банки инвестировали значительные средства в процессы проверки клиентов, что существенно увеличивает издержки бизнеса	<ul style="list-style-type: none"> – проведение должных проверок, комплаенса «знай своего клиента», соблюдение санкций требует дорогостоящего участия персонала; – привлечение третьих сторон-поставщиков услуг увеличивает ручной ввод данных и продолжительность сделки; – нестандартные отчеты и форматы затрудняют регуляторную отчетность
Неопределенность фондирования	Отсутствие гарантированного платежа в силу небольшой ясности или ее отсутствие в отношении партнера; отсутствие правил дефолта платежа	<ul style="list-style-type: none"> – отсрочка или отказ от платежа

Составлено авторами на основе: Role of Trade Finance for Inclusive Growth. Deloitte, 2018. P. 13–14. URL: <http://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/in/Documents/financial-services/in-fs-role-of-trade-finance-for-inclusive-growth-web-noexp.pdf> (дата обращения 25 мая 2023).

Таким образом, к числу наиболее сложных и долгосрочных проблем, сдерживающих развитие торгового финансирования, относят:

- значительная доля процессов, основанных на бумажных документах. Ручная обработка бумажных документов неэффективна, дорогостояща, допускает ошибки. Бумажные документы все еще широко используются, например в документарных сделках, таких как аккредитивы, операционные издержки составляют 50–60% цены для клиентов;
- регуляторные требования, такие как AML/КУС, и проведение проверки комплаенса увеличивают издержки бан-

ков при выделении торговых кредитов и гарантий. Хотя проведение должных проверок и комплаенса необходимы для предотвращения использования международных торговых сделок в мошеннических целях, высокие затраты подобных процедур стимулируют банки отказывать МСП в удовлетворении заявок. Базельские капитальные требования также ограничивают выделение торгового финансирования. В 2021 г. более 70% банков считали требования AML/KYC основным препятствием развития торгового финансирования, а около 50% банков указывали на Базельские требования (см. рис. 2);

- информационная асимметрия. Отсутствие доступа или полная недоступность финансовой информации вынуждает банки – поставщиков торгового финансирования повышать требования к соискателям фондирования и запрашиваемые комиссии, что неизбежно ограничивает долю удовлетворяемых заявок на торговое финансирование, прежде всего МСП.

В российской научной литературе проблемам развития торгового финансирования посвящен ограниченный круг публикаций. Наряду с публикациями общего характера, рассматривающих специфику цифровизации торговой политики

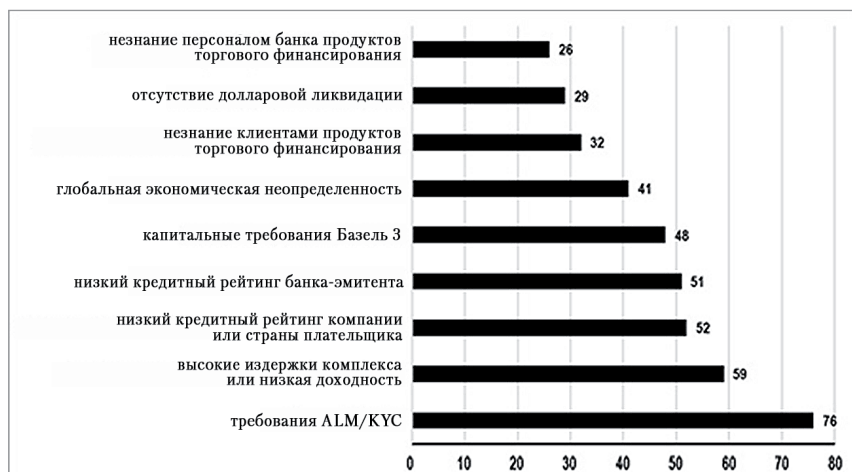

Рис. 2. Основные барьеры развития торгового финансирования с точки зрения финансовых институтов, %.

Составлено авторами на основе [Kim Kijin et al. 2022]

[Алиев и др. 2020], ряд работ посвящен более конкретным вопросам. В статье Ярыгиной И.З. [Ярыгина 2022] проанализированы перспективы развития торгового финансирования в рамках ЕАЭС. В статье Ивашковой Т. [Ивашкова 2020] рассмотрено применение цифровых технологий при работе поставщиков торгового финансирования с бумажными документами, а публикация Чурилова А.Ю. [Чурилов 2022] посвящена анализу цифровизации расчетов в документах Международной торговой палаты.

Применение цифровых технологий в целях развития рынка торгового финансирования

В последние годы ускорился процесс цифровизации международной торговли благодаря развитию цифровых платформ, расширению возможностей трансграничной торговли услугами (финансовыми, информационными, коммуникационными и другими услугами для бизнеса) и все большей доступности электронных платежей. Такие технологии, как распределенный реестр, ИИ, большие данные, помогают финансовым посредникам верифицировать идентичность бизнеса и оценивать его финансовые возможности, проводить регуляторный комплаенс клиентов, снижать информационную асимметрию в торговле и сделках торгового финансирования, а также упрощают для финансовых институтов соблюдение регуляторных требований (см. табл. 3).

Комплексное применение различных цифровых технологий лежит в основе формирования экосистем торгового финансирования, а возможные платформенные решения позволяют финансовым институтам предлагать заинтересованным участникам международной торговли различные продукты и услуги. В настоящее время участников экосистем торгового финансирования можно подразделить на две группы:

- поставщики финансирования (финансовые институты, включая банки, небанковские финансовые посредники, факторинговые компании и страховщики кредитов);
- поддерживающие организации (органы государственного управления, поставщики технологий, маркетплейсы, институты инфраструктуры и др.) (см. рис. 3).

Таблица 3

Использование цифровых технологий для преодоления долгосрочных проблем торгового финансирования

Технологии	Неэффективность процессов		Регуляторные требования		Асимметрия информации
	Снижение ошибок персонала	Ускорение скорости сделок	Большая гибкость в слу-чае изменений условий	Более точное соблюдение ALM/KYC	
Облачные решения для ин-войсов	✓	✓			✓
Оптическое распознавание документов	✓	✓		✓	
Электронные данные об от-грузке	✓	✓			
Блокчейн платформы	✓		✓	✓	✓
ИИ и большие данные	✓	✓	✓	✓	✓
«Одно окно»	✓	✓	✓		
Интернет вещей, GPS	✓	✓			
Разработка специализирован-ных приложений	✓	✓	✓		

Составлено авторами на основе [Kim Kijin et al. 2022].

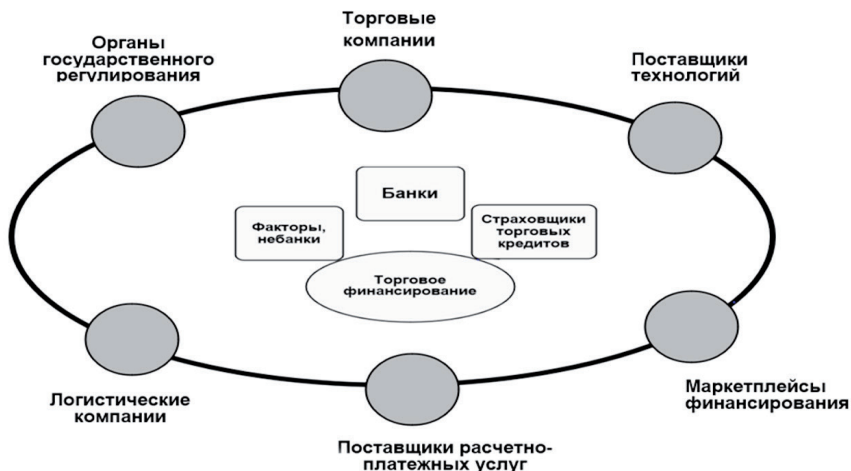

Рис. 3. Экосистема торгового финансирования
Составлено авторами

Переход к новому технологическому укладу (Промышленность 4.0) должен сопровождаться становлением торговли 4.0 с развитием интегрированной цепочки предложения от предприятия до конечного потребителя и активным участием стейкхолдеров торговых экосистем на цифровых платформах⁵. При этом применяемые финансовыми посредниками цифровые технологии могут носить либо поддерживающий характер, либо представлять собой полную цифровизацию торгового финансирования. Использование таких технологий ускоряет передачу информации и данных между участниками торгового финансирования, позволяет отслеживать движение товаров и денег, снижает риски и стоимость финансовой поддержки для экспортеров и импортеров.

Технология блокчейн использует смарт-контракты для упрощения и повышения эффективности документарного торгового финансирования и цифровизации коносаментов. Смарт-контракт будет создаваться и размещаться банком в блокчейне, который зашифрует аккредитив по установленным правилам. Когда перевозчик и банк пошлют подтверждения соответ-

⁵ Trade and globalization 4.0. Deloitte, 2020, Dec. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/industry/public-sector/trade-4-0-government-opportunity.html> (дата обращения 25 мая 2023).

ствия контракту, произойдет перевод платежа по банковским счетам. Эта платформа будет открытой, позволяя всем сторонам отслеживать стадию процесса, что будет снижать операционный риск. Условно можно выделить следующую последовательность⁶:

- 1) соглашение о покупке между импортером и экспортером представляется в банк импортера, который выпускает смарт-контракт в блокчейне. У банка импортера будет возможность в режиме реального времени отслеживать стадию исполнения и соблюдения условий внешнеторгового контракта, он сможет определить условия кредита и предоставить экспортеру платежное обязательство;
- 2) банк экспортера оценит банковское платежное обязательство и после его одобрения выпустит смарт-контракт в блокчейне, фиксируя обязательство банка импортера;
- 3) после получения подтверждения банковского платежного обязательства экспортер ставит свою цифровую подпись в смарт-контракте блокчейна и осуществляет отгрузку согласованной товарной партии;
- 4) проверка качества и соответствия поставляемой продукции условиям внешнеторгового контракта осуществляет третья сторона и таможенный брокер в стране экспортера и вводят свои цифровые подписи в смарт-контракт;
- 5) благодаря технологиям геолокации и интернета вещей возможно отслеживание транспортировки товарной партии и передачи соответствующих данных логистическими компаниями;
- 6) после получения груза импортер в цифровом виде подтверждает получение товара и инициирует оплату;
- 7) подтверждение станет основанием автоматического платежа.

Автоматизации процесса торгового финансирования на основе технологии блокчейна может сокращать время процессинга на 80%⁷. В настоящее время ряд ТНБ уже создали свои плат-

⁶ Role of Trade Finance for Inclusive Growth. Deloitte, 2018. P. 013-014. URL: <http://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/in/Documents/financial-services/in-fs-role-of-trade-finance-for-inclusive-growth-webpoexp.pdf> (дата обращения 21 мая 2023).

⁷ Rebooting a Digital Solution to Trade Finance // Bain & Company, HSBC, 2018. P. 6. URL: https://www.bain.com/contentassets/76b3b4d02ec74c7ab32376ceea689c32/bain_brief_rebooting_a_digital_solution_to_trade_finance.pdf (дата обращения 15 мая 2023).

Рис. 4. Преимущества использования технологии блокчейна в документарных сделках торгового финансирования
Составлено авторами

формы на основе технологии блокчейна, позволяющие полную автоматизацию аккредитивных сделок.

Преимущества использования технологии блокчейна в торговом финансировании отражает рис. 4.

Заключение.

Ограничения и недостатки цифровых решений торгового финансирования

На развитие торгового финансирования оказывают воздействие как текущие политико-экономические факторы, провоцирующие фрагментацию рынков и разрывы цепочек поставок, так и ряд долгосрочных проблем, являющихся серьезными ограничителями развития отрасли и причинами неудовлетворенности спроса на финансовую поддержку, особенно со стороны малых и средних предприятий. Наибольшие практические ограничения и недостатки введения и применения цифровых решений торгового финансирования обусловлены:

– ограниченным участием банков и небанковских финансовых посредников в процессах цифровизации торгового финансирования. Как показывают результаты обследований банков, многие финансовые посредники не спешат переходить на цифровизацию торгового финансирования (см. рис. 5) в силу многих причин;

– правовым регулированием. Усилия по цифровизации торгового финансирования сталкиваются с правовой неопределенностью многих аспектов документарных сделок. В первую очередь это касается бумажных оборотных документов (например, коносаментов), закрепляющих конкретные права за держателями. В 2017 г. Комиссией ООН по праву международной торговли (UNCITRAL) был разработан типовой образец закона «Об электронных переда-

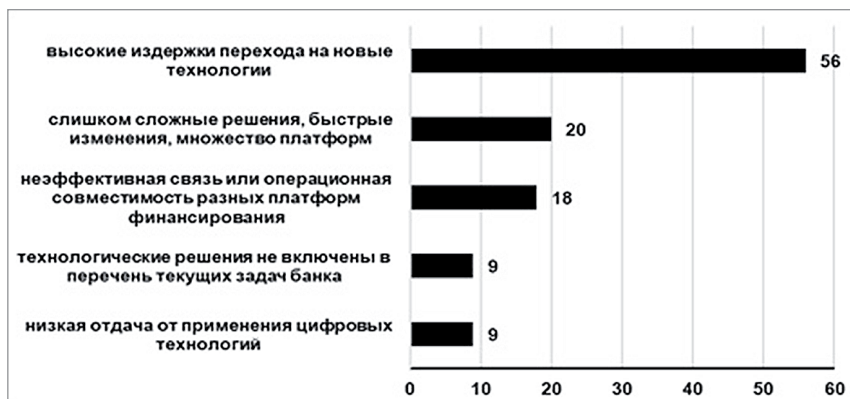

Рис. 5. Основные сомнения банков в отношении применения цифровых решений торгового финансирования, 2021 г., %
Составлено авторами

ваемых записях» (A Model Law on Electronic Transferable Records), который пока широко не применяется. МТП предполагает, что только к 2026 г. от 60 до 80% объемов мировой торговли будет регулироваться подобным законодательством [Wright 2023]. Использование смарт-контрактов в трансграничных сделках торгового финансирования также сталкивается с рядом серьезных правовых неопределенностей и разночтений. Так, даже принятый в ЕС 14 марта 2023 г. закон о регулировании смарт-контрактов пока вызывает у участников рынка сомнения о действенности его норм⁸. Так, смарт-контракты должны содержать возможность контроля доступа и защищать коммерческую тайну, но также должны включать функцию приостановки действия контракта или сброса (отказа). Однако специалисты полагают, что выполнение указанных законодательных положений противоречит концепции умных контрактов и их фундаментальному принципу, согласно которому умные контракты не могут быть изменены кем-либо;

– отсутствием общих стандартов. Без использования общих стандартов процессы становятся ненадежными, а результаты неопределенными. Если в одной из торгующих юрисдикций применяются определенные стандарты, иные, чем в другой, то у персонала должны быть компетенции работы на разных плат-

⁸ Смарт-контракты <https://www.tadviser.ru/index.php/> Статья: Смарт-контракты_(Smart_contract)_Умные_контракты#.D0.9F.D1.80.D0.B8.D0.BC.D0.B5.D1.80.D1.8B (дата обращения 25 мая 2023).

формах и экосистемах, что неизбежно увеличивает издержки, риски и ограничения торгового финансирования⁹;

– ограниченной доступностью данных и информации, позволяющих верифицировать участников торговых сделок, оценивать их добропорядочность, финансовые возможности и риски;

– фрагментацией разнообразных цифровых решений, требующей разработки операционной совместимости платформенных решений и экосистем.

Литература

Алиев и др. 2020 – *Алиев Т.М., Исмаилова О.Д., Попова В.Н.* Подходы к оценке уровня цифровизации и мер цифровой торговой политики // *Пространственная экономика*. 2020. Т. 16. № 4. С. 136–164. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-otsenke-urovnya-tsifrovizatsii-i-mer-tsifrovoy-torgovoy-politiki/viewer> (дата обращения 24 июня 2023).

Ивашкова 2020 – *Ивашкова Т.* Optical character recognition (OCR): что ждет торговое финансирование в эпоху цифровизации // *Международные банковские операции*. 2020. № 4. URL: <https://futurebanking.ru/reglamentbank/article/6607> (дата обращения 24 июня 2023).

Чурилов 2022 – *Чурилов А.Ю.* Отражение цифровизации расчетов в актах унификации Международной торговой палаты // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022. № 3. С. 59–65. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4099694 (дата обращения 24 июня 2023).

Ярыгина 2022 – *Ярыгина И.З.* Торговое финансирование ЕАЭС в современных условиях: проблемы и перспективы // *Экономика. Налоги. Право*. 2022. Т. 15. № 4. С. 133–141. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovoe-finansirovanie-eaes-v-sovremennyh-usloviyah-problemy-i-perspektivy/viewer> (дата обращения 24 июня 2023).

Kim Kijin et al. 2022 – *Kim Kijin, Endrigna B., Ardaniel Z.* Driving Inclusive Digitalization in Trade and Trade Finance // *ADB Briefs*. 2022. Dec. № 238. 12 p. URL: <https://www.adb.org/publications/inclusive-digitalization-trade-and-trade-finance>. (дата обращения 24 июня 2023).

Wright 2023 – *Wright G.* Trade Law Catches Up With Technology // *Global Finance*. 2023. May. URL: <https://www.gfmag.com/magazine/may-2023/trade-finance-document-digitization> (дата обращения 24 июня 2023).

⁹ Standards Toolkit for Cross-border Paperless Trade. – WTO, ICC, ICC Digital Standards Initiative, 2022. – 27 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/standtoolkit22_e.pdf (дата обращения 22 мая 2023).

References

- Aliyev, T.M. et al. (2020), "Approaches to assessing the level of digitalization and digital trade policy measures", *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics], vol. 16, no. 4, pp. 136–164.
- Churilov, A.Yu. (2022), "Digitalisation of settlements and the ICC Uniform rules", *Russian Foreign Economic Bulletin*, no. 3, pp. 59–65, available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4099694 (Accessed 24 June 2023).
- Ivashkova, T. (2020), *OCR: chto zhdet torgovoe finansirovanie v epohu cifrovizacii* [Optical character recognition (OCR). What awaits trade finance in the era of digitalization] *Mezhdunarodnye bankovskie operatsii*, no. 4, available at: <https://futurebanking.ru/reglamentbank/article/6607> (Accessed 24 June 2023).
- Kim, K., Endriga, B. and Ardaniel, Z. (2022), "Driving Inclusive Digitalization in Trade and Trade Finance", *ADB Briefs*, Dec., no. 238, available at: <https://www.adb.org/publications/inclusive-digitalization-trade-and-trade-finance> (Accessed 24 June 2023).
- Wright, G. (2023), "Trade Law Catches Up With Technology", *Global Finance*, May, available at: <https://www.gfmag.com/magazine/may-2023/trade-finance-document-digitization> (Accessed 24 June 2023).
- Yarygina, I.Z. (2022), "Trade financing of the EAEU in modern conditions: problems and prospects", *Economy. Taxes. Pravo*, vol. 15, no. 4, pp. 133–141, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovoe-finansirovanie-eaes-v-sovremennyh-usloviyah-problemy-i-perspektivy/viewer> (Accessed 24 June 2023).

Информация об авторах

Валентина В. Кузнецова, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1; vkuz_55@mail.ru; orcid.org/0000-0002-8698-4295

Ольга И. Ларина, кандидат экономических наук, доцент, Государственный университет управления, Москва, Россия; 109542, Россия, Москва, Рязанский пр., д. 99; oilarina@mail.ru; orcid.org/0000-0002-9841-8194

Information about the authors

Valentina V. Kuznetsova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Moscow State University named M.V. Lomonosova, Moscow, Russia; GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; vkuz_55@mail.ru; orcid.org/0000-0002-8698-4295

Ol'ga I. Larina, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, State University of Management, Moscow, Russia; bld. 99, Ryazanskii Avenue, Moscow, Russia, 109542; oilarina@mail.ru; orcid.org/0000-0002-9841-8194

Подходы к формированию комплексной системы управления экономической безопасностью предприятия

Наталья Ю. Сопилко

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, sheremett73@gmail.com*

Елена И. Кубасова

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Россия, kubasova.elena@mail.ru*

Аннотация. В статье описаны проблемы экономической безопасности на предприятиях в условиях глобальной цифровой трансформации бизнеса, которые связаны с активным применением современных информационно-коммуникационных и прочих инструментов, содержащих различные цифровые риски. Отмечено, что современные подходы к формированию комплексной системы экономической безопасности должны учитывать различные внешние и внутренние факторы воздействия на хозяйствующий субъект. Рассмотрены основные элементы структуры управления, а также приоритетные направления для формирования эффективной системы экономической безопасности предприятия, способствующей максимальному снижению угроз и рисков макро- и микросреды. Выделены основные этапы проведения оперативной оценки текущего уровня обеспечения экономической безопасности организации, которые необходимы для поддержания эффективного функционирования всей системы управления. Определены основные направления в управлении экономической безопасностью предприятий различных сфер деятельности, позволяющие достигать безопасности функционирования всех подразделений, а также реализация которых способствует повышению эффективности деятельности бизнеса.

Ключевые слова: цифровая трансформация, система управления предприятием, экономическая безопасность, информационная безопасность

Для цитирования: Сопилко Н.Ю., Кубасова Е.И. Подходы к формированию комплексной системы управления экономической безопасностью предприятия // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2024. № 1. С. 102–110. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-102-110

Approaches to the integrated system formation for the economic security managing on enterprise

Natal'ya Yu. Sopilko

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, sheremett73@gmail.com*

Elena I. Kubasova

*Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia, kbasova.elena@mail.ru*

Abstract. The article outlines issues of economic security at enterprises in the context of global digital business transformation, which are associated with the active use of modern information and communication tools containing various digital risks. It is noted that modern approaches to the formation of a comprehensive system of economic security should take into account various external and internal factors of influence on the economic entity. The key elements of the management structure are considered, as well as priority directions for the formation of an effective system of economic security of the enterprise, contributing to the maximum reduction of threats and risks of macro and microenvironment. Authors highlight the main stages of operational assessment of the current level of economic security of the organization, which are necessary to maintain the effective functioning of the entire management system. The guidelines for economic security management are defined for enterprises of various spheres of business, which allows achieving the security of all the departments functioning, as well as their implementation contributes to improving the business activities efficiency.

Keywords: digital transformation, enterprise management system, economic security, information security

For citation: Sopilko, N.Yu. and Kubasova, E.I. (2024), "Upcoming trends of labor productivity growth in the EAEU countries", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 1, pp. 102-110, DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-102-110

На сегодняшний день трансформация отечественной экономики происходит в условиях глобальной цифровизации и характеризуется внедрением новых цифровых инструментов и сервисов в компаниях различных сфер деятельности [Еремичева и др. 2020]. Однако модернизация системы ведения и управления бизнесом с помощью перехода на инновационные технологии ведет к образованию различных цифровых рисков. В этой связи в настоящее время особую актуальность приобретает проблема обеспечения экономической безопасности предприятий, так как успешность бизнеса и бесперебойное функцио-

нирование различных цифровых систем управления зависит от степени их защищенности [Меркурьев, Назарян 2022]. Для создания эффективной системы безопасности необходимо понимание перечня объектов, которые должны быть под защитой, наличие разветвленной информационной инфраструктуры, способной обеспечивать своевременный и безопасный доступ к данным.

С одной стороны, автоматизация и применение современных информационно-коммуникационных технологий, интеграция интернета во все сферы деятельности значительно ускоряют многие бизнес-процессы на предприятиях, но в то же время создают угрозы экономической и информационной безопасности бизнеса [Батова 2021].

Следует отметить, что понятийный аппарат экономической безопасности состоит из двух составных частей – «экономика» и «безопасность», каждая из которых представляет совокупность понятий и категорий. Так, «экономика» определяет сферу деятельности, организационную структуру, хозяйственную жизнь, систему управления и прочие характеристики и аспекты хозяйствующего субъекта. Понятие «безопасность» относительно ее роли для предприятия определяется как состояние защищенности интересов от эндогенных и экзогенных угроз.

В связи с тем, что в отношении определения «экономическая безопасность» нет четкого подхода к пониманию значения, это ведет к тому, что раскрытие проблемы зачастую производится фрагментарно. Специалисты в этой области пытались решать задачи «точно», что приводило к большему развитию проблем, нежели к их решению, а также к полисемии (многозначности) явления «экономическая безопасность» [Поздеев 2015].

Многие эксперты расходятся во мнениях и трактуют это понятие по-разному. Некоторые полагают, что экономическая безопасность объединяет такие аспекты, как состояние и возможности экономики, защищенность (обеспечение этого процесса) и институциональная система [Азарская, Поздеев 2019].

Многие ученые концентрируются на том, что основной функцией системы экономической безопасности является обнаружение и предотвращение угроз. По мнению В.С. Панькова экономическая безопасность рассматривается на национальном уровне как возможность соблюдать и удовлетворять общественные интересы [Паньков 2010].

Отечественные специалисты в этой области в своей трактовке указывают на то, что «экономическая безопасность предприятия» должна обеспечивать защищенность всех структур-

ных компонентов компании и внутренних бизнес-процессов от нежелательных и непредвиденных изменений [Гуреева 2015].

То есть экономическую безопасность предприятия следует рассматривать как комплекс мероприятий, нацеленных на обеспечение защиты экономического потенциала от экзогенных и эндогенных угроз, укрепление рыночного положения и финансовых показателей хозяйствующего субъекта, снижение влияния факторов воздействия извне с целью получения конкурентных преимуществ на рынке.

С целью поиска решений относительно проблемы по повышению показателей экономической безопасности в современных рыночных условиях хозяйствования предприятиям требуется создание комплексной системы, которая имеет ряд особенностей [Луговкина, Козлов 2017]. Так, для каждого отдельного предприятия необходимо формировать уникальную систему безопасности, учитывающую специфику вида деятельности, географическое положение, организационно-правовой характер рынков снабжения и сбыта, логистику, инновационную технологичность, а также состояние материальных, технико-технологических, финансовых, человеческих ресурсов с учетом происходящих процессов цифровизации и множества других факторов [Сопилко, Мясникова 2021].

Несмотря на обособленность, на макроуровне системы обеспечения экономической безопасности отдельных компаний являются важными элементами в структуре системы государственной безопасности. На микроуровне они тесно взаимосвязаны с управленческой, производственной, финансовой, информационной и другими системами организаций.

Функции системы управления в контексте экономической безопасности предприятия достаточно разнообразны. Помимо основных функций менеджмента необходимо не только своевременно выявлять и предупреждать реальные опасности, но и прогнозировать потенциальные угрозы, при этом обеспечивая безопасность человеческих ресурсов, сохранность активов, ликвидируя последствия полученного ущерба и т. д. [Филиппова, Филиппов 2021].

Основные направления и структурные элементы комплексной системы менеджмента в контексте экономической безопасности организации представлена на рис. 1.

Процесс организации планирования и прогнозирования на долгосрочную перспективу экономической безопасности выступает одним из базовых векторов данной концепции, выявление потенциальных рисков и угроз, их учет и предотвращение

Рис. 1. Функциональные элементы формирования системы экономической безопасности хозяйствующего субъекта
Источник: составлено авторами

является основной задачей на данном этапе. Разработку концепции управления корпоративными ресурсами необходимо производить с учетом влияния экзогенных и эндогенных факторов, а также следует принимать во внимание специфические особенности организационной и управленческой структуры каждого отдельного хозяйствующего субъекта, текущую конъюнктуру рынка и прочие факторы.

Одновременно со стратегическим планированием следует проводить оперативную оценку текущего уровня обеспече-

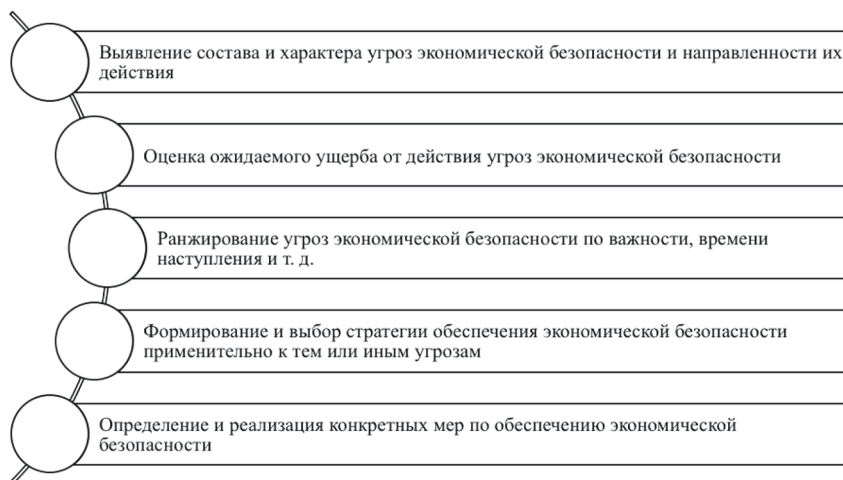

Рис. 2. Основные этапы проведения оперативной оценки текущего уровня экономической безопасности предприятия

Источник: составлено авторами

ния экономической безопасности предприятия. Такая оценка должна включать последовательные этапы, представленные на рис. 2.

Направления для обеспечения экономической безопасности на предприятии на основании комплексного подхода достаточно разнообразны и зависят от множества внутренних и внешних факторов, целесообразным является определение тех составляющих экономической безопасности, без которых эффективное функционирование предприятия, а также защита собственных интересов невозможна в условиях существующей конъюнктуры рынка.

На практике деятельность любого хозяйствующего субъекта осуществляется в условиях постоянно меняющейся среды, которая предполагает наличие большого количества различных рисков и факторов их влияния. В этой связи управление экономической безопасностью предприятий различных сфер деятельности приобретает особую актуальность и осуществляется в различных направлениях, приоритетными из которых являются:

- обеспечение финансовой устойчивости, эффективности и независимости предприятия;
- технологическая независимость, обеспечение конкурентоспособности и эффективное использование технического потенциала предприятия;

- повышение эффективности системы корпоративного управления, создание оптимальной организационной структуры предприятия;
- повышение уровня квалификации человеческих ресурсов и развитие кадрового потенциала;
- мониторинг и контроль за эколого-экономической безопасностью;
- контроль за соблюдением экономико-правовых основ безопасности предприятия (неразглашение коммерческой тайны, защита информации и информационная обеспеченность сотрудников различных подразделений и отделов);
- обеспечение безопасности персонала, активов предприятия, защита коммерческих интересов.

Таким образом, на предприятиях необходимо создавать и поддерживать такой режим функционирования системы экономической безопасности, который предполагает вовлечение в этот процесс не только отдельных служб, но и всех подразделений. Именно реализация широкого спектра направлений по комплексному обеспечению экономической безопасности предприятия позволяет достигать стабильности и слаженности функционирования всей системы управления, способствует повышению эффективности финансово-экономической деятельности хозяйствующего субъекта. Стратегия экономической безопасности организации должна быть направлена на достижение ее максимального уровня при эффективном распределении затрат, которые обеспечивают снижение различных видов риска при оптимальном использовании имеющихся ресурсов.

Такой подход способствует тому, что предприятия наряду с достижением стратегических целей и максимизацией прибыли могут своевременно защититься от экзогенных и эндогенных угроз, а также нивелировать негативное влияние факторов макро- и микросреды. Поэтому целью формирования комплексной системы управления экономической безопасностью предприятием является достижение безопасности функционирования всех подразделений в рамках имеющейся организационной структуры.

Литература

Азарская 2019 – Азарская М.А., Поздеев Л.В. Информационное обеспечение управления рисками экономической безопасности предприятия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5. № 3 (19). С. 179–192.

- Батова 2021 – Батова Б.З. Основные угрозы экономической безопасности России и пути их устранения // *Фундаментальные исследования*. 2021. № 11. С. 39–44.
- Гуреева 2015 – Гуреева М.А. Система экономической безопасности предприятия в условиях глобализации экономики // *Символ науки*. 2015. № 10 (1). С. 30–38.
- Еремичева и др. 2020 – Еремичева Т.В., Харланов А.С., Новиков М.Н. Цифровая экономика и эволюция искусственного интеллекта // *Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2020. № 1. С. 56–67. DOI: 10.28995/2073-6304-2020-1-56-67.
- Луговкина, Козлов 2017 – Луговкина О.А., Козлов В.Д. Экономическая безопасность предприятия в условиях цифровой экономики // *АНИ: экономика и управление*. 2017. № 4 (21). С. 163–166.
- Меркурьев, Назарян 2022 – Меркурьев Д.Е., Назарян А.А. Современное состояние экономической безопасности организаций в условиях цифровой экономики // *Актуальные исследования*. 2022. № 22 (101). С. 91–93.
- Паньков 2010 – Паньков В.С. Экономическая безопасность: сущность и проявления // *Международная жизнь*. 2010. № 12. С. 107–119.
- Поздеев 2015 – Поздеев В.Л. О понятии «экономическая безопасность предприятия»: аналитический аспект // *Вестник СамГУПС*. 2015. № 2–2 (28). С. 113–116.
- Сопилко, Мясникова 2021 – Сопилко Н.Ю., Мясникова О.Ю. Основные тренды цифровой трансформации экономики государств ЕАЭС // *Вопросы региональной экономики*. 2021. № 2 (47). С. 207–213.
- Филиппова, Филиппов 2021 – Филиппова И.А., Филиппов А.С. Основные функции системы экономической безопасности современной организации (теоретический аспект) // *Основы ЭУП*. 2021. № 4 (29). С. 35–39.

References

- Azarskaya, M.A. and Pozdeev, V.L. (2019), “Information support of economic security risk management of an enterprise”, *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, vol. 5, no. 3 (19), pp. 179–192.
- Batova, B.Z. (2021), “The main threats to Russia’s economic security and ways to eliminate them”, *Fundamental research*, no. 11. pp. 39–44.
- Eremicheva, T.V., Kharlanov, A.S. and Novikov, M.M. (2020), “Digital economy and the evolution of artificial intelligence”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 1, pp. 56–67, DOI: 10.28995/2073-6304-2020-1-56-67.
- Filippova, I.A., and Filippov, A.S. (2021), “Main functions of the economic security system of a modern organization (theoretical aspect)”, *Economy, Governance and Law Basis*, no. 4 (29). pp. 35–39.
- Gureeva, M.A. (2015), “The system of economic security of the enterprise in the context of globalization of the economy”, *Symbol of science*, no. 10 (1), pp. 30–38.
- Lugovkina, O.A., and Kozlov, V.D. (2017), “Economic security of an enterprise in a digital economy”, *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration* no. 4 (21), pp. 163–166.

- Merkur'ev, D.E., and Nazaryan, A.A. (2022), "The current state of economic security of organizations in the digital economy", *Current research*, no. 22 (101), pp. 91–93.
- Pan'kov, V.S. (2010), "Economic security. Essence and manifestations", *The International Affairs*, no. 12, pp. 107–119.
- Pozdeev, V.L. (2015), "On the concept of "economic security of an enterprise". An analytical aspect", *Bulletin of Samara State University of Transport*, no. 2–2 (28), pp. 113–116.
- Sopilko, N.Yu., and Myasnikova, O.Yu. (2021) "The main trends of digital transformation in the economy of the EAEU countries", *Problems of regional economy*", no. 2 (47), pp. 207–213.

Информация об авторах

Наталья Ю. Сопилко, доктор экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6; sheremett73@gmail.com

Елена И. Кубасова, кандидат экономических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Стремянный переулок, д. 36; kubasova.elena@mail.ru

Information about the authors

Natal'ya Yu. Sopilko, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; sheremett73@gmail.com

Elena I. Kubasova, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; bld. 36, Stremyanni Lane, Moscow, Russia, 117997; kubasova.elena@mail.ru

Современные социально-экономические концепции в фокусе развития российских регионов

Михаил А. Макаров

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия, makarov.mikhail98@gmail.com*

Аннотация. Изменение геополитического контекста развития России и уточнение его приоритетов сделали актуальным новое обращение к современным социально-экономическим концепциям. В статье осмысливаются те из них, что сконцентрированы на улучшении условий жизнедеятельности людей, сквозь призму стоящих перед страной и регионами задач. Среди этих задач, согласно стратегическим документам и работам ученых, на первый план выходит необходимость новой индустриализации путем технологического перевооружения промышленности и сбалансированного пространственного развития РФ. Им отвечает теория инновационной экономики, сконцентрированная на достижении экономической эффективности путем совершенствования технологий на базе новых знаний и их внедрения в производство. Экстраординарные обстоятельства, в которых функционирует экономика страны, требуют специальных мер инвестиционной поддержки государством обновления производственной базы обрабатывающих предприятий. В совершенствовании теории человеческого капитала продуктивна идея пополнения продвигаемых ею характеристик теми, что важны для укрепления социальных связей, социальной солидарности. Значимым фактором роста производства становится совершенствование качества жизни на местах, создание в нестоличных промышленных городах России условий для достойной жизни и привлечения высококвалифицированных специалистов. Все эти аспекты требуют балансировки роста экономики и человеческого потенциала, что актуализирует применение теории устойчивого развития с учетом задач национальной и экономической безопасности страны.

Ключевые слова: инновационная экономика, человеческий капитал, качество жизни, устойчивое развитие, социально-экономические приоритеты России, новая индустриализация, регионы РФ

Для цитирования: Макаров М.А. Современные социально-экономические концепции в фокусе развития российских регионов // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2024. № 1. С. 111–121. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-111-121

Modern socio-economic concepts in the focus of regional development in Russia

Mikhail A. Makarov

Kazan Federal University, Kazan, Russia, makarov.mikhail98@gmail.com

Abstract. The change in the geopolitical context of Russia's development and the clarification of its priorities made a new appeal to modern socio-economic concepts as a relevant one. The article comprehends concepts that are focused on improving the living standards of the population through the prism of the tasks facing the country and its regions. Among those tasks, according to strategic documents and scientific researches, the need for a new industrialization through the technological re-equipment of industry and a balanced spatial development of the Russian Federation comes to the fore. The theory of innovative economy, which is focused on achieving economic efficiency by improving technologies based on new knowledge and introducing them into production, meets that challenge. The extraordinary circumstances in which the country's economy operates require special measures of investment support by the state for updating the production base of manufacturing enterprises. In improving the theory of human capital, the idea of replenishing it with characteristics for strengthening social ties and social solidarity is considered as an effective one. A significant factor in the growth of production in the regions is turning out to be an improvement of life quality there, the creation of a decent living standard in non-capital industrial cities of Russia and the attraction of highly qualified specialists there. All those aspects require balancing the economic growth and human potential that updates the application of the theory of sustainable development taking into account the tasks of the national and economic security of the country.

Keywords: innovative economy, human capital, quality of life, sustainable development, social and economic priorities of Russia, new industrialization, regions of the Russian Federation

For citation: Makarov, M.A. (2024), "Modern socio-economic concepts in the focus of the development of Russian regions", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 1, pp. 111-121, DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-111-121

Введение

Новые геополитические реалии привели к кардинальному пересмотру стратегических направлений социально-экономического развития России. Это делает актуальным рассмотрение имеющих сегодня место в мировой науке и практике социально-экономических концепций с точки зрения их соответствия стоящим перед страной задачам. Выделим среди них те, что связаны с территориями, с совершенствованием качествен-

ных аспектов жизнедеятельности населения: теорию инновационной экономики, человеческого капитала, качества жизни и устойчивого развития. Они получили оформление в западной науке середины – конца прошлого столетия. Свой вклад в их становление внесли советские, а затем российские ученые.

Сходство названных концепций заключается в их выстраивании вокруг Человека – способности, уровень образования и компетенции которого понимаются как главный актив национальной/региональной экономик. В свою очередь, реализация его потребностей трактуется как главная цель экономических и социальных изменений. Тем самым вопросы самого производства, как и формирования социальной солидарности населения, отходят в них на второй план.

В России распространение данных теорий происходило одновременно с ее попытками встроиться в западную систему распределения производства, приведшими к сокращению многих технологичных отраслей. В результате по ряду промышленных показателей она стала уступать не только развитым, но и некоторым развивающимся государствам¹. В связи с этим актуальным становится их рассмотрение в современных российских реалиях. Тем более что нынешние обстоятельства заставили переформулировать многие социально-экономические приоритеты, обратив внимание на решение насущных задач. В такой ситуации ведущие экономисты и руководство РФ справедливо ведут речь о необходимости новой индустриализации «посредством технологического перевооружения» [Сухарев 2023, с. 45], первоочередной поддержки «обрабатывающих производств» [Князев 2020, с. 23]. Значит ли это, что обозначенные теории теряют свое значение в нынешних условиях? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим суть каждой из них, заложенный потенциал в плане развития территорий Российской Федерации.

Цель статьи – раскрыть основные положения выделенных концепций и выявить вероятные направления их применения в контексте современных задач социально-экономического развития страны и регионов. Ее *научная оригинальность* состоит в обобщении возможностей и специфики их использования в современной России. Она основывается на анализе: трудов создателей актуальных учений; работ, в которых они рассматриваются; исследований, посвященных экономической полити-

¹ См.: Принципы Стратегии экономического развития России до 2035 года. С. 4. URL: <https://me-forum.ru/upload/iblock/5fc/5fc23ac290e1f5456e0a0f7a3e568da4.pdf> (дата обращения 15 октября 2023).

ке РФ и ряда информационных источников. *Новизна* связана с тем, что до сих пор они изучались больше сами по себе – без их сравнения друг с другом – и редко – по отношению к российской специфике, тем более к нынешней ситуации. То есть при том, что имеется большое количество посвященных им материалов, в них до сих пор не ставился вопрос о роли данных концепций в выстраивании социально-экономических стратегий территорий Российской Федерации.

Потенциал концепций для развития регионов

Базовой для выстраивания стратегии ускоренного социально-экономического развития страны и регионов призвана стать *концепция инновационной экономики*. Ее суть – в утверждении приоритетной роли знаний, высокотехнологичных производств и квалифицированных специалистов для достижения экономической эффективности. Основной движущей силой становятся ученые, профессионалы в сфере роботизации, нано- и биотехнологий, информатизации и цифровизации.

Инновационная экономика также связывается создателями концепции (Й. Шумпетером и др.) с внедрением изобретений в производство, сферу услуг. Оно обеспечивается определенной степенью экономической свободы, открытием новых рынков, созданием организационных структур, включением различных видов капитала. Важными участниками процессов становятся предприниматели, организующие инновационный труд и продвижение продуктов.

Применительно к России – с ее особыми обстоятельствами – без государственной поддержки, однако, не обойтись. Автору представляется необходимым применение кейнсианских принципов вмешательства государства в экономическое развитие. Очевидна справедливость тезисов о важности: содействия финансовой системы пополнению «амортизационных фондов предприятий» [Князев 2020, с. 33], стимулирования инвестиций, взаимодействия в направлении инноваций малого бизнеса с крупным, подготовки «необходимых для новых производств кадров» [Князев 2020, с. 34] (в 2017–2021 гг. число выпускников IT-профиля составило в РФ 220 тыс. чел.²). Инновационному

² В России растет доля выпускников вузов по IT-профилю // Российский союз ректоров. 15 ноября 2022. URL: <https://rsr-online.ru/news/2022/11/15/v-rossii-rastet-dolya-vypusknikov-vuzov-po-it-proflyu/>

развитию производства призвано содействовать также выделение приоритетных проектов по импортозамещению до 2030 г., в числе которых – связанные с автомобильной промышленностью, транспортным машиностроением, судостроением и авиастроением, мало- и среднетоннажной химией и др. с объемом «5,2 трлн руб. (без учета авиа- и судостроения)»³. То есть это вложения именно в те отрасли и те направления, которые требуют внедрения новых технологий, связанных с производством.

В качестве примера особого внимания на региональном уровне (при участии самих предприятий) к задачам формирования инновационной экономики, а именно к подготовке высококвалифицированных специалистов и совершенствованию научных разработок по профилю ведущих производств промышленных городов можно назвать создание Передовой инженерной школы в г. Набережные Челны, Высшей школы нефти в г. Альметьевск, модернизацию инфраструктуры профильного вуза Нижнекамск-нефтехима (НХТИ) в г. Нижнекамск Республики Татарстан. Развитию IT-сферы и высоких технологий призвано способствовать создание здесь наукограда «Иннополис».

Главным производительным фактором и предпосылкой личного успеха в условиях инновационной экономики являются знания и компетенции работников. На этой теме концентрируют внимание основоположники *теории человеческого капитала* Т. Шульц и Г. Беккер. Так, Г. Беккер выдвигает тезис о том, что инвестиции человека в образование и совершенствование профессионального уровня способствуют в современном обществе повышению его конкурентоспособности и приносят ему в будущем реальные экономические дивиденды [Becker 1964]. В свою очередь, вклады государства в сферу образования создают базу для успешного развития национальной экономики. К названным компонентам исследователями добавляются здоровье населения и качество жизни, ведущие к наиболее полному раскрытию способностей индивида и препятствующие «вымыванию» с территории человеческих ресурсов за счет совершенствования жизненных условий специалистов.

Рядом авторов разрабатываются системы оценки стоимости человеческого капитала, в основу которых кладутся затраты на его воспроизводство (Дж. Кендрик). Другие ученые, однако, проблематизируют возможность измерения эффективности таких инвестиций в плане их влияния на социально-эконо-

³ Импортозамещение в промышленности: новые проекты и их финансирование // Гарант. Ру. URL: <https://www.garant.ru/news/1581704/>

мическое развитие (М. Коллингсворт, К. Ланкастер, М. Уилл и др.), в связи с чем предлагается сравнение аналогичных показателей по разным странам. На основе такого сравнения обнаруживается, что у России имеется в этом плане хороший задел – она занимает 52-е место в группе стран с очень высоким индексом человеческого развития (ИЧР)⁴.

Среди отечественных авторов данную теорию развивают в 1990-е гг. А.И. Добрынин, С.А. Дятлов, Р.И. Капелюшников, М.М. Критский, Э.Н. Соболев, М.М. Хайкин и др. Имеет место и справедливая критика. Так, П.С. Сорокин и Т.А. Попова выявляют противоречия, важные для раскрытия возможностей ее применения в нашей стране [Сорокин, Попова 2022]. Во-первых, отмечается, что сам по себе набор компетенций не гарантирует успеха, так как важна способность индивидов к эффективно-му действию в социальной реальности. Во-вторых, подчеркивается, что современные концепции человеческого капитала не способствуют укреплению социальной солидарности, поскольку ориентированы на «агентное», опирающееся на принципы индивидуализма поведение. Соответственно делается акцент на том, что при их использовании нужно обратить внимание также на формирование характеристик, вносящих вклад в развитие социальных связей, а тем самым и «в социальную устойчивость» региона, страны [Сорокин, Попова 2022, с. 162]. Отсюда представляется уместной предлагаемая авторами широкая трактовка человеческого капитала (Э. Тан и др.) как совокупности характеристик, позволяющих «человеку быть успешным в экономическом и более широком социальном понимании...» [Сорокин, Попова 2022, с. 160].

Наиболее полное раскрытие человеческого потенциала предполагает совершенствование *качества жизни населения*. Тем самым обнаруживается тесная связь названных концепций.

Формирование теории качества жизни началось в 1960–1970-е гг. в связи со стремлением разрешить противоречие между расширяющимся производством и степенью удовлетворенности человеком реализацией своих интересов, способностей. Исследователи стараются охватить вниманием различные стороны его жизнедеятельности, не ограничиваясь изучением удовлетворения материальных потребностей. Ими выделяются объективные и субъективные показатели качества жизни. Первые (Д. Белл и др.) связаны с теми, что могут быть измеренными – начиная от климатических условий проживания,

⁴ См.: Принципы Стратегии экономического развития России до 2035 года.

уровня обеспеченности учреждениями здравоохранения, образования, культуры и заканчивая индикаторами загрязнения окружающей среды, уровня безработицы. Вторые выражаются в субъективном восприятии человеком своего благополучия (А. Кэмпбелл) – в том, что обозначается как уровень счастья. Он может быть также обусловлен содержанием труда, морально-психологическим климатом в коллективе, возможностями реализации творческих способностей и интересов, формированием чувства места, региональной идентичности.

В нашей стране задачи повышения уровня и качества жизни населения, по сути, положены в основу Указа Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 г. (№ 474), причем социальные проекты продолжают реализовываться в нынешних непростых условиях. Обращается внимание и на многоуровневость проблемы, поскольку условия жизни в регионах различаются. Об этом свидетельствуют рейтинговые показатели, расходящиеся в крайних позициях почти в 3,5 раза (что ведет к утере человеческого капитала рядом субъектов РФ).

Таблица 1

Рейтинг регионов РФ по качеству жизни, 2022⁵

№	Регионы-лидеры			Регионы-аутсайдеры	
	Регион	Рейтинговый балл		Регион	Рейтинговый балл
1	Москва	82,999	79	Республика Алтай	35,387
2	Санкт-Петербург	82,307	80	Карачаево-Черкесская Республика	35,112
3	Московская область	78,195	81	Республика Бурятия	34,543
4	Республика Татарстан	72,113	82	Забайкальский край	31,957
5	Краснодарский край	71,186	83	Еврейская автономная область	31,684
6	Белгородская область	66,760	84	Республика Ингушетия	31,271
7	Ленинградская область	65,075	85	Республика Тыва	23,758

⁵ См.: Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2022 // РИА новости. 13.02.2023. URL: https://ria.ru/20230213/kachestvo_zhizni-1850749274.html (дата обращения 15 октября 2023).

В связи с этим Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (от 13 февраля 2019 г., № 207-р) проводятся идеи преодоления различий и укрепления каркаса Российского государства с помощью сети дорог и коммуникаций. Особенно важным – в контексте новой индустриализации – представляется улучшение качества жизни в промышленных нестоличных городах.

Совершенствование человеческого капитала и качества жизни становятся «определяющими характеристиками устойчивости социально-экономического развития страны...» [Исаева 2011, с. 3]. Суть *концепции устойчивого развития* (Г. Галлопин, Д. Диксон, В.А. Коптюг, Д. Медоуз, Д. Пирс и др.) изначально (в 1990-е гг.) заключалась в признании важности, наряду с достижением стабильного экономического роста, решения экологических, социально-демографических задач стран, регионов, городов. Позже трактовка основных положений концепции варьировалась в разных государствах, в зависимости от позиции конкретных исследователей. Так, Л.И. Абалкин (как и О.С. Пчелинцев, Т.И. Трубицына) подчеркивал необходимость достижения национальной и экономической безопасности страны [Абалкин 2004, с. 4] как необходимой составляющей устойчивого развития. То есть в качестве объединяющей широкий комплекс идей формулируется важная для государства цель поддержания работоспособности всей социально-экономической системы. И это, на наш взгляд, особенно значимо в контексте крайней турбулентности нынешних внешнеэкономических условий.

Названная теория важна на современном этапе, поскольку в ней делается акцент на сбалансированности экономического развития и решении политических, социокультурных, экологических проблем. Поэтому применение ее основных положений в территориальных стратегиях будет способствовать комплексному их решению. В частности, исследователями подчеркивается значимость реализации ведущими предприятиями промышленных городов программ корпоративной социальной ответственности [Социальная устойчивость 2018, с. 67–104] (А. Керолл, М. Портер и М. Крамер и др.). В связи с этим отметим, что в России в Топ-50 компаний, уделяющих внимание устойчивому развитию, в числе первых попали: «Фосагро», «НЛМК», «Полиметалл», «АЛРОСА», «Норникель» и др.

Таблица 2

Рейтинг компаний по практикам устойчивого развития (№ 1–10), 2023⁶

№	Компания	Оценка	№	Компания	Оценка
1	МТС	235,63	6	Полиметалл	148,08
2	Фосагро	179,56	7	АЛРОСА	147,39
3	НЛМК	174,16	8	Норильский никель	144,63
4	Аэрофлот	160,49	9	Московский кредит. банк	144,30
5	Яндекс	150,86	10	Северсталь	141,75

Заключение

Проведенное исследование подтвердило тесную взаимную связь четырех выделенных концепций. Они сконцентрированы на Человеке, который мыслится как источник и цель социально-экономического развития. Анализ показал сохраняющуюся актуальность концепций для осмысления происходящих в России процессов, достижения более высокого по сравнению с предыдущим функционального состояния ее экономики. Некоторые их положения могут быть, однако, скорректированы в соответствии с нынешними приоритетами экономической политики страны. Это будет способствовать и развитию самих данных теорий.

Применительно к нынешним условиям России выявлены:

1) необходимость уточнения основных положений концепции инновационного развития, а именно признание важности на современном этапе поддержки со стороны государства обновления основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности путем предоставления им льготных кредитов, инвестиционного стимулирования и государственных гарантий, особенно по проектам импортозамещения;

2) важность выделения среди определяющих характеристик человеческого капитала, помимо артикулируемых основоположниками данной теории (связанных с уровнем образования и компетенций), также тех, что направлены на развитие способности личности к социальной солидарности и взаимодействию;

⁶ См.: Топ-50 компаний, права человека и D&I // RAEX. 17.07.2023. URL: https://raex-rr.com/ESG/ESG_companies/human_rights/2023/analytics/ESG_human_rights/ (дата обращения 15 октября 2023).

3) значимость теории качества жизни для определения целевых показателей развития территорий РФ, в особенности промышленных городов, достижение которых является условием сохранения в них и наиболее полной реализации человеческого потенциала;

4) возможности использования в практике регионального управления теории устойчивого развития, открывающей пути достижения баланса роста производства и совершенствования человеческих ресурсов посредством расстановки приоритетов, применения комплексного стратегического подхода и новых управленческих технологий.

Литература

- Абалкин 2004 – *Абалкин Л.И.* Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 2004. № 12. С. 4–13.
- Исаева 2011 – *Исаева Т.Н.* Качество жизни населения в условиях модернизации экономики: Автореферат ... канд. экон. наук. М., 2011. 23 с.
- Князев 2020 – *Князев Ю.К.* Основные направления социально-экономической стратегии «Россия – 2030» // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2020. № 3. С. 23–37.
- Сорокин, Попова 2022 – *Сорокин П.С., Попова Т.А.* Качество человеческого капитала – ответ на вызовы социальной политики в условиях деструктуризации // Журнал исследований социальной политики. 2022. № 20 (1). С. 157–168. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-1-157-168.
- Социальная устойчивость 2018 – Социальная устойчивость регионов российского Севера и Арктики: оценка и пути достижения / Под науч. ред. Л.А. Рябовой. Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2018. 169 с.
- Сухарев 2023 – *Сухарев О.С.* Модели индустриализации при накопительном эффекте экономической политики, проводимой в России // Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление. Право. 2023. № 2. С. 42–68. DOI: 10.28995/2073-6304-2023-2-42-68.
- Becker 1964 – *Becker G.S.* Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. N.Y.: National Bureau of Economic Research; distributed by Columbia University Press, 1964. 187 p.

References

- Abalkin, L.I. (2004), “Economic security of Russia. Threats and their reflection”, *Voprosy Ekonomiki*, no. 12, pp. 4–13.
- Becker, G.S. (1964), *Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education*, National Bureau of Economic Research; distributed by Columbia University Press N.Y., USA.

- Isaeva, T.N. (2011), *Quality of life of the population in the context of the economy modernization*, Abstract PhD dissertation, Moscow, Russia.
- Кныазев, Ю.К. (2020), "Main directions of a social-economic strategy 'RUSSIA-2030'", *ЕТАР: Economic Theory, Analysis and Practice*, no. 3, pp. 23–37.
- Ryabova, L.A. (ed.) (2018), *Social sustainability of the Russian North and Arctic regions. Assessment and ways to achieve*, FITs KNTs RAN, Apatites, Russia.
- Sorokin, P.S. and Popova, T.A. (2022), "Human capital qualities in responding to challenges for social policy in the context of de-structuration", *The Journal of Social Policy Studies*, no. 20 (1), pp. 157–168. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-1-157-168.
- Sukharev, O.S. (2023) "Models of industrialization with the cumulative effect of the economic policy pursued in Russia, *RSUH/RGGU "Bulletin. Economics. Management. Law" Series*, no. 2, pp. 42–68. DOI: 10.28995/2073-6304-2023-2-42-68.

Информация об авторе

Михаил А. Макаров, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; 420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, д. 18; makarov.mikhail98@gmail.com

Information about the author

Mikhail A. Makarov, postgraduate student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; bld. 18, Kremlevskaya Street, Kazan, Russia, 420008; makarov.mikhail98@gmail.com

Уголовная ответственность за преступления против собственности в законодательстве Турецкой Республики: сравнительно-правовой анализ

Илья В. Никитенко

*Дальневосточный юридический институт МВД России
Хабаровск, Россия, dfvni@mail.ru*

Наталья В. Подгорная

*Дальневосточный юридический институт МВД России
Хабаровск, Россия, dfvni@mail.ru*

Аннотация. Проведен компаративистский анализ положений турецкого и российского уголовного законодательства, на основании чего сделан ряд авторских выводов об особенностях законодательного конструирования исследуемых преступлений. В статье рассмотрены особенности уголовного законодательства Турецкой Республики, устанавливающие ответственность за преступления против собственности. В отличие от Российской Федерации, в Турецкой Республике источником уголовного права, помимо уголовного кодекса, выступают и другие специальные законы, содержащие уголовно-правовые нормы. Анализируются особенности уголовного законодательства Турецкой Республики, как в целом, так и отдельных норм, устанавливающих ответственность за преступления против собственности. Рассмотрена систематизация и виды преступлений против собственности. Изучение проблем уголовно-правовой оценки преступлений против собственности позволило раскрыть особенности квалификации преступлений против собственности. Сравнительный анализ уголовно-правовых конструкций ответственности за хищение в уголовном законодательстве Турецкой Республики имеет несколько иные представления о той либо иной форме хищения, чем уголовное законодательство Российской Федерации. В статье проанализированы отягчающие и смягчающие ответственность обстоятельства кражи, значение конкретизации условия и места совершения краж, а также некоторые имеющие квалифицирующее значение признаки самих предметов хищений.

Ключевые слова: грабеж, кража, мошенничество, преступления против собственности, разбой, УК РФ, уголовное законодательство Турции, хищение

Для цитирования: Никитенко И.В. Подгорная Н.В. Уголовная ответственность за преступления против собственности в законодательстве Турецкой Республики: сравнительно-правовой анализ // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2024. № 1. С. 122–130. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-122-130

Criminal liability for offences against property in the legislation of the Republic of Turkey. Comparative legal analysis

И'ya V. Nikitenko

*Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Khabarovsk, Russia, dfvni@mail.ru*

Natal'ya V. Podgornaya

*Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Khabarovsk, Russia, dfvni@mail.ru*

Abstract. A comparative analysis of the provisions of Turkish and Russian criminal legislation was carried out, on the basis of which a number of author's conclusions were made about the specifics of the legislative construction of the crimes under study. The article considers the features of the criminal legislation of the Turkish Republic, establishing the liability of criminals against property. Unlike the Russian Federation, the Republic of Turkey, in addition to the Criminal Code, applies other special laws containing criminal law norms. The features of the criminal legislation of the Turkish Republic are analyzed, both in general and in individual norms establishing liability for crimes against property. The systematization and types of crimes against property are considered. The study of the issues of criminal – legal assessment regarding crimes against property made it possible to reveal the features of the qualification of crimes against property. A comparative analysis of the criminal legal structures of liability for theft in the criminal legislation of the Turkish Republic has somewhat different ideas about this or that form of theft than the criminal legislation of the Russian Federation. The article analyzes aggravating and mitigating circumstances of theft, the importance of specifying the conditions and place of the theft, as well as some qualifying signs of the items of theft themselves.

Keywords: pillage, theft, fraud, crimes against property, robbery, Criminal Code of the Russian Federation, Turkish criminal legislation, theft

For citation: Nikitenko, I.V. and Podgornaya, N.V. (2024), "Criminal liability for offences against property in the legislation of the Republic of Turkey. Comparative legal analysis", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 1, pp. 122-130, DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-122-130

Анализ положений законодательства Турецкой Республики об уголовной ответственности за преступления против собственности вызывает интерес у научной юридической общественности¹ [Биебаева 2015; Далгалы 2019; Додонов 2020; Федоров 2023; Ярошенко 2020].

Краткий компаративный анализ положений уголовного законодательства Турецкой Республики об ответственности за преступления против собственности целесообразно начать с особенностей систематизации данной отрасли турецкого законодательства в целом.

Известно, что уголовное право Турецкой Республики часто рассматривают в качестве типичного представительства «Континентальной системы права», что, вероятно, не лишено оснований. Однако очевидно и то, что в уголовном законодательстве этого государства встречаются некоторые правовые особенности, напоминающие законодательное оформление судебных прецедентов, а также положений, взятых из «законов Шариата», что, вероятно, является результатом эволюции права под влиянием различных правовых систем в разные исторические периоды [Никитенко, Подгорная 2022].

Одной из характерных особенностей уголовного законодательства Турции является ее трехкнижная структура. В частности, первая книга посвящена общим положениям, которые определяют принципиальные начала, основание и условия уголовной ответственности, а также очерчивает временные и пространственные пределы действия уголовного закона, раскрывает преступность и наказуемость и содержит в себе основания освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Содержание второй книги составляют «Специальные положения», которые посвящены описанию отдельных составов преступлений и соответствующих им мерам уголовной ответственности.

Третья книга включает в себя нормы, которые устанавливают ответственность за уголовно-правовые проступки.

Отметим, что преступлениям против собственности посвящается десятый раздел второй книги, включающий в себя 9 глав.

Преступлениям против собственности посвящен раздел 10 Книги второй, который состоит из девяти глав (рис. 1)²:

¹ Уголовное право зарубежных государств: Учеб. / Под ред. А.А. Арямова. М.: КноРус, 2018. 328 с.

² Уголовный кодекс Турецкой Республики (принят Великим Национальным Собранием Турции 1 марта 1926 г.) / Пер. с тур. Н. Сафарова и Х. Бабаева; Науч. ред. и предисл. доктора права Х. Аджара. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 375 с.

Преступления против собственности (раздел X Кн. 2)

Глава 1 – Кража (ст. 491–494)

Глава 2 – Грабеж, разбой
и похищение людей (ст. 451–502)Глава 3 – Мошенничество
и банкротство (ст. 503–507)Глава 4 – Злоупотребление
доверием (ст. 508–511)Глава 5 – Приобретение
и сокрытие предметов, добытых
преступным путем (ст. 512)Глава 6 – Незаконное
проникновение в чужое владение
(ст. 513–515)Глава 7 – Повреждение чужого
имущества (ст. 516–521)Глава 8 – Неоплата слуги
(ст. 521/а–521/б)Глава 9 – Общие положения,
применимые к предыдущим
главам (ст. 522–525)

Рис. 1. Преступления против собственности

Книга третья, как отмечалось, содержит юридические составы так называемых проступков, включая уголовно-правовых деликты, имеющие некоторое формальное сходство с нормами о преступлениях против собственности.

Однако известно, что уголовно-правовые проступки не причиняют столь значительного вреда общественным отношениям, в силу чего не обладают такой повышенной степенью общественной опасности, как преступления. В этой связи ответственность за подобные уголовно-правовые деликты значительно ниже, и так как тема данной работы акцентирована именно на преступлениях против собственности, то имеющие схожие признаки проступки не вошли в предмет этого исследования³.

Одной из характерных особенностей уголовного законодательства Турции является то, что уголовно-правовые нормы,

³ Правовая система Турции. URL: <https://ru.goc.gov.tr/kurumlar/ru.goc/brosurler/HUKUK-ve-ADALET-Rusc%CC%A7a.pdf> (дата обращения 29 ноября 2023).

содержащие описание юридических составов тех или иных преступлений, не имеют заглавных названий, как это принято в большинстве стран, законодательства которых построены на принципах, характерных для континентальной системы права⁴. Не являются исключением и нормы, устанавливающие ответственность за исследуемые в настоящей статье преступления.

Особенностью турецкого законодательства является расположение норм об ответственности за преступления против собственности, которые составляют группы статей, соединенные в отдельные главы. Вероятно, что в основу подобной систематизации положена не общность объектов уголовно-правовой охраны, как это принято в отечественном законодательстве, а скорее признаки объективной стороны самих деяний.

Так, глава, посвященная «Краже», состоит из трех самостоятельных статей, а глава о «Мошенничестве и банкротстве» – из четырех; глава, регламентирующая ответственность за повреждение чужого имущества включает в себя пять статей и т. д.

Между тем можно отметить схожесть с российским законодательством в структуризации норм об ответственности за преступления против собственности в части объединения глав в разделы, которые выделены на основании объектов уголовно-правовой охраны.

Сравнивая уголовно-правовые конструкции ответственности за хищение, целесообразно отметить, что турецкий законодатель имеет несколько иные представления о той либо иной форме хищения, чем отечественный законодатель.

Так, в части 1 ст. 491 УК Турции содержится уголовно-правовая дефиниция, посвященная описанию основного состава преступления – «Кражи», который имеет принципиальные различия с определением этого преступления в УК РФ. Согласно турецкому законодательству,

Лицо, взявшее с целью приобретения выгоды чужое движимое имущество, без согласия собственника, наказывается заключением на срок от шести месяцев до трех лет.

Укажем также на то, что, согласно турецкому уголовному законодательству, в состав движимого имущества включены и любые виды энергоносителей, которые имеют ценностное выражение.

⁴ Нормативные правовые акты Турецкой Республики. URL: <https://akkuuyu.com/ru/company/corruption/tr> (дата обращения 22 ноября 2023).

Можно предположить, что, согласно турецкому законодательству, ущерб, причиняемый собственнику средств энергогенерации путем незаконного получения и использования вырабатываемой и доставляемой потребителям электрической либо тепловой энергии, надо квалифицировать как хищение (кражу) такой энергии.

Известно, что, согласно уголовному праву России, энергия, как материальная и имеющая определенную ценность субстанция, все же не отвечает тем материальным признакам, которыми обладают предметы любой из известных форм хищения. Данное обстоятельство влияет на уголовно-правовую оценку подобных преступлений, квалифицируемых по ст. 165 УК РФ, а при отсутствии достаточного для криминализации подобных деяний ущерба предусмотрена административная ответственность по ст. 7.19 КоАП РФ либо гражданская ответственность по ст. ст. 539, 544 ГК РФ.

Одной из особенностей уголовного законодательства Турции относительно правовой регламентации ответственности за кражу является множественная конкретизация различныхотягчающих или смягчающих ответственность обстоятельств, которые могут сопровождать подобную форму хищения. Проводя аналогии и различия с отечественным законодательством, следует признать, что УК РФ в сравнении с УК Турции максимально унифицирован, называя лишь наиболее общие квалифицирующие признаки, описываемые в соответствующих частях ст. 158 УК РФ.

Вместе с тем в российском законодательстве есть отдельная статья, положением которой определена уголовная ответственность за кражу в условиях так называемой административной преюдиции – ст. 158.1 УК РФ.

Среди признаков, отягчающих ответственность за кражу в уголовном законодательстве Турецкой Республики, называются:

- кража государственного либо общественного имущества;
- кража имущества, которое находится под какой-либо охраной в силу доверительного отношения;
- кража с проникновением на охраняемую территорию;
- кража в отношении животных, которые находятся в местах их содержания⁵.

Кроме этого, в заключительном абзаце ст. 491 УК Турции содержится описание условий совершения кражи при соучастии, что, вероятно, соответствует такому квалифицирующему

⁵ Уголовный кодекс Турецкой Республики...

признаку, как кража, совершенная группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой. Между тем в исследуемой норме турецкого законодательства данная дефиниция изложена в отличной от УК РФ формулировке, а именно – «деяния, предусмотренные в настоящей статье двумя или более лицами совместно, или при их совершении налицо два или более случая, указанных в данной статье».

Примечательно и то, что, согласно УК Турции, в ст. 491 наряду с основным составом кражи изложены наиболее общие квалифицирующие признаки, отягчающие уголовную ответственность, в положениях ст. 492 содержатся их конкретизации или более развернутые толкования.

Так, например, размеры наказаний увеличиваются если:

- кража была совершена в ночное время из помещений собственника;
- совершена кража опечатанного имущества (при этом опечатано оно должно быть либо в силу указания закона либо по правительственному распоряжению);
- совершена кража того имущества, предназначение которого заключается в устранении либо уменьшении последствий бедствий масштабного характера либо катастроф;
- кража имущества, которое имеет ритуальное значение в местах захоронений либо имущества внутри захоронений;
- кража ритуальных предметов в местах, которые предназначены для исповедания религиозных культов (например, храмы и специальные места для молитв);
- кража имущества, включая деньги, которое принадлежит пассажирам транспорта, либо совершена на объектах транспортной инфраструктуры;
- карманная кража;
- кража в отношении дров, лесоматериалов либо сельскохозяйственной продукции, находящихся непосредственно в местах их заготовки;
- кража в отношении животных, находящихся в специально оборудованных местах или помещениях⁶.

Таким образом, турецкий законодатель конкретизирует условия и места совершения краж, а также некоторые имеющие квалифицирующее значение признаки самих предметов хищений.

Сравнивая эти квалифицирующие признаки с уголовно-правовыми средствами противодействия кражам в отечествен-

⁶ Уголовный кодекс Турецкой Республики...

ном законодательстве, целесообразно отметить, что «имущество, погребенное с умершим», не может рассматриваться в качестве предмета любой из известных форм хищения, так как считается безвозвратно изъятым из гражданского оборота и не является чьей-либо собственностью. Извлечение же подобного имущества из захоронения в целях последующего присвоения следует квалифицировать как преступления против общественной морали и нравственности, предусмотренные при наличии соответствующих признаков ст. ст. 243.2, 243.4 или ст. 244 УК РФ. Однако так называемая «карманная кража» предусмотрена п. (г), ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Иные предусмотренные УК Турции отягчающие уголовную ответственность обстоятельства, согласно УК РФ, не имеют квалифицирующего значения либо могут стать основанием для квалификаций по совокупности преступлений.

Подводя итог, целесообразно отметить, что уголовное законодательство Турецкой Республики относительно правовой регламентации ответственности за преступления против собственности в общем и целом сопоставимо с соответствующими правовыми институтами в России, хотя и имеет ряд принципиальных отличий, которые обусловлены национальными правовыми традициями и влиянием зарубежных правовых систем в процессе становления и эволюции.

Литература

- Биебаева 2015 – *Биебаева А.А.* Меры безопасности в уголовном праве Турции // *Право и государство.* 2015. № 4 (69). С. 36–39.
- Далгалы 2019 – *Далгалы Т.А.* Покушение на преступление в уголовном праве Турции // *Вопросы российского и международного права.* 2019. Т. 9. С. 212–217.
- Додонов 2020 – *Додонов В.Н.* Сравнительное уголовное право. Общая часть: Монография / Под общ. науч. ред. С.П. Щербы. М.: Юрлитинформ, 2020. 448 с.
- Никитенко, Подгорная 2022 – *Никитенко И.В., Подгорная Н.В.* Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности в уголовном законодательстве некоторых стран Ближневосточного региона и Центральной Азии // *Вестник Дальневосточного юридического института МВД России.* 2022. № 4 (61). С. 54–60.
- Федоров 2023 – *Федоров А.В.* Уголовная ответственность юридических лиц в Турции // *Российский следователь.* 2023. № 4. С. 63–68. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-4-63-68.

Ярошенко 2020 – Ярошенко О.Н. Особенности уголовного законодательства Турции, Таиланда, Китайской Народной Республики и Японии, регулирующего преступления против общественной нравственности // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 3. С. 126–129.

References

- Biebaeva, A.A. (2015), “Security measures in the criminal law of Turkey”, *Law and State*, no. 4 (69), pp. 36–39.
- Dalgaly, T.A. (2019), “Attempted crime in Turkish criminal law”, *Matters of Russian and International Law*, vol. 9, iss. 9A, pp. 212–217.
- Dodonov, V.N. (2020), *Sravnitel'noe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': Monografiya* [Comparative criminal law. General part, monograph], Shcherba, S.P. (ed.), Yurlitinform, Moscow, Russia.
- Fedorov, A.V. (2023), “Criminal liability of legal entities in Turkey”, *Russian investigator*, no. 4, pp. 63–68, DOI: 10.18572/1812-3783-2023-4-63-68.
- Nikitenko, I.V. and Podgornaya, N.V. (2022), “Crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual in the criminal legislation of some countries of the Middle East region and Central Asia”, *Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 4 (61), pp. 54–60.
- Yaroshenko, O.N. (2020), “Features of the criminal legislation of Turkey, Thailand, the People’s Republic of China and Japan, regulating crimes against public morals”, *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, no. 3, pp. 126–129.

Информация об авторах

Илья В. Никитенко, доктор юридических наук, профессор, Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск, Россия; 680020, Россия, Хабаровск, Казарменный переулок, д. 15; dfvnii@mail.ru

Наталья В. Подгорная, Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск, Россия; 680020, Россия, Хабаровск, Казарменный переулок, д. 15; dfvnii@mail.ru

Information about the authors

Ilya V. Nikitenko, Dr. of Sci. (Law), professor, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk, Russia; bld. 15, Kazarmenny Lane, Khabarovsk, Russia, 680020; dfvnii@mail.ru

Natalya V. Podgornaya, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk, Russia; bld. 15, Kazarmenny Lane, Khabarovsk, Russia, 680020; dfvnii@mail.ru

Конкуренция и монополизация в банковском секторе современной России

Станислав В. Тимофеев

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, timofeev@rggu.ru*

Аннотация. В статье анализируется современное состояние в банковском секторе с позиций наличия конкуренции среди действующих кредитных организаций. Затрагиваются аспекты деятельности Центрального банка Российской Федерации по поддержанию конкуренции. Приводится статистика, показывающая, что на долю крупнейших банков приходится подавляющее количество ресурсов и клиентов, что, по сути, может характеризовать отечественный банковский сектор как олигополию. Рассматриваются положительные и отрицательные аспекты преобладания на российском рынке банков-гигантов, приводятся аргументы против существующей ситуации и за нее. Уделяется внимание перспективным инициативам Банка России по снижению монополизации рынка, в частности вопросам создания регионального банка как нового вида кредитной организации с уменьшенным количеством обязательных нормативов. Анализируются положительные эффекты данной инициативы для регионов.

Отдельно рассматриваются вопросы конкуренции в сфере предоставления программного обеспечения и ИТ-продуктов для рынка банковских услуг в разрезе современного состояния санкционных ограничений. Делается вывод, что отечественная ИТ-индустрия вышла на новый качественный уровень развития, несмотря на отток ИТ-специалистов в 2022 году.

Ключевые слова: Банк России, Центральный банк Российской Федерации, банк, кредитная организация, банковский сектор, рынок финансовых услуг, конкуренция, монополия

Для цитирования: Тимофеев С.В. Конкуренция и монополизация в банковском секторе современной России // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2024. № 1. С. 131–142. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-131-142

Competition and monopolization in the banking sector of modern Russia

Stanislav V. Timofeev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, timofeev@rggu.ru

Abstract. The article analyzes the current state of the banking sector from the standpoint of competition among existing credit institutions. It touches upon aspects of the activities of the Central Bank of the Russian Federation to maintain competition. Statistics are given showing that the largest banks account for the vast majority of resources and customers, which, in fact, can characterize the national banking sector as an oligopoly. The positive and negative aspects of the dominance of giant banks in the Russian market are considered, arguments are given against the current situation and for it. Attention is paid to the promising initiatives of the Bank of Russia to reduce the monopolization of the market, in particular, the creation of a regional bank as a new type of credit institution with a reduced number of mandatory ratios. The positive effects of the initiative for the regions are analyzed. Separately, the issues of competition in the provision of software and IT products for the banking services market are considered in the context of the current state of sanctions restrictions. It is concluded that the Russian IT industry has reached a new qualitative level of development, despite the outflow of IT specialists in 2022.

Keywords: Bank of Russia, Central Bank of the Russian Federation, bank, credit institution, banking sector, financial services market, competition, monopoly

For citation: Timofeev, S.V. (2024), "Competition and monopolization in the banking sector of modern Russia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 1, pp. 131-142, DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-131-142

Введение

Споры относительно монополии в отечественном банковском секторе ведутся довольно давно. Однако мнения правоведов и экономистов относительно данного явления в финансовой сфере начали меняться после так называемой чистки банковского сектора, которую провел Банк России в 2015–2017 гг. для выявления неблагонадежных кредитных организаций. Если до 2014 г. преобладало мнение, что государственная поддержка и активные преференции для некоторых банков (Сбербанк, ВТБ и др.) являются негативным явлением на финансовом рынке России, то после известных обстоятельств, вызванных санкционным давлением западных стран, стало распространяться

мнение, что банковский сектор смог сохранить устойчивость именно из-за наличия системно-значимых кредитных организаций. Однако консенсуса по данному вопросу нет, и определенная монополизация на рынке банковских услуг является нашей объективной реальностью.

Согласно аналитическим данным ЦБ РФ, в основном закрывались банки, которые оказывали услуги в регионах. Причин этому можно выделить несколько, и, наряду с откровенно спекуляционными операциями на росте курса валют, можно отметить чисто экономические причины, которые, в частности, рассматриваются в статье А.В. Осиповской [Осиповская 2021, с. 111–122].

Результатом эффективной работы Банка России по регулированию и контролю является количество банков, лишившихся лицензии из-за многочисленных нарушений законодательства (рекордным периодом являлся 2015 год – отозвано 93 и аннулировано 11 лицензий). На территории РФ только за четыре года количество банков снизилось с 440 до 330 (или в 1,4 раза). Политика сокращения направлена на удаление с финансового поля банков с недостаточным капиталом и уличенных в сомнительных сделках. Ряд небольших банков объединяются на добровольной основе с целью соответствия новым регулятивным требованиям. Количество банков за 12 лет сократилось в 3,2 раза (в 2010 г. в России насчитывалось 1058 кредитных организаций, по состоянию на конец 2022 г. – 330).

Стоит отметить, что для крупных и значимых банков, имеющих признаки нестабильности, Банк России через созданный в 2017 г. Фонд консолидации банковского сектора активно применяет процедуры финансового оздоровления.

Основная часть

Для исследования заявленной темы необходимо в нескольких словах охарактеризовать сущность такого явления, как конкуренция. В науке существует множество подходов к данному вопросу. По мнению У.Ж. Алиева, конкуренцию можно рассматривать как некое равнение на других, она носит соревновательный характер [Алиев, Шимшиков 2014, с. 14]. Американские исследователи К. Макконнелл, С. Брю касаются вопроса конкуренции, не затрагивая рыночных отношений¹. Некоторые

¹ Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика: Учеб. М., 1992. 400 с.

ученые (М.Г. Ермолов, Р.А. Набиев) считают важным определить некоторые компоненты явления конкуренции. В первую очередь, это рыночное соперничество, и оно формирует изменение различных условий в хозяйственной и рыночной сферах. В результате обеспечивается полезное соперничество организаций, принуждая их подстраиваться под существующие условия. Н.К. Савельева формулирует тезис о том, что конкуренция – важный компонент рынка и его механизма, он позволяет участникам взаимодействовать, создает нужные и важные условия для капитальных вложений. Это некий рычаг, который позволяет формировать пропорции в экономике, а также приносит пользу для ее функционирования [Савельева 2020, с. 11]. Вышеприведенные толкования позволяют сделать вывод, что нет единого понимания конкуренции. Каждый подход весьма разнообразно рассматривает данный термин.

Если вопрос касается финансового рынка, то здесь конкуренцию можно рассматривать как соперничество между организациями, которые оказывают финансовые услуги. Формирование и создание комфортной рыночной атмосферы с возможностью конкуренции – это цель Банка России. Рынку финансовых услуг необходимо появление новых субъектов в сфере финансовой деятельности, а также повышение доступности и качества услуг в отношениях с клиентами.

Начиная с 2013 г. Банк России меняет свой правовой статус, он становится «мегарегулятором». Это означает, что Банк России отвечает за надзор, регулирование и развитие во всех секторах финансового рынка: банковской системы, страхового сектора, коллективных инвестиций и пенсионных накоплений, рынке ценных бумаг, микрофинансировании. А также отвечает за инфраструктуру финансового рынка – деятельность рейтинговых агентств, бирж, депозитариев и других участников². Деятельность и политика Банка России привела к высокому уровню концентрации отдельных банков по основным показателям, а также к увеличению доли участия государства на финансовом рынке.

В настоящее время отечественным банкам необходимо удерживать ключевых клиентов, так как конкуренция присутствует и нарастает. В случае потери основных клиентов банку необходимо усиливать свое влияние там, где еще есть потенциальные клиенты. Банк для этого меняет свои ориентиры, пы-

² Банк России. Официальный сайт. URL: <https://cbr.ru/develop/> (дата обращения 5 мая 2023).

тается завоевать новые ниши для своего влияния. Желательно те ниши, которые минимально освоены остальными кредитными организациями. При этом важную роль играет факт наличия на рынке тех банков, которые имеют государственную поддержку, в первую очередь это Сбербанк. Этот банк имеет превосходство над остальными конкурентами, так как изначально имел более привилегированные условия. В качестве основной деятельности Сбербанка выступает ряд следующих операций:

- проведение операций на финансовом рынке с ценными бумагами и иностранными валютами;
- проведение операций с розничными клиентами: услуг, связанных с принятием средств в состав вкладов и ценных бумаг банка; услуг по кредитованию, обслуживанию банковских карт; проведению расчетов с драгоценными металлами, денежными переводами; услуг по хранению ценностей и иного.

Сбербанк для розничных клиентов предлагает достаточно широкую линейку банковской продукции и услуг при включении депозитов, различных видов кредитования (потребительских кредитов, автокредитов и ипотечных кредитов), банковских карточек, денежных переводов, банковского страхования и брокерских услуг. Занимается обслуживанием всех групп корпоративных клиентов. Банк также может предложить осуществление депозитных, расчетных услуг, проектного, торгового и экспортного финансирования, услуг по управлению финансовыми ресурсами и так далее.

Учитывая вышеперечисленные преимущества, анализ показателей Сбербанка выявил, что в 2021 г. сумма нераспределенной прибыли составляла 5 200,3 млрд рублей, чистая прибыль – 1237,1 млрд рублей, или рост в 1,7 раза по сравнению с 2020 г.³ В 2022 году чистая прибыль Сбербанка по МСФО составила 270,5 млрд руб., сообщила пресс-служба кредитной организации. По сравнению с 2021 г., когда «Сбер» заработал 1,25 трлн руб., финансовый результат упал в 4,6 раза. После начала военной операции на Украине в феврале 2022 г. российские банки не публикуют формы отчетности по национальным и международным стандартам. «Сбер» начал раскрывать основные бизнес-показатели по РСБУ в ноябре 2022 г. Теперь он представил результаты по МСФО в сокращенном виде. Как

³ Информационно-аналитические материалы Сбербанка России. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/sberbank-podvel-itogi-2021-goda> (дата обращения 5 мая 2023).

следует из сокращенного отчета, в 2022 г. чистые процентные доходы Сбербанка составили 1,87 трлн руб., что на 6,6% превышает результат 2021 г. Чистые комиссионные доходы за тот же период выросли на 15,4%, до 697,1 млрд руб. Эти две доходные статьи принесли «Сберу» 2,57 трлн руб.⁴

Банк России устанавливает для финансовых организаций нормативные показатели финансовой устойчивости (т. е. способности для расчета по собственным обязательствам), в результате несоблюдения которых под угрозу ставится функционирование финансовой организации. Сбербанк на протяжении продолжительного периода осуществляет успешное исполнение норматива достаточности собственных ресурсов.

Следует отметить, что, несмотря на широкую линейку предлагаемых продуктов и услуг, удобство пользования и лояльность к клиентам, банковскую систему РФ нельзя отнести к одной из наиболее прогрессивных банковских систем развивающихся рынков. Связано это с тем, что уровень финансовых активов по отношению к ВВП в РФ пребывает в положении довольно низких значений и составляет в первом полугодии 2022 г. только 5%, что на 7,6 процентных пункта ниже первого полугодия 2021 г.⁵ Главными факторами, повлиявшими на значительное снижение показателя, явились последствия, связанные с ограничением доступа к международному финансовому рынку, замораживанию российских активов за рубежом и падением рынка акций.

В настоящее время конкуренция стала видоизменяться, приобретать новые формы взаимодействия. Появляются отношения на выгодных условиях для финансовых посредников. Основная движущая сила – современные технологии, которые являются отличным инструментом для развития и продвижения любых услуг, в том числе банковских.

Каждый банк стремится создать уникальную собственную техническую систему (например, клиент-банк, мультисервисный терминал и др.) для независимого функционирования, тем самым добросовестно конкурируя с иными кредитными организациями в борьбе за привлечение клиентов. Использование

⁴ URL: <https://www.rbc.ru/finances/09/03/2023/640989809a79477fb43c6569?ysclid=lhoqw0dhgw690591430>

⁵ Информационно-аналитические материалы Банка России. URL: <http://cbr.ru> Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов (разработаны Банком России) (дата обращения 5 мая 2023).

собственной технической базы представляется наиболее эффективным механизмом достижения конкретных результатов, даже в кратчайшие сроки. Неким толчком для цифрового развития и активного внедрения онлайн-сервисов стала пандемия и ковидные ограничения. В таких условиях банки были вынуждены искать различные решения и способы продвижения своих финансовых продуктов. С одной стороны, это была вынужденная необходимость, но с другой – уровень комфорта для пользователей услуг повысился в разы. Взаимосвязь с банком стала значительно проще. Появилась новая возможность – находиться с клиентом в постоянной взаимосвязи (онлайн-чат, чат-бот).

Представляется, что Банк России начал принимать меры, чтобы снизить монополизацию отдельными банками рынка в связи с наличием у него доступа к административным ресурсам государства либо иных преференций. Центральный банк запустил несколько революционных программ: система быстрых платежей (СБП), цифровой профиль, собственный маркетплейс – это те условия, которые могут уравнивать шансы различных кредитных организаций в банковском секторе.

Как указывалось выше, во время ковидных ограничений банкам пришлось приложить намного больше усилий для работы с имеющимися клиентами и для привлечения новых. Значительно возросло количество открытых счетов дистанционным способом, это касается как юридических лиц, так и физических. Статистика ЦБ РФ показывает, что дистанционная регистрация счетов в кредитных организациях на 01.01.2021 составляла 278,5 тыс. единиц, что на 23,9 тыс. больше, чем в 2019 г.

Таким образом, часть банковских услуг переходит в онлайн-формат, так как это становится актуальнее. Банки занимаются переориентацией имеющихся технических моделей в целях возможности оказания услуг в рамках дистанционного обслуживания. В связи с этим существует вероятность, что к концу 2023 г. количество отделений банков станет меньше, хотя их число и так активно снижается на протяжении ряда лет.

Отдельно хотелось бы сказать об еще недавней монополии зарубежных поставщиков программно-аппаратных решений на финансовом рынке нашей страны. Поскольку в период внедрения программного обеспечения в работу российских банков отечественной альтернативы попросту не было, то о конкуренции в этой сфере речи не шло, хотя наши разработчики предлагали действительно инновационные продукты. И, к слову, первым внедрять российские ИТ-технологии начал именно Сбербанк.

Ежегодно тратились денежные средства (миллиарды рублей) на лицензионные отчисления за право использовать зарубежное программное обеспечение, что привело к технологической зависимости от иностранных ИТ-поставщиков. При этом в связи с введенными санкциями большая часть западных ИТ-компаний под давлением правительства своих стран отказалась не только предоставлять новое программное обеспечение, но и обслуживать уже установленное в рамках заключенных договоров. В этой связи Банк России утвердил ряд распоряжений, которыми предписал, чтобы кредитные организации провели импортозамещение программного софта и необходимых составляющих, что активно реализуется на сегодняшний день. В частности, Банк ВТБ полностью перешел на российские цифровые платформы.

В то же время анализ опыта ведущих мировых ИТ-компаний (Siemens – Германия, IBM – США, Bull – Франция, Huawei – Китай) показывает, что первоочередным условием продвижения национальной ИТ-индустрии является обеспечение комплекса мер по стимулированию внутреннего устойчивого спроса. В России также необходимо обеспечить комплекс мер по обеспечению спроса на продукты российских компаний и создать условия для замещения программных решений зарубежного производства на российские аналоги⁶. Общему снижению конкурентоспособности российской продукции по отношению к продукции зарубежных поставщиков способствовали ряд нерешенных вопросов правового и организационного характера (в частности, вопросы налогообложения российских ИТ-компаний), а также нехватка квалифицированных кадров. За две недели после начала военной операции в феврале 2022 г. произошел значительный отток ИТ-специалистов (более 250 тыс.), а после объявления о мобилизации – более 300 тысяч⁷. Это составляет порядка 40% от всего количества работающих (всего работает 1,45 млн человек в отрасли ИТ)⁸. Стоит отметить, что вопросы налогообложения были решены быстро и довольно эффектив-

⁶ *Щеголев И.* Мы повысим эффективность госинвестиций в ИТ. URL: https://biz.cnews.ru/articles/igor_shchegolev_my_povysim_effektivnost/3 (дата обращения 5 мая 2023).

⁷ Официальный сайт forbes.ru. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/477957-bolee-30-it-specialistov-uehali-iz-rossii-ili-planiruut-relokaciju> (дата обращения 5 мая 2023).

⁸ Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения 5 мая 2023).

но. Однако вопрос возвращения ИТ-разработчиков, несмотря на ряд принятых Правительством мер (льготная ипотека, бронь от мобилизации и проч.), стоит довольно остро.

В настоящее время Банком России реализуются инициативы, которые уже сейчас позволяют ликвидировать отставание в области разработки программных продуктов и избавиться от технологической зависимости в сфере ИТ (по этой проблеме опубликована статья «Обеспечение Банком России мероприятий по импортозамещению программного обеспечения (программных решений) в кредитных организациях в целях снижения влияния санкционных рисков»). При этом переход на отечественные программные решения никак не понизил уровень и качество оказываемых услуг и доступа клиентов к банковским продуктам. А уровень независимости, защищенности и информационной безопасности отечественных банков вырос в разы.

Далее необходимо проанализировать концентрацию в банковском секторе и отдельные показатели деятельности банков.

Оцениваем долю 15 крупнейших банков по активам⁹.

Выделив рейтинг из 15 представителей кредитных организаций, сравнив их показатели, установлено, что происходит неравномерное распределение и концентрация активов банка на территории РФ. Большинство банков территориально находятся в Центральном федеральном округе, на их долю приходится активов на сумму 101 629 496,8 млн рублей (более 80%). Кредитные организации, составляющие более 80% активов, в данном округе следующие: Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк, Альфа-Банк, Россельхозбанк, Московский Кредитный Банк, Банк Открытие, Росбанк, Тинькофф Банк и др.

Проведенный анализ за период с 2021 по 2023 г. свидетельствует о том, что в течение трех лет на финансовом рынке преобладает олигополия (доля Сбербанка составляет 32% от активов, при этом на 250 банков приходится менее одного процента), а также рынок поделен между банками-лидерами. Высокие доли принадлежат ведущим банкам: ВТБ – 16,3% и Газпромбанку – 7,4%. Данные показатели у этих банков значительно выше, чем у остальных конкурентов Национального Клирингового Центра (доля – 5,1%), Альфа-Банка (доля – 5,1%), Россельхозбанка (доля – 3,5%), т. е. в три-четыре раза меньше, чем у ВТБ, и в девять раз меньше, чем у Сбербанка.

⁹ Официальный сайт Банки.ру. URL: https://www.banki.ru/banks/ratings/?SEARCH_NAME=&#search_label (дата обращения 5 мая 2023).

На основе вышеуказанного можно констатировать:

- уровень монополизации банковской сферы в РФ достиг критической черты – 15 крупнейших банков располагают 2/3 активов всей банковской системы, а Сбербанк и ВТБ – более 50%;
- большинство банков РФ – мелкие и региональные, и дальнейшее их сокращение в банковской сфере приведет к росту концентрации рынка.

Для уменьшения отрицательного эффекта олигополии на рынке Банк России совместно с Ассоциацией российских банков предлагал проанализировать возможность создания регионального банка, для которого будут оказываться некие послабления при соблюдении нормативов¹⁰. При этом предлагалось создать новый вид банка с условием сократить количество нормативов до 5 (вместо 12), что значительно снизило бы нагрузку на банк. Но данное предложение не получило реализации.

При наличии материальных ресурсов данная идея принесла бы эффективные результаты, в том числе прогнозировался процесс ускорения развития отдельных регионов, и позволила бы малым банкам усилить свои позиции на рынке. Создание и развитие регионального банка на территории одного субъекта РФ позволило бы увеличить объем активов в регионе, в том числе за счет реализации целевых программ в субъектах РФ. Кроме того, разрабатывались критерии отнесения (выделения) к региональному банку из общей совокупности кредитных организаций. Рассматривалась возможность отмены для региональных банков расчета показателя управления риском материальной мотивации персонала при оценке положения банков (показатель утвержден указанием Банка России от 03.04.2017 № 4336-У), так как требования Банка России применимы для крупных банков и соответствуют масштабам совершаемых операций. Также предлагалось снизить требования (нормативы) для малых региональных банков, но при этом повысить их для ведущих, крупных. Эта мера позволила бы некоторым малым банкам увеличить свои возможности влияния на рынок и уравнила шансы в конкурентной рыночной борьбе.

¹⁰ Официальный сайт Ассоциации российских банков. URL: https://arb.ru/b2b/discussion/regionalnye_banki_chno_povlechet_izmenenie_statusa-10025465/ (дата обращения 5 мая 2023).

Заключение

Подводя итог, хотелось бы отметить двойственность ситуации на рынке банковских услуг в разрезе темы статьи. С одной стороны, развитие конкуренции среди кредитных организаций необходимо. Повышается уровень обслуживания, предоставляемых услуг и продуктов. С другой стороны, сложившаяся ситуация показывает, что банки-гиганты прочно заняли свое место и конкурировать с ними иные кредитные организации просто не в состоянии, поскольку не могут вкладывать такие же материальные ресурсы в развитие экосистем своих банков. Кроме того, клиенты (в том числе потенциальные) в большинстве случаев предпочитают устойчивые надежные банки с развитой инфраструктурой и большим набором предоставляемых услуг и продуктов. Это является объективной реальностью, которую, на наш взгляд, Центральный банк РФ изменить не может, даже прилагая усилия. Представляется, что в современных реалиях отечественного финансового рынка именно сложившаяся банковская система с преобладанием крупных устойчивых банков позволяет поддерживать стабильность рынка, бесперебойность доступа реального сектора экономики к заемным ресурсам, а также уверенность населения в сохранности своих денежных накоплений.

Литература

- Алиев, Шимшиков 2014 – Алиев У.Ж., Шимшиков Ж.Е. Понятийно-категориальный строй общей теории конкуренции // Теоретическая экономика. 2014. № 1 (19). С. 13–20.
- Осиповская 2021 – Осиповская А.В. Банковская система России: региональный аспект // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 4. С. 111–122. DOI: 10.28995/2073-304-2021-4-111-122.
- Савельева 2020 – Савельева Н.К. Этимология и эволюционирование понятия конкуренция // Теоретическая экономика. 2020. № 3. С. 11–21.

References

- Aliev, U.Zh. and Shimshikov, Zh.E. (2014), "Conceptual and categorical structure of the general theory of competition", *Theoretical Economics*, no. 1 (19), pp. 13–20.
- Osipovskaya, A.V. (2021), "Banking system of Russia: regional aspect", *RSUH/RGGU Bulletin. Economics. Management. Law Series*, no. 4, pp. 111–122. DOI: 10.28995/2073-304-2021-4-111-122.
- Savelyeva, N.K. (2020), "Etymology and evolution of the concept of competition", *Theoretical Economics*, no. 3, pp. 11–21.

Информация об авторе

Станислав В. Тимофеев, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; timofeev@rggu.ru

Information about the author

Stanislav V. Timofeev, Dr. of Sci. (Law), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; timofeev@rggu.ru

Пропаганда как превентивная инновация в современном российском законодательстве

Екатерина Н. Тогузаева

*Саратовский национальный исследовательский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия
belana1@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию превентивного характера позитивной пропаганды, выделяется специфика правового регулирования превентивной пропаганды. Раскрыты превентивные возможности позитивной пропаганды, ее включенность в правовое поле. Предупредительные возможности превентивной пропаганды положительно оценены российским законодателем, следствием чего является появление все новых и новых разновидностей такой пропаганды в актах федерального и регионального уровней. Автором подчеркивается, что превентивная пропаганда является средством правовой политики, ее специфика не должна ограничиваться только профилактическими мерами в контексте профилактики правонарушений. Превентивная пропаганда включает в себя большой спектр мер по стимулированию социально полезного поведения в различных социальных сферах. Прослеживается тенденция, что развитие и легитимация в нормах права превентивной пропаганды зачастую начинается, как правило, с законодательного закрепления запрета, что можно проследить на примере института традиционных семейных ценностей.

Ключевые слова: превентивная пропаганда, инновация, превенция, правовое регулирование, позитивная пропаганда

Для цитирования: Тогузаева Е.Н. Пропаганда как превентивная инновация в современном российском законодательстве // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2024. № 1. С. 143–151. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-143-151

Propaganda as a preventive innovation in Modern Russian legislation

Ekaterina N. Toguzaeva

Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russia, belana1@yandex.ru

Abstract. The article deals in studying the preventive nature of positive propaganda and highlights the specifics related to the legal regulation of preventive propaganda. It reveals the preventive possibilities of positive propagand-

da with its inclusion in the legal field. The preventive possibilities of preventive propaganda are positively assessed by the Russian legislator, which results in the emergence of more and more varieties of such propaganda in acts of the federal and regional levels. The author emphasizes that preventive propaganda is a means of legal policy so its specific character should not be limited only to preventive measures in the context of crime prevention. Preventive propaganda includes a wide range of measures to stimulate socially useful behavior in various social spheres. There is a tendency that the development and legitimation of preventive propaganda in the norms of law often begins, as a rule, with the legislative consolidation of the prohibition, which can be traced to the institution of traditional family values.

Keywords: preventive propaganda, innovation, prevention, legal regulation, positive propaganda

For citation: Toгузаева, E.N. (2024), "Propaganda as a preventive innovation in modern Russian legislation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 1, pp. 143-151, DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-143-151

Введение

Среди видов пропаганды, которая находится в сфере правового регулирования и получила нормативное закрепление в юридической литературе, выделяют позитивную пропаганду (ее же называют конструктивной, стабилизирующей, правомерной) и пропаганду негативную (отрицательную, запрещенную или ограниченную российским законодательством, оказывающую деструктивное и дестабилизирующее воздействие, она носит противоправный характер). Последней посвящено немало научных исследований. Разновидностей подобной пропаганды продолжает появляться все больше и больше. За последнее десятилетие появились новые виды противоправной пропаганды, ответственность за которую предусмотрена в УК РФ, КоАП РФ.

Основная часть

Пропаганда позитивная носит правомерный характер, не запрещается российским законодательством, более того, все чаще им стимулируется, поощряется органами власти, например пропаганда здорового образа жизни, антиалкогольная пропаганда, пропаганда правового просвещения, пропаганда предпринимательской деятельности, антикоррупционная про-

паганда и др. В законодательстве можно встретить нормативное закрепление пропаганды толерантного отношения между представителями разных национальностей, пропаганды истории и ценностей культуры народов Российской Федерации; пропаганды лучших достижений в сфере науки, образования, культуры; пропаганды нравственных ценностей; пропаганды традиционных семейных ценностей, пропаганды ценностей конкуренции; пропаганды среди предпринимателей норм социальной ответственности; пропаганды традиций народов, проживающих на территории отдельного федерального округа и Российской Федерации в целом и другие разновидности пропаганды со знаком плюс.

Такой пропаганде присущи общие черты любой пропаганды, такие как информационный характер, целенаправленность информации, ориентир на формирование определенного поведения, стереотипа, адресность аудитории, что отличает ее от информирования. Главной отличительной чертой такой пропаганды, на наш взгляд, следует признать ее цель – она всегда правомерная, направленная на коррекцию определенного поведения, которое приоритетно для государства. Кроме того, этот вид пропаганды не лишен общих признаков построения технологии любой пропаганды: максимально упрощенный посыл, возможная подмена понятий, наличие эмоциональных триггеров и др. Однако изучение технологий пропаганды не входит в область наших интересов в рамках настоящего исследования. Сосредоточим внимание на правовом оформлении правомерной пропаганды и ее новой роли как превентивной инновации в юридико-техническом оформлении в современном законодательстве.

Конструктивная (позитивная) пропаганда, находя отражение в нормах российского законодательства, выполняет ряд функций, при этом помимо информационной и коммуникативной функций, которые следует признать присущими любому виду пропаганды, позитивной пропаганде присущи еще и специальные функции: воспитательная, просветительская, стабилизирующая, моделирующая, стимулирующая.

Превентивная функция такой пропаганды представляется нам ведущей и позволяет говорить о ее превентивном характере. Однако превентивный характер такой пропаганды в настоящее время приобретает новый, совершенно иной оттенок. В новой парадигме пропаганда становится превентивной компонентой, которая в названии данной работы нами была обозначена как превентивная инновация. Неспособность общества

и государства справиться с некоторыми появляющимися проблемами рождает склонность к новым инновационным формам, новым инновационным компонентам. Ярким примером тому стало закрепление в современном законодательстве важности пропаганды традиционных семейных ценностей как реакция на смену парадигмы семейной трансформации.

Понимая, что инновация является экономической категорией, обратим внимание на то, что в экономическом контексте инновацией называется не любой процесс, а только тот, который существенно улучшает и повышает эффективность действующей системы. Ее признаками, как правило, являются инновационное изменение как результат, стадийность от понимания проблемы и продуцирования идеи до поиска решения проблемы, решение существующих проблем и создание новых возможностей. Более того, инновация предполагает нужный результат с фиксированным получением дополнительной ценности. Все эти признаки эквивалентно подходят и для конструктивной пропаганды, выполняющей превентивную функцию и дополнительно простимулированную государством. Инновация дает экономико-социальный положительный эффект и экономические результаты. В вышеприведенном примере пропаганда традиционных семейных ценностей дает как минимум социально-демографический результат. Именно инновации открывают «возможность предотвращения катастрофических трансформаций социума» [Никитина 2004, с. 5–8].

При этом превентивная функция пропаганды – одна из ведущих, она позволяет работать схеме: «не в ответ на, а во имя...», поскольку предупредительное воздействие всегда эффективнее сдерживания (например, в борьбе с алкогольной и наркотической зависимостью). Результатом можно обозначить превентивную безопасность как состояние общества.

Обратимся к термину «превентивный», который происходит от лат. *praevēnīo* – «опережаю», «предупреждаю», «предотвращаю». Я.И. Тихонов в своем исследовании института превенции совершенно справедливо отмечает, что в настоящее время имеется определенный дисбаланс, юридической превенции несправедливо отводится роль сугубо профилактического средства правового воздействия на область противоправного поведения [Тихонов 2019, с. 3]. Действительно, если правоприменительная практика чаще упоминает его только в контексте превентивных целей наказания и предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и иными лицами, то в законодательстве РФ можно встретить

такие категории, как «превентивное обучение», «превентивный мониторинг», «превентивное лечение», «превентивная медицина». При этом наибольшее внимание на законодательном уровне уделяется превентивной медицине, там, где источник инфекции не выявлен, но есть пути для возможного распространения инфекции для предупреждения развития заболеваний и факторов риска. В этом случае проводится профилактика. В современной медицине имеется целое направление превентивной медицины, главной целью которой является сохранение здоровья человека, направленное в первую очередь на предупреждение развития заболеваний и осложнений.

Аналогию с превентивной медициной, на наш взгляд, можно провести с превентивной пропагандой, направленной на профилактику противоправного поведения, а также профилактику различных проявлений маргинального поведения. Понимание превенции появляется во многих гуманитарных науках, отдельно даже сформировалась такая междисциплинарная наука о предупреждении саморазрушающего поведения и формировании здорового образа жизни, как превентология¹.

Несмотря на то что в различных словарях многие составители отождествляют такие прилагательные, как «превентивный» и «профилактический», о близости данных понятий не приходится спорить, все же нам кажется верным подход современного законодателя, использующего в нормативных актах такие обороты, как «меры по профилактике», «профилактические меры, направленные на...», «меры, направленные на профилактику...». Считаю уместным говорить о профилактическом содержании (наполнении) превентивной пропаганды. К примеру, профилактика алкогольной, табачной зависимости – это в том числе и превентивная пропаганда различными способами в отношении тех, кто находится в зоне риска. Превентивная пропаганда – одна из системы превентивных мер. Превентивная пропаганда проводится с профилактической целью. Если в других сферах применения превентивный и профилактический могут быть отождествлены, то в юридическом контексте такое отождествление кажется нам неверным, тем более в современных реалиях, когда очевиден перенос акцентов на предупредительное воздействие как на важнейшее направление современной правовой политики. Разделяю мнение о том, что методы и меры осуществления правовой политики являются компонентами,

¹ Крутько И.С., Пономарев А.В. Введение в превентологию: Учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 7.

которые по своей природе и характеру выступают в качестве составных частей механизма реализации правовой политики [Марченко 2013, с. 28–29], превентивную пропаганду можно считать средством осуществления превентивной правовой политики.

Превенция не сводится только лишь к профилактике правонарушений, она значительно шире по своему содержанию и в первую очередь направлена на то, чтобы стимулировать и поощрять лиц на осуществление социально полезного поведения, соответственно, превентивная функция пропаганды связана с распространением идей о социально полезном, общественно значимом правомерном поведении в различных социальных сферах.

Превентивные действия всегда связаны с прогнозированием проблем и потенциальных рисков, и созданием планов по недопущению и предотвращению этих проблем. Считаем возможным заключить, что позитивная пропаганда, урегулированная в законодательстве РФ, носит превентивный характер и может быть названа превентивной пропагандой.

Предупредительные возможности превентивной пропаганды положительно оценены российским законодателем, следствием чего является появление все новых и новых разновидностей такой пропаганды в актах федерального и регионального уровней.

Отметим следующую специфику правового регулирования превентивной пропаганды:

- 1) характерным остается общедозволительный тип правового регулирования;
- 2) эффективное превентивное регулирование должно начинаться с формулирования целей, в том числе и целей превентивной пропаганды при согласованности целей и планов федерального уровня и уровней субъектов;
- 3) конструкции превентивной пропаганды часто помещаются в акты стратегического, доктринального значения, учитывая то, что чаще в центре внимания такого регулирования остаются социальные проблемы, а целью является нейтрализация причин, вызывающих социальные проблемы;
- 4) конкретизация действий по каждому виду пропаганды раскрывается в соответствующем плане мероприятий для предотвращения той или иной потенциальной угрозы;
- 5) правовые корректировки находятся в зависимости от включенности общества в информационную среду и своевременного реагирования в рамках правового поля на уже существующие социальные процессы;

- б) экстраполяция на ближайшее будущее должна соотноситься с качеством правового регулирования в настоящее. Данная сфера максимально подвижна и динамична, что должно четко отражаться в действующем законодательстве посредством приемов и средств юридической техники, учитывая формулу «не навреди» (например, в настоящее время очевидно, что степень интенсивности правового регулирования и широта охвата правовым воздействием института семьи и всех видов пропаганды семейных ценностей значительно возросла, учитывая кризисное состояние демографической обстановки);
- 7) перечень разновидностей превентивной пропаганды всегда остается открытым;
- 8) внушительный объем регулирования приходится на подзаконные акты регионального уровня (акты правительств регионального уровня, указы глав регионов, ведомственные акты).

Развитие и легитимация в нормах права превентивной пропаганды зачастую начинается с законодательного закрепления запрета, что можно проследить на примере института традиционных семейных ценностей:

- Федеральным законом от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» к информации, запрещенной для распространения среди детей, была отнесена информация, отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи;
- в 2013 г. в КоАП РФ вводится статья 6.21 «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних»;
- 23 сентября 2014 г. Конституционный Суд РФ в Постановлении № 24-П подчеркнул цель, которую преследовал федеральный законодатель при введении административного запрета – оградить ребенка от воздействия информации, способной подтолкнуть его к нетрадиционным сексуальным отношениям, приверженность которым препятствует выстраиванию семейных отношений, как они традиционно понимаются в России и выражены в Конституции РФ;
- после 2020 г. уже в поле правового регулирования появляется превентивная пропаганда традиционных семейных ценностей, которые получили закрепление в поправках 2020 г. к Конституции РФ и далее были закреплены во многих нормативных актах.

Именно право, правовое регулирование усиливает эффект превентивной пропаганды, поскольку право является одним из

...главных инструментов, который призван не только оберегать национально-государственные интересы, не осложнять их функционирование, но также открывать перспективы для поиска и оптимального закрепления с учетом тенденций развития глобализирующегося мира [Баранов 2015, с. 35, 37].

Выводы

Не рассматривая в настоящей работе пропаганду как технологию политической коммуникации или как технологию манипулирования общественным сознанием, тем не менее отметим, что у превентивной пропаганды максимально усилен коммуникационный эффект между адресатом и субъектом пропаганды. Учитывая вышеизложенное, превентивной пропагандой предлагаем называть пропаганду, ориентированную на выявление социальных проблем и имеющую предупредительное воздействие, урегулированную на законодательном уровне. Объектом превентивных технологий является семья, здоровье нации, экологическая безопасность, культурные традиции и др.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00386, <https://rscf.ru/project/24-28-00386/>

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00386, <https://rscf.ru/project/24-28-00386/>

Литература

- Баранов 2015 – *Баранов В.М.* Национально-государственный интерес как объект деструктивного воздействия права в условиях глобализации // Правовое поле современной экономики. 2015. № 9. С. 31–39.
- Марченко 2013 – *Марченко М.Н.* Правовая политика: понятие, субъекты, механизм реализации // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. № 5. С. 26–37.
- Никитина 2004 – *Никитина Ю.А.* Козволюционная инноватика как основополагающая методология исследования направлений развития социальных систем // Вестник ТГПУ. 2004. Вып. 2 (39). С. 5–8.
- Тихонов 2019 – *Тихонов Я.И.* Институт превенции в системе российского права: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Казань, 2019. 26 с.

References

- Baranov, V.M. (2015), "National-state interest as an object of destructive influence of law in the context of globalization", *Legal framework of modern economics*, no. 9, pp. 31–39.
- Marchenko, M.N. (2013), "Legal policy. Concept, subjects, mechanism of implementation", *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, no. 5, pp. 26–37.
- Nikitina, Yu.A. (2004), "Coevolutionary innovation studies as a fundamental methodology for researching the development trends in social systems", *Bulletin of TSPU*, iss. 2 (39), pp. 5–8.
- Tikhonov, Ya.I. (2019), *Institute of Prevention in the system of Russian Law*, Abstract of PhD dissertation, Kazan, Russia.

Информация об авторе

Екатерина Н. Тогузаева, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, д. 83; belana1@yandex.ru

Information about the author

Ekaterina N. Toguzaeva, Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russia; bld. 83, Astrakhanskaya Street, Saratov, Russia, 410012, belana1@yandex.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Экономика. Управление. Право»
№ 1
2024

Дизайн обложки
Е.В. Амосова
Корректор
А.А. Леонтьева
Компьютерная верстка
Е.Б. Рагузина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73407 от 03.08.2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 15.04.2024
Выход в свет 22.04.2024
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 9,4. Усл. печ. л. 9,5
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 1939

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru